

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А. Н. ЩЕГЛОВ

СЕВЕРО-
ЗАПАДНЫЙ
КРЫМ
В
АНТИЧНУЮ
ЭПОХУ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
И. Б. БРАШИНСКИЙ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

Монография посвящена изучению района, тесно связанного с историей двух значительных причерноморских государственных образований античной эпохи: греческого полуса Херсонеса и позднескифского государства с центром в Крыму. Построенная на результатах многолетних исследований автора в Северо-Западном Крыму и на изучении всей совокупности накопленных материалов, книга охватывает период с конца VI в. до н. э. по первые века нашей эры. Освещены вопросы палеогеографии района, хронологии и типологии памятников, структуры хозяйства; дается характеристика городов, херсонесских земледельческих поселений и аграрных систем, скифских крепостей. Особое внимание уделено социально-экономическому устройству херсонесской хоры и развитию взаимоотношений Херсонеса с населением Крыма и степного Причерноморья, прежде всего со скифами.

Издание рассчитано на археологов, историков, географов и палеоботаников.

ВВЕДЕНИЕ

Северо-Западный Крым — культурно-историческая область, заключенная между Сакско-Евпаторийским прибрежным районом на юге и Перекопским перешейком на севере, — долгое время был наименее изученной в археологическом отношении частью Крымского полуострова. Между тем этот исторически сложившийся регион с IV в. до н. э. на протяжении не менее шестисот лет играл весьма существенную роль в истории двух крупных государств античной эпохи: полиса Херсонеса и позднескифского царства. Входя в состав сначала первого, а затем второго, Северо-Западный Крым служил для них важнейшей сельскохозяйственной базой, т. е. той экономической основой, без которой невозможно представить существование крупных государственных образований античной эпохи. Именно при региональном изучении подобных территорий перед исследователем встают наиболее кардинальные проблемы политического, экономического и социального устройства полиса и его хэры, вопросы экономических, социальных и культурных взаимодействий между туземными обществами и античными центрами, проблемы изучения форм зависимости в греческих и варварских государственных образованиях. Здесь же следует искать причины некоторых политических взаимоотношений между варварским и греческим миром, в данном случае между скифами, сарматами и Херсонесом.

Исследование хоры античных государств, находившихся на северных берегах Понта, с 1950-х годов приняло довольно широкий размах [Стржелецкий, 1951, 1961; Блаватский, 1953; Кругликова, 1957, 1959, 1975; Щерлов, 1967, 1968, 1976; Славин, 1976; см. также: Pečírka, 1968, 1970, 1973; Wąsowicz, 1969, 1972, 1974, 1975, 1975a; Dufková, Pečírka, 1970; Pippidi, 1973]. Что касается непосредственно Херсонеса, то здесь долгое время изучалась только ближайшая сельскохозяйственная территория города на Герacleйском полуострове [Стржелецкий, 1961 — там же подробная библиография; см. также: Dufková, Pečírka, 1970]. Большая же часть территории Херсонесского государства по сути дела оставалась terra incognita. Такое состояние изученности привело к созданию ряда противоречивых гипотез о территориальных владениях Херсонеса и их структуре. Размеры владений Херсонеса либо необычайно преувеличивались, либо значительно преуменьшались. Аграрное устройство могло моделироваться только по непосредственно прилегающим к городу землям, и, следовательно, структура хоры полиса в целом не могла быть выявлена. Невозможно было оценить экономическую весомость Северо-Западного Крыма в жизни Херсонеса и позднескифского государства, а также значение этого района в их политической истории.

Развернувшиеся с 1959 г. широкие археологические исследования памятников Северо-Западного Крыма позволили значительно изменить сложившиеся представления о данном районе и внести соответствующие кор-

рективы в некоторые вопросы истории Херсонесского и Скифского государств. В предлагаемой работе сделана попытка обобщения итогов многолетнего изучения Северо-Западного Крыма, которые позволяют проследить в самых общих чертах основные линии исторического развития и структуры этой области Крыма в связи с историей Херсонеса и позднескифского царства. При этом автор отчетливо представляет, что предлагаемая модель есть не что иное, как именно историческая модель, причем не единственно возможная и далеко не полная.

* * *

Интерес к древностям Северо-Западного Крыма проявился в первой половине прошлого века. Начало положила небольшая заметка в первом томе Записок Одесского общества истории и древностей [Шмаков, 1844]. В ней упоминается о следах каменных оград вокруг Ак-Мечетской (Черноморской) бухты, которые ограничивали прямоугольные участки поля. На протяжении более чем ста последующих лет наблюдения А. И. Шмакова оставались единственным свидетельством существования следов древнего размежевания в окрестностях Калос Лимена [Блаватский, 1953, с. 62; 1961, с. 33; Стржелецкий, 1961, с. 45]. Одновременно с публикацией А. И. Шмакова появилось описание только что атрибутированных монет Керкинитиды [Friedlaender G., 1844]. Исходя из сообщения Страбона [VII, 4, 3], Г. Фридлиндер предположил, что Калос Лимен был колонией Херсонеса, а Керкинитиды, которая по данным периплов лежала между Калос Лименом и Херсонесом, должна была находиться в зависимости от последнего. Несколько позднее статья Г. Спасского положила начало изучению монет Керкинитиды в русской науке; в ней же содержится попытка определить местоположение этого города [Спасский, 1848]¹. Работы последующих десятилетий [Neumann, 1855; Бруд, 1872, 1879, 1880; Кречетов, 1889; подробный обзор см.: Латышев, 1892, с. 9 сл.] — были посвящены вопросам локализации Керкинитиды и Калос Лимена на основании нарративных источников. Работы эти, выполненные путем сопоставления сведений, приведенных у древних авторов, и сличения их с картой, несмотря на расхождения в выводах, сыграли большую роль в дальнейшем изучении античных центров Северо-Западного Крыма. Они поставили исследователей перед необходимостью произвести на местности поиски исчезнувших городов и определили примерные районы местоположения двух указанных пунктов.

Долгое время в литературе дискутировался вопрос, можно ли считать Керкинитиду Геродота и Каркину Птолемея одним и тем же городом, или нет; но, начиная с В. В. Латышева, господствующим стало мнение, что оба свидетельства относятся к одному и тому же центру [Латышев, 1892, с. 10; ср. Тюменев, 1955, с. 38].

Находка в 1878 г. в Херсонесе почетного декрета в честь полтавского полководца Диофанта [IOSPE, I^a, 352; Юргевич, 1881], а спустя двенадцать лет, в 1890—1891 гг., — торжественной клятвы херсонесцев, получившей название «Херсонесской присяги» [IOSPE, I^a, 401; Латышев, 1892], значительно обогатили число важнейших источников по истории Причерноморья и, конечно, послужили определенным стимулом к дальнейшему изучению Северо-Западного Крыма. Поиски Керкинитиды и Калос Лимена на местности начал П. О. Бурачков [Бурачков, 1875, 1881]. Он выдвинул предположение, что Керкинитиды находилась у западного конца пересыпи Донузлавского озера (городище Беляус), а Калос Лимен — у Сары-Булатской (Бакальской) косы. У Донузлава локализовали Керкинитиды Нейманн, Десимони и Кречетов. Бруд сначала помещал ее в окрестностях Евпатории, затем принял доводы Бурачкова. Латышев попеременно следовал локализа-

¹ Работа повторена в «Археолого- numismатическом сборнике» (М., 1850) и в «Mémoires de la Société impériale d'archéologie et de numismatique», v. IV (Paris, 1851).

ции Бруна [IOSPE, II, карта], затем Бурачкова [Латышев, 1892, с. 10; 1909, с. 154] и, наконец, Романченко [IOSPE, I², р. 283], т. е. опять же у Евпатории. В различных местах помещали разные авторы и Калос Лимен: от Бакальской косы и Перекопа до Ак-Мечетской (Черноморской) бухты [Гриневиц, 1949]. Несмотря на то что точное местоположение двух названных пунктов так и не было окончательно установлено, важнейшая заслуга П. О. Бурачкова заключается в том, что он первый попытался увязать сведения письменных источников с археологическими памятниками и, проведя разведки в Северо-Западном Крыму, указал на остатки ряда древних поселений на побережье, а также составил первую археологическую карту окрестностей Евпатории в районе Мойнакских озер.

В 1895—1897 гг. евпаторийский инженер Н. Ф. Романченко производил разведки и раскопки в Евпатории и ее окрестностях [Романченко, 1894, 1896, 1907]². Им раскапывались могилы от V до III—II вв. до н. э. на некрополе Керкинитиды и загородные сельские усадьбы у Биюк-Мойнакского озера. Позднее сборами и любительскими раскопками в Евпатории занимался В. Ф. Штифтар, которому принадлежит серия публикаций памятников керамической эпиграфики [Штифтар, 1911, 1913, 1914, 1917, 1927]. В 1901 г. помещиком А. В. Поповым грабительски раскапывались курганы в имении Караджа (совр. Оленевка) и находящееся там же городище.³ Полевая фиксация не велась, вещи же поступили в Ай-Тодорскую коллекцию вел. кн. Александра Михайловича, и настоящее их местонахождение неизвестно. Караджинский могильник был полностью уничтожен.

В 1916 г. были выделены средства на строительство Евпаторийской грязелечебницы. В связи с этим М. И. Ростовцев в письме в Археологическую комиссию от 9 сентября 1916 г. поставил вопрос о необходимости провести на территории строительства широкие археологические исследования, строго и точно сформулировав их задачи. «Выяснение характера этих поселений (в районе Евпатории, — А. Щ.), — писал он, — откроет нам глаза на целый ряд сторон в истории Крыма, выяснит отношение греков, зависимых от Херсонеса, и скифов, обитателей степного Крыма».⁴ М. И. Ростовцев считал, что указанные работы должны были проводиться Херсонесским музеем: «Весь херсонесский инвентарь, таким образом, мог бы быть использован в Евпатории, а во главе дела, естественно, стал бы заведывающий раскопками в Херсонесе, член Археологической комиссии (Л. А. Моисеев, — А. Щ.)».⁵ Идею начать немедленные раскопки поддержали В. В. Латышев и П. С. Уварова, которая предложила возложить руководство исследованиями на М. И. Ростовцева. Инициатива М. И. Ростовцева увенчалась успехом. Раскопки в окрестностях Евпатории были начаты в 1917 г. и продолжались в следующем году. Проводил их Л. А. Моисеев под общим руководством Б. В. Фармаковского (по поручению Археологической комиссии). Заложив на городище Керкинитиды в первый же полевой сезон более тридцати раскопов, Л. А. Моисеев установил общие границы города, открыл оборонительные стены, проследил направление некоторых улиц. Он впервые попытался разобраться в стратиграфии культурного слоя и правильно определил время основания Керкинитиды (конец VI в. до н. э.). Не меньшее значение имели раскопки двух загородных усадеб близ Мойнакского озера. К сожалению, результаты этих интереснейших и важных исследований не были опубликованы⁶, что сыграло, несомненно, отрицательную роль в формировании последующих научных представлений.

Работами Л. А. Моисеева заканчивается первый период археологического изучения памятников Северо-Западного Крыма. Несмотря на спорадичность

² См.: ОАК за 1895 г.; ОАК за 1896 г.; ОАК за 1897 г.

³ Архив ЛОИА, ф. 1935 г., оп. 2, № 452/8, л. 45.

⁴ Там же, ф. 1, 1916 г., д. № 128, л. 48 сл.

⁵ Там же, л. 19 и 21.

⁶ Напечатана только публичная лекция [Моисеев, 1918]. Архивные материалы находятся в ЛОИА и Херсонесском музее (сохранились частично).

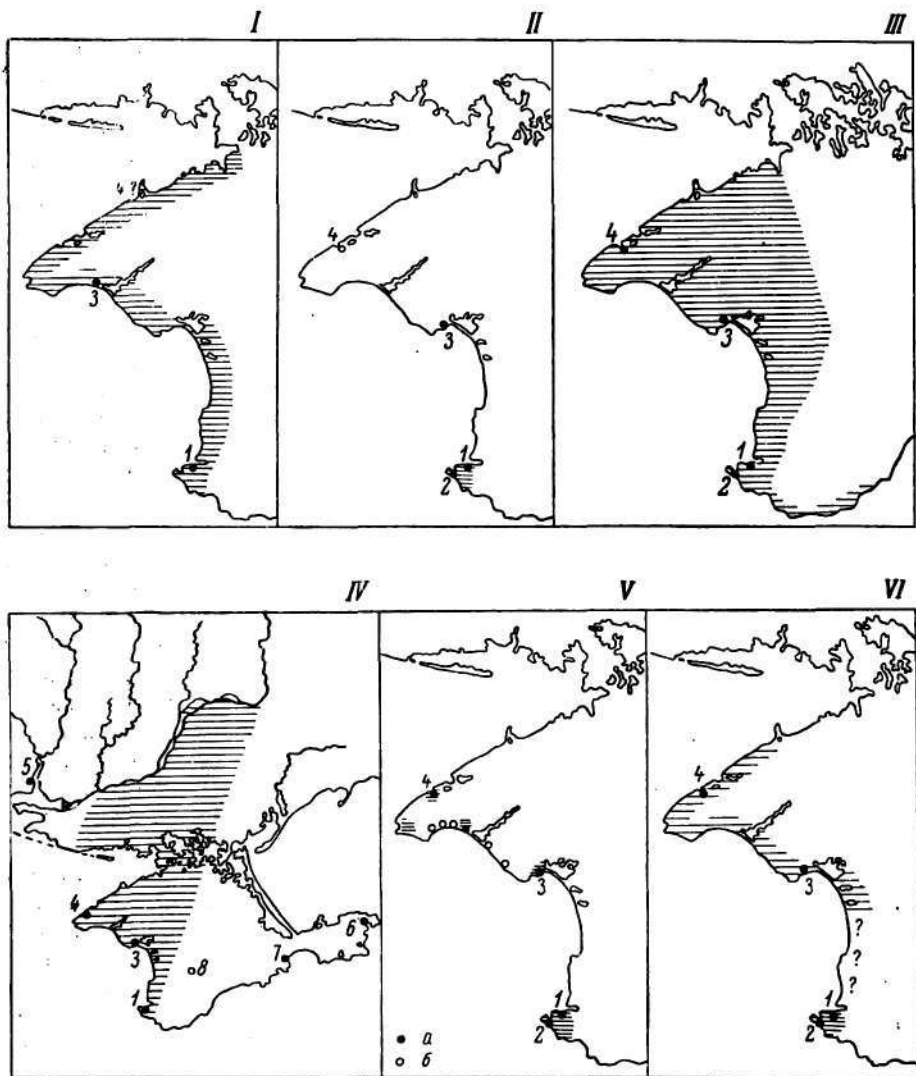

Рис. 1. Развитие представлений о территориальных владениях Херсонеса.

I — по В. В. Латышеву; II — по А. Л. Бертье-Делагарду; III — по Л. А. Мошсеу; IV — по К. Э. Гриневичу; V — по С. А. Жебелеву—П. Н. Шульцу—А. И. Тюменеву; VI — по А. Н. Щеглову. а — греческие поселения; б — позднескифские поселения. 1 — Херсонес; 2 — «старый» Херсонес; 3 — Керкинитида; 4 — Калос Лимен; 5 — Ольвия; 6 — Пантикапей; 7 — Фгодосия; 8 — Неаполь (скифский)

и в значительной степени неудовлетворительность (с современной точки зрения) раскопок, исследование самого крупного центра Северо-Западного Крыма все же значительно продвинулось вперед. Особенно больших успехов достигла нумизматика Керкинитиды [Орешников, 1892, 1911, 1915]. Из находок были опубликованы наиболее примечательные, такие как стела Амбатии [IOSPE, I², 283; Kieseritzky und Watzinger, 1909, № 91] или скифское золото так называемого Ак-Мечетского кургана [Толстой и Кондаков, 1884, с. 126; Minns, 1913, p. 267; ср.: Ростовцев, 1925; Rostovtzeff, 1931]. Вместе с тем продолжалась работа над осмыслением и интерпретацией письменных источников, касающихся истории Херсонеса и его владений, а также взаимоотношений херсонесцев со скифами. Для Северо-Западного Крыма сохраняет значение этюд В. В. Латышева — исследование отрывка из Страбона [VII, 4, 2], где содержится описание берегов Западного Крыма

[Латышев, 1892а, 1909]. По его убедительному предположению, в дошедшем до нас тексте Страбона имеется значительная лакуна как раз в том месте, где приводилось описание побережья от «городка» (πολίχνη) до «другой гавани» (ἄλλος λιμήν) херсонесцев.

Основное внимание уделялось рассмотрению эпиграфических документов: гражданской присяги [IOSPE, I², 401], декретов в честь Диофанта [IOSPE, I², 352] и об осаде Калос Лимена [IOSPE, I², 353]. В результате среди большинства исследователей к концу XIX—началу XX в. сложилось мнение, что Херсонес домитридатовского времени владел значительной территорией в западной части Крыма [Латышев, 1892, 1909; Reinach, 1895, 1960; Michel, 1900; Minns, 1913; Кулаковский, 1914]. Такой взгляд продержался до середины тридцатых годов. Однако представления о территориальных владениях Херсонеса, а тем более об их характере, оставались весьма смутными и расплывчатыми, ибо письменные источники оставляли широкое поле для толкования. Так, В. В. Латышев, исходя из текста присяги, полагал, что χῆρα Херсонеса включала почти всю западную часть Крыма вдоль его берега [Латышев, 1892, с. 11; 1909, с. 156] (рис. 1, I). Там находилась πεδῖον, отождествлявшаяся им с «равниной» надписи в честь Агасикла [IOSPE, I², 318]; вывозимый же с нее хлеб мог удовлетворять потребности лишь города, но не экспорта. По Ю. Кулаковскому, «область Херсонеса захватывала степные пространства, служившие для хлебопашества, и простиралась вдоль западного побережья Тавриды» [Кулаковский, 1914, с. 23]. Л. А. Моисеев считал, что «государственная территория Херсонеса в эпоху его расцвета» была еще шире: она «занимала нынешнее Севастопольское градоначальство, весь Евпаторийский уезд, часть Симферопольского уезда и некоторую часть южного побережья» [Моисеев, 1918, с. 248 сл.], т. е. почти половину Крыма (рис. 1, III). Вместе с тем Л. А. Моисеев выдвинул предположение, что Херсонес «взял у скифских царей всю равнину, т. е. и северо-западный угол Тавриды, как бы на откуп и стал по отношению к ним в положение арендатора» [там же, с. 254], поставив себя таким образом в зависимость от позднескифского государства. Стремление избавиться от опеки скифских царей, превратить «арендуемые» земли в собственные владения, привело, по Л. А. Моисееву, к войне между скифами и Херсонесом, разгоревшейся в конце II в. до н. э.

Некоторым исследователям владения Херсонеса представлялись еще более обширными (рис. 1, IV): «Херсонесу были подвластны земли, помимо Гераклейского полуострова, вплоть до Сиваша, и одно время его владения доходили чуть ли не до Днепровских порогов!» [Гриневиц, 1926, с. 7 сл.; ср.: Иванов, 1912, с. 16]. К. Э. Гриневиц весьма пренебрежительно относился к скифскому государству. Столица Крымской Скифии, по его определению, «бедный скифский городок с глинобитными хижинами, жалкой оборонительной стеной», а Диофант «в два года сломил упорство скифов, разрушил их столицу и уничтожил их державу» [Гриневиц, 1926, с. 8]. Причину херсонесско-скифской войны К. Э. Гриневиц видел в великодержавной политике скифских царей, пытавшихся захватить владения Херсонеса и сам город. Даже при том уровне знаний по затронутым проблемам, которые были накоплены к этому времени, исторические построения К. Э. Гриневица не имели под собой серьезных оснований. В них отчетливо прослеживается тенденция рассматривать историю Причерноморья сквозь призму чрезмерно преувеличенных представлений о роли Херсонеса в истории северо-причерноморских обществ.

Однако высказывались и иные точки зрения. Так, А. Л. Бертье-Делагард вообще отрицал возможность распространения Херсонеса на западное побережье Крыма. По его утверждению, «город владел только каменистой, сухой, безводной и бесплодной своей ближайшей окрестностью и ничем более до времени Митридата. Керкинитида и Калос Лимен были временами его отдаленными мелкими факториями, рыболовными и соледобычливыми местами, связанными с метрополией только морем» [Бертье-Делагард,

1907, с. 192 сл., прим. 1) (рис. 1, II). В противовес В. В. Латышеву А. Л. Бертъе-Делагард считал, что «равнина» надписи Агасикла не может отождествляться с «равниной» присяги, а последняя, в свою очередь, не могла находиться на западном побережье Крыма, ибо она (равнина на западном побережье, — А. III.) «сравнительно мало плодородна». В отличие от К. Э. Гриневича он крайне преуменьшил значение Херсонеса, а к присяге относился скептически, полагая, что «весь ее текст есть не что иное, как обычное греческое бахвальство» [там же, с. 192]. Наконец, было выдвинуто предположение, «что влияние Херсонеса не пошло дальше некоторых пунктов на берегу, не распространившись, таким образом, на плодородные участки Западного Крыма» [Коцевалов, 1927]. Как увидим ниже, к близкой точке зрения пришли несколько позднее С. А. Жебелев, А. И. Тюменев и другие исследователи.

Второй период археологических исследований в Северо-Западном Крыму начинается с доклада В. Ф. Штифгара на II конференции археологов СССР, проходившей в Херсонесе осенью 1927 г. [Штифгар, 1927а]. В нем он поставил вопрос о необходимости дальнейшего изучения памятников данного района, тесно связанных с историей Херсонеса. Вскоре после этого, в 1929 и 1930 гг. [Эрист, 1931], Л. А. Моисеев продолжил изучение городища Керкинитиды, произвел первые раскопки Калос Лимена и его некрополя, а также обследовал побережье к западу от Евпатории, расчистив на Кульчукском городище часть стен греческого укрепления. Однако результаты этих исследований остались неопубликованными⁷. Поэтому новый этап фактически начался с разведок и раскопок П. Н. Шульца в 1933—1934 гг. [Шульц, 1937, 1941]. П. Н. Шульц первым после М. И. Ростовцева обратил внимание на важность комплексного изучения памятников Северо-Западного Крыма не только с точки зрения истории Херсонеса, но и истории скифо-сарматского мира. Им же был вновь поставлен вопрос о взаимосвязи между варварскими и греческими поселениями изучаемого региона. Изучению различных вопросов истории и культуры Керкинитиды и Калос Лимена, начиная с тридцатых годов, посвящаются работы М. А. Наливкиной [Наливкина, 1934, 1940, 1952, 1953, 1955, 1957, 1959, 1963, 1963а, 1970; Максимова и Наливкина, 1955], которая на протяжении ряда лет (1948—1952) вела успешные раскопки этих двух центров. Материалы, добытые М. А. Наливкиной, имеют важное значение для всесторонней характеристики городов Северо-Западного Крыма; ею уточнена стратиграфия Керкинитиды, открыты строительные остатки различных периодов, подтверждена дата основания города, предложенная Л. А. Моисеевым [Моисеев, 1918], впервые изучалась городская застройка Калос Лимена. Существенно и то, что основные итоги полевых исследований автором опубликованы. В послевоенные годы Тавро-скифская, а позднее — Северо-крымская экспедиция ИА АН УССР под руководством П. Н. Шульца продолжала разведки в Северо-Западном Крыму⁸. Одновременно изучались отдельные группы памятников интересующей нас эпохи — курганы [Троицкая, 1951, 1954; Смирнов Г. Д. 1952; ср.: Клейн, 1961] и городища [Дашевская, 1954] по материалам предшествующих раскопок и разведок. Появились серьезные работы о монетах Керкинитиды [Зограф, 1951; Карышковский, 1953] и памятниках скульптуры из Северо-Западного Крыма [Наливкина, 1940; Максимова и Наливкина, 1955]. Однако широких полевых исследований в Северо-Западном Крыму и в этот период не велось, если не считать раскопок Керкинитиды и Калос Лимена. Такое отношение к описываемому району, по-видимому, можно объяснить тем, что построенная на основании работ П. Н. Шульца в 1933—1934 гг. историческая модель представлялась корректной, логически завершенной и хорошо вписывалась в общую концепцию развития северо-причер-

⁷ Архивные материалы частично хранятся в ЛОИА, частично в Херсонесском музее, куда поступили недавно.

⁸ Материалы не опубликованы [краткую информацию см.: Шульц, 1949, 1955].

номорских обществ в античную (скифо-сарматскую по другой терминологии) эпоху.

В 1935 г. вышла статья С. А. Жебелева, посвященная детальному разбору гражданской присяги херсонесцев [Жебелев, 1935, повторена: Жебелев, 1953], написанная еще до работ П. Н. Шульца. В ней автор, считая, что херсонесские $\tau\epsilon\acute{\iota}\chi\eta$ следует искать на северо-западном берегу Крымского полуострова, подчеркивал, что поиски их и установление территориальных владений Херсонеса должны быть «документально проверены планомерным археологическим исследованием» [Жебелев, 1953, с. 219 сл.]. С. А. Жебелев предполагал, что $\tau\epsilon\delta\acute{\iota}\omicron\nu$ присяги и надписи на постаменте статуи Агасикла находилась в Западном Крыму. На ней могли быть расположены земельные участки, отведенные под виноградники и хлебопашество и эксплуатируемые Херсонесом. «Однако значительная часть равнины все же принадлежала скифам-земледельцам», которые торговали хлебом с Херсонесом [там же, с. 232]. В отличие от В. В. Латышева С. А. Жебелев считал, что благодаря торговому обмену со скифами в Херсонесе было достаточно хлеба не только для покрытия нужд города, но и для его вывоза.

Несмотря на стройность изложения, в статье С. А. Жебелева встречаются существенные противоречия. Так, с одной стороны, в территориальное понятие $\chi\acute{\omega}\rho\alpha$ («область») им включен сначала только Гераклейский полуостров [там же, с. 220], а несколькими страницами ниже — все «западное побережье Крыма, по меньшей мере до Акмечети (Калос Лимена, — А. III.)» [там же, с. 230]. С другой стороны, $\chi\acute{\omega}\rho\alpha$ не есть $\tau\epsilon\delta\acute{\iota}\omicron\nu$ [там же, с. 220, 231 сл.], хотя на последней находились херсонесские виноградники и поля и в то же время предполагалось существование здесь не только греческих, но и скифских поселений, так как $\tau\epsilon\delta\acute{\iota}\omicron\nu$, по мнению автора, по-видимому, в основном принадлежала скифам. Следовательно, в противовес выводам С. А. Жебелева, из логики его же рассуждений необходимо признать, что часть «равнины» все же входила в состав херсонесской хоры и что, следовательно, нет оснований в данном случае предполагать, что к понятию $\chi\acute{\omega}\rho\alpha$ в контексте присяги не приложимо понятие $\tau\epsilon\delta\acute{\iota}\omicron\nu$. Последнее, по-видимому, уже, чем $\chi\acute{\omega}\rho\alpha$, одновременно являясь ее составной частью независимо от того, понимались ли в каждом конкретном документе — присяге и декрете в честь Агасикла — под термином $\tau\epsilon\delta\acute{\iota}\omicron\nu$, разные территории на хоре полиса или одна. Если исходить из такого понимания термина $\tau\epsilon\delta\acute{\iota}\omicron\nu$, то никак нельзя согласиться с С. А. Жебелевым, что «равнина» как часть хоры полиса могла в основном принадлежать скифам и одновременно херсонесцам. Из контекста присяги и надписи Агасикла следует, очевидно, только то, что в том и другом случае $\tau\epsilon\delta\acute{\iota}\omicron\nu$ находился в составе хоры Херсонеса, т. е. области, которой полис владеет (или управляет), и только поэтому полис имеет полное право организовывать эту (свою) территорию — размежевывать земли или регламентировать продажу хлеба, вывозимого с нее.

Археологическое изучение скифских и греческих городищ Северо-Западного Крыма, предпринятое П. Н. Шульцем, позволило ему выдвинуть гипотезу о том, что в конце IV или на рубеже IV—III вв. до н. э. на побережье описываемого района «система скифо-сарматских укрепленных поселений возникает одновременно с греко-скифскими городами и укреплениями; обе системы как бы противостоят одна другой» [Шульц, 1941, с. 270 (курсив наш, — А. III.)]. Эта гипотеза, перекликающаяся в значительной степени с выводами С. А. Жебелева, была принята большинством советских исследователей, разработана и превратилась в общепризнанную концепцию [Артамонов, 1948; Тюменев, 1950, 1955; Соломоник, 1952; Граков, 1954; Дашевская, 1954]. Основные ее положения сводятся к следующему. В IV—III вв. до н. э. происходит одновременное выдвижение скифов и греков к берегам Северо-Западного Крыма, где создаются противостоящие друг другу укрепленные поселения. Согласно одной точке зрения, образование скифских городищ связано с оседанием автохтонных крымских скифов на землю в процессе образования государства [Артамонов, 1948, с. 64 сл.;

Дашевская, 1954, с. 14]. Согласно другой [Граков, 1954, с. 22 сл.; Соломоник, 1952, с. 108 сл.] — скифское государство сложилось раньше, при Атее; к IV в. до н. э. относится, по-видимому, принудительное переселение в Крым части нижнеднепровских скифов-земледельцев [Граков, 1954, с. 21 сл.]; несколько позднее в Крым переносятся основные центры скифов [Соломоник, 1952, с. 111; Граков, 1954, с. 27 сл.]; «частое упоминание враждебных варваров в херсонесских надписях IV—III вв. до н. э. свидетельствует о враждебных отношениях, основанных на *захвате ряда прибрежных мест Скифии херсонесцами* [Граков, 1954, с. 25 (курсив наш, — А. Ш.); ср.: Граков, 1947, с. 83]. Так или иначе, но «Херсонес не обладал полностью даже той частью западного побережья, где были расположены его опорные пункты» [Тюменев, 1950, с. 50 (курсив наш, — А. Ш.), да и эти последние потом были захвачены скифами [Тюменев, 1955, с. 41 сл.]. «Все (прежние, — А. Ш.) суждения о внешних владениях Херсонеса, даже более умеренные, сильно преувеличены» [Тюменев, 1950, с. 48 сл.], «Тенденция, имевшая место в ряде работ, рассматривать всю территорию побережья от Херсонеса до Калос Лимена как якобы херсонесские владения, — говорит П. Н. Шульц,⁹ — не имеет под собой никаких сколько-нибудь серьезных оснований и является выражением переоценки роли античного Херсонеса в развитии местных племен и народностей и недооценки, а иногда и прямого отрицания скифского государства. Вместе с тем наметилась и другая крайность: трактовка Керкинитиды, исходя из Гекатея, скифским городом на всем протяжении ее развития (везде курсив наш, — А. Ш.)».

Херсонесские владения в Северо-Западном Крыму, таким образом, представлялись в виде небольших разорванных территорий, прилегающих к городам и укреплениям [Блаватский, 1953, с. 25] и вкрапленных в земледельческую область скифского государства (рис. 1, V). А. И. Тюменев, отрицавший значение внешней торговли в экономике Херсонеса [Тюменев, 1950а, с. 11 сл.], предполагал, что нужда в хлебе привела его к овладению Керкинитидой и землями в этом районе, и что создание текста херсонесской присяги связано именно с этими событиями [Тюменев, 1955, с. 44 сл.]. По его мнению, напряженные отношения существовали не только между Херсонесом и скифами, но также и между Херсонесом и Керкинитидой; эллины присяги, которым херсонесцы клянутся ничего не предавать — это «прежде всего те эллины, которых херсонесцы вытеснили из Керкинитиды и прилегающей к ней территории» [Тюменев, 1955, с. 47]. М. А. Наливкина, возражая А. И. Тюменеву, предположила, что присоединение Керкинитиды и прилегающей к ней территории произошло «мирным путем, например путем договора между Херсонесом, Керкинитидой и другими городами Северо-Западного Крыма с целью дать отпор вражеским нашествиям» [Наливкина, 1963, с. 290].

Высказывались и другие точки зрения: что соображения Л. А. Моисеева об аренде Херсонесом земель у скифов не лишены основания [Пятышева, 1957, с. 250, прим. 1.]; некоторые авторы продолжали разделять предположение В. В. Латышева, что владения Херсонеса распространялись на все западное побережье Крыма [Белов, 1948; Стржелецкий, 1959, 1961]. Наконец, примером абсолютного игнорирования всех накопленных фактов являются выводы [Ельницкий, 1964, с. 114 сл.; 1969, с. 104, прим. 64] о том, что Херсонес домитридатовского времени находился в полном подчинении у скифов; что скифы владели в Херсонесе, осуществляя военный и политический контроль над херсонесской областью; что выраженное в присяге беспокойство об отпадении земель надо понимать как угрозу отпадения херсонесской земли от скифов (!); что термин ΣΑΥΤΗΡ присяги значит — «скифский управитель и охранитель херсонесской территории», которого херсонесцы клялись охранять для народа херсонеситов. Нет нужды

⁹ Шульц П. Н. Скифы на западном побережье Крыма и их взаимосвязь с Херсонесом. Тезисы доклада. Рукопись (1952 г.). — Архив Херсонесского музея, д. № 643, л. 75.

доказывать несостоятельность таких умозаключений — они очевидны и лишь показывают слабое знакомство с предметом исследования.

После некоторого перерыва интерес к памятникам Северо-Западного Крыма возрос. В 1959 г. Херсонесским музеем была организована Тарханкутская экспедиция (с 1969 г. — экспедиция ЛОИА АН СССР), перед которой ставились три задачи: 1) изучение топографии, стратиграфии и хронологии памятников, их хронологическая и типологическая классификация и выявление на этой базе основных этапов исторического развития данного района в связи с историей Херсонеса и Крымской Скифии; 2) выявление границ херсонесской хоры, ее устройства и развития; 3) добыча и изучение материалов для реконструкции экологии района в древности. Результаты десятилетних исследований Тарханкутской экспедиции и составили основу предлагаемой книги. Однако она не могла бы быть написана в настоящем ее виде, если бы в тот же период не началось интенсивное изучение отдельных памятников Северо-Западного Крыма и чрезвычайно важные результаты раскопок не вводились бы их авторами в научный оборот. В том же 1959 г. экспедиция ЛОИА под руководством А. Н. Карасева начала охранные раскопки городища «Чайка» под Евпаторией, продолжающиеся очень успешно и теперь Крымской экспедицией МГУ, возглавляемой И. В. Яценко, а отряд советско-польской экспедиции (В. Ф. Гайдукевич и К. Михаловски) провел небольшие раскопки Калос Лимена. В 1960 г. с изучения Южно-Донузлавского городища у с. Поповки начались постоянные работы Донузлавской экспедиции ИА АН СССР под руководством О. Д. Дашевской, результативно ведущиеся и сейчас с участием Евпаторийского музея. В 1962 г. П. Н. Шульц провел детальную разведку берегов оз. Донузлав.¹⁰ В 1963 г. Донузлавской и Тарханкутской экспедициями совместно начаты раскопки городища Беляус, ныне продолжающиеся вместе с изучением его некрополя Донузлавской экспедицией. В 1964—1965 гг. подводной археологической экспедицией ИА АН СССР (В. Д. Блаватский и Б. Г. Петерс) исследовались следы древнего кораблекрушения у пересыпи оз. Донузлав. В 1967—1968 гг. Т. Н. Высотская (ИА АН УССР) провела небольшие охранные раскопки в с. Межводном на поселении Ярылгач. С 1968 г. Крымская экспедиция МГУ приступила к раскопкам могильника у д. Заозерной близ городища «Чайки». Все опубликованные материалы перечисленных экспедиций за период до 1969 г. использованы в данной работе.

Работы Евпаторийской (затем Крымской) и Донузлавской экспедиций были направлены в основном на тщательные многолетние раскопки отдельных памятников. Тарханкутская экспедиция избрала путь регионального изучения Северо-Западного Крыма, ибо только сочетание систематического широкого обследования максимума памятников со стационарными раскопками позволяло, на наш взгляд, получить общую историческую картину для всего региона в целом. В 1959—1968 гг. углубленными разведочными работами были обследованы почти все известные памятники изучаемого района; особое внимание при этом уделялось памятникам древнего землепользования. Одновременно проводились стационарные раскопки на городищах Тарпанчи, Беляус (совместно с Донузлавской экспедицией), поселении Тарпанчи Восточное, сельской усадьбе у бухты Ветреной на сельскохозяйственной территории Калос Лимена. С 1969 г. Тарханкутская экспедиция приступила к комплексному многолетнему изучению поселения и некрополя Панское I у Ярылгачской бухты. Этим начался новый этап в работах экспедиции, связанный с исследованием только памятников херсонесской хоры с позиций более глубокого изучения структуры Херсонесского государства в целом.

Совокупность археологических источников, добытых за полтора века раскопок городища Херсонеса, показывает, что накопление материала из

¹⁰ Доклад об этом П. Н. Шульц сделал 16 марта 1963 г. на заседании Крымского отдела Географического общества СССР, посвященном проблеме озера Донузлав. Материалы эти не опубликованы.

раскопок самого города не в состоянии осветить наиболее кардинальные вопросы социально-экономической структуры Херсонесского государства в целом, путей его развития и многих неясных моментов политической истории. Как говорилось выше, уже 60 лет назад крупнейший русский ученый М. И. Ростовцев прекрасно понимал это, формулируя задачи изучения окрестностей Евпатории. Но археология в то время еще не могла поднять проблему хоры. Лишь с конца 20-х годов археологи вышли за крепостные ворота Херсонеса, на территорию его ближайшей округи, но наиболее результативными были работы на Гераклейском полуострове в 50-х годах [см.: Стржелецкий, 1961]. Эти работы создали нужные предпосылки и поставили перед необходимостью распространить исследования и на отдаленные территории херсонесской хоры, расположенные в Северо-Западном Крыму — в той малоизученной области, где взаимодействия между греками и варварами должны проявляться наиболее отчетливо. Не лучше обстояло дело и с изучением поселений крымских скифов. Если исключить городище Керменчик, отождествляемое большинством авторов с Неаполем, скифские городища и поселения практически не раскапывались. Совершенно очевидно, что в такой ситуации только планомерными новыми систематическими полевыми исследованиями в Северо-Западном Крыму можно было получить материал, позволяющий на новом уровне подойти к изучению этого района и проверить основные положения изложенной выше концепции, прочно вошедшей в современную литературу.

Результаты исследований А. Н. Карасева, И. В. Яценко, О. Д. Дашевской и автора заставили внести серьезные коррективы в прежние представления и пересмотреть основные положения существовавшей концепции [Дашевская, 1964б, 1966а, 1971б; Щеглов, 1965, 1965а, 1966, 1968, 1970; 1976; Яценко, 1972а, 1974а]. Вместе с тем по многим вопросам среди всех четырех авторов существуют разногласия, что вполне естественно, так как это обусловлено самим ходом научного исследования. Пользуясь случаем выразить своим коллегам по Северо-Западному Крыму глубокую признательность как за постоянную информацию и обмен мнениями, так и за любезное прочтение первоначального варианта рукописи этой книги и сделанные замечания.

В предлагаемой книге изложены взгляды автора, высказанные впервые в докладах на III годичном собрании Одесского археологического общества в 1963 г. (Севастополь) и VI Международной конференции ЭЙРЕНЕ в 1964 г. (Ленинград). Мы далеки от мысли, что они исчерпываются, что многие рассматриваемые вопросы могут решаться однозначно и что все положения могут считаться окончательно доказанными. Исследования Северо-Западного Крыма, по сути дела, еще только начинаются.

В заключение автор выражает глубокую благодарность всем сотрудникам Тарханкутской экспедиции, особенно специалистам, совместная работа с которыми была весьма плодотворной, — Н. Н. Щербак (Ин-т зоологии АН УССР), Н. С. Благоволину (Ин-т географии АН СССР), В. Д. Бурдак и Ю. Г. Алееву (ИНБЮМ АН УССР), К. В. Шишкину, а также Г. Д. Белову, И. Б. Брагинскому, А. М. Гилевич и В. И. Кацу, взявшим на себя труд прочитать рукопись и высказавшим ценные советы и замечания.

Но более всего я благодарен моему учителю и главному оппоненту — П. Н. Шульцу, который предложил мне в 1958 г. заняться изучением памятников Северо-Западного Крыма и постоянные острые дискуссии с которым привели в конце концов к написанию этой книги.

* * *

За время, прошедшее с момента завершения работы, накопились новые материалы, многое уточняющие и дополняющие. Однако они не меняют главных положений и выводов. Объем рукописи не позволил включить материалы и работы, появившиеся после 1970 г., кроме тех, которые автору представляются наиболее важными.

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Очевидно, что любая региональная археологическая или историческая реконструкция не может быть достаточно удовлетворительной, если она не учитывает тех изменений в окружающей природной среде, которые произошли за протекшее время как в силу естественных преобразующих причин, так и в результате длительной практической деятельности человека. Выявление особенностей географической среды в древности важно для более полного понимания тех сторон деятельности человека, которые были обусловлены естественной средой обитания. Существенно проследить также и результаты обратного воздействия человека на природное окружение.

Северо-Западный Крым, составляющий часть равнинного степного Крыма, входит в зону южных, причерноморских степей Русской равнины. По существующим в настоящее время схемам комплексного физико-географического районирования [Дзеус-Литовская, 1951; Ена, 1960; Павлова, 1960, 1964; Украина и Молдавия, 1972; Подгородецкий, 1974] тот исторический район, который нас интересует в данной работе, либо совпадает в своих границах с областью Тарханкутской возвышенной равнины — по представлениям одних авторов, либо включает в себя и северную часть Евпаторийского предгорно-равнинного района — в соответствии со взглядами других. Вторая схема более точно отражает современные природные условия в Северо-Западном Крыму. Ее и будем придерживаться (рис. 2).

В пределах Евпаторийского района, от оз. Кизил-Яр на юге и до оз. Донузлав на северо-западе, простирается степная приморская низменная аллювиально-пролювиальная плоская равнина. Берега здесь везде имеют одинаковое строение [Зенкович, 1958, 1960]. Образовавшиеся в результате аккумуляции огромного количества наносов, ровные, отмельные, низменные, с широкими песчаными пляжами, они тянутся однообразной полосой с плавными изгибами, нигде не прерываясь; и только примерно в середине более чем шестидесятикилометровой линии в побережье вдается открытая Евпаторийская бухта, ограниченная с запада Карантинным мысом, на котором лежит городище Керкинитиды.¹ В прибрежной зоне описываемого участка расположена цепь соленых озер лиманного и лагунного происхождения, с колоссальными запасами самосадочной соли, входящих в так называемую группу Евпаторийских соляных озер [Куриаков и др., 1936].

Глубоко вдающееся в сушу (до 27 км) узкое оз. Донузлав ограничивает с юго-востока далеко выдающийся на запад Тарханкутский полуостров, который с юга омывается открытым морем, а с северо-запада — водами Керкинитского залива. Поверхность полуострова представляет степное возвы-

¹ Между мысами Карантинным и Евпаторийским есть еще два очень открытых мелководных залива, приуроченных к прогибам.

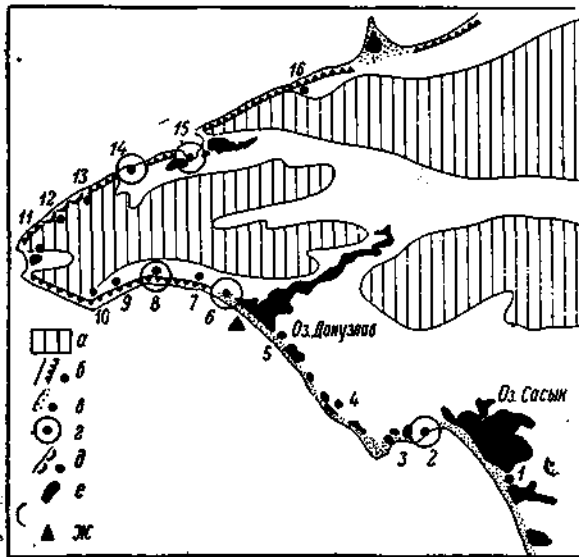

Рис. 2. Обзорная археолого-геоморфологическая картосхема Северо-Западного Крыма.

а — поднятия; б — древние поселения на абразионных берегах; в — древние поселения на аккумулятивных берегах; г — археологические объекты, частично или полностью находящиеся ниже уровня моря; д — поселения на оползнях; е — соляные озера; ж — место кораблекрушения IV в. до н. э. 1 — Кара-Тобе; 2 — Керкингитда; 3 — «Чайка»; 4 — Айрчи; 5 — Южно-Донулавское; 6 — Беллус; 7 — Культукское; 8 — Тарпанчи; 9 — Джан-Баба; 10 — Ойрат; 11 — Караджинское; 12 — Джангуль; 13 — Настель; 14 — Калос Лимеи; 15 — Панское-1; 16 — Владимировка (Масляни).

шенное эрозионно-денудационное плато (так называемое Тарханкутское поднятие), осложненное увалообразными поднятиями (антиклиналями) с синклинальными понижениями между ними и сильно развитой сетью балок и сухоречий [Дзэнс-Литовский, 1938; Подгородецкий, 1959, 1961а, 1974]. Тарханкутское поднятие состоит из трех увалов, протянувшихся в северо-восточном направлении. Наиболее высокий из них, Меловой (Тарханкутский, Родниковский), достигающий 179 м высоты, идет вдоль южного побережья полуострова. В подножии он плавно переходит в приморскую черноземную равнину, шириной 3—4 км. Вдоль северо-западного побережья от крайней западной точки Крыма, мыса Кара-Мрун, протянулся Джангульский увал с высотами до 140 м. Севернее его, отдаленное широкой и пологой Джарылгачской котловиной, находится невысокое (до 75 м) Бакальское поднятие. Живописные, большей частью обрывистые берега Тарханкутского полуострова разнообразны и резко отличаются по своему строению и характеру от побережья Евпаторийского района [Зенкович, 1958, 1960]. Почти повсеместно преобладают абразионные формы. На значительном протяжении берега выровнены и недоступны с моря, но довольно много также маленьких открытых заливчиков и крохотных бухточек. Глубоко в берег вдаются три большие бухты: на крайнем западе полуострова, между мысами Кара-Мрун и Тарханкут,² — открытая Караджинская бухта, к северо-востоку от нее — Черноморская (Ак-Мечетская) и Ярылгачская. На берегах всех трех бухт или связанных с ними озер сохранились следы крупных античных поселений.

Таковы вкратце самые общие черты современного ландшафта Северо-Западного Крыма.

Полезными ископаемыми, которые могли бы использоваться в древности, Северо-Западный Крым небогат. Прежде всего это строительные неогеновые известняки-ракушечники, хорошо поддающиеся обработке. Запасы их огромны. Практически повсеместно распространены глины и суглинки, но они мало пригодны для керамического производства из-за высокого содер-

² Название мыса Тарханкут появилось, вероятно, в конце XVIII в. [Подгородецкий, 1974]. Его более раннее название — Эски-Форос, т. е. «старый маяк», еще в первой половине XIX в. сохранялось в турецкой передаче [Лоция Черного моря, 1867]. Возможно, к нему же относится название *Rosafar* на портолане Бенниказа 1467 г. У мыса на морском дне неоднократно находили амфоры IX—XVI вв. Вполне вероятно, что по крайней мере в средние века здесь существовал маяк [ср. Щеглов, 1970а], а может быть и ранее, если принять предположение А. Е. Норденшельда о создании исходного портолана на основе более ранних, в том числе и античных источников [Nordenskiöld, 1897].

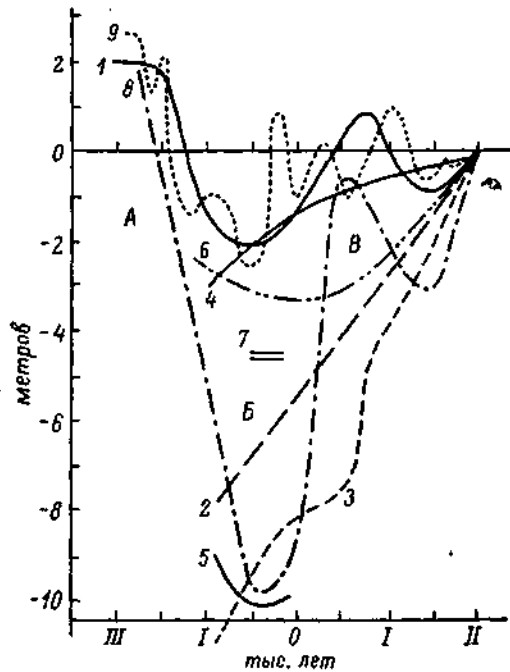

Рис. 3. Колебания уровня Черного моря за последние 4000 лет по представлениям разных авторов.

1 — по П. В. Федорову (1959); 2 — по В. П. Зенковичу (1960); 3 — по Е. Н. Невесскому (1967); 4 — по И. А. Правоторову (1967); 5 — по А. Е. Островскому (1967); 6 — по Н. С. Благоволину—А. Н. Щеглову (1968); 7 — по А. Н. Щеглову (1969); 8 — по К. К. Шилику (1970, 1976); 9 — кривая Р. Фейрбриджа (колебания уровня Мирового океана — по Н.-А. Мёллер, 1971). А — этап новочерноморской трансгрессии; Б — этап фанагорийской регрессии; В — этап нимфейской трансгрессии (по П. В. Федорову); Г — этап корсунской регрессии (по К. К. Шилику).

жания гипса [Подгородецкий, 1974, с. 14]. Близ с. Мелового (бывш. Ойли) на поверхность выходят месторождения чистого мела, однако неизвестно, разрабатывались ли они в античности.³ Наконец, уже упоминались запасы самосадочной поваренной соли в прибрежных озерах и лагунах.

ДРЕВНИЕ БЕРЕГА

На изменение очертаний береговой линии оказывает воздействие совокупность многих факторов. Главные из них — абразия и аккумуляция берегов под воздействием волновых процессов и течений — обусловлены колебаниями уровня Мирового океана и тектоническими вертикальными движениями суши и дна моря.

Уровень моря. Твердо установлено, что уровень Черного моря в I тысячелетии до н. э. был ниже современного (так называемая фанагорийская регрессия). Однако нет единого мнения в оценке абсолютных величин изменения уровня моря за прошедший период. И это понятно, так как не существует единой точки отсчета, наблюдения ведутся разными методами и их результаты не всегда сопоставимы. По определениям разных авторов уровень Черного моря в эпоху фанагорийской регрессии находился по отношению к современному от минус 3 до минус 10 м и более [Федоров, 1959, 1963; Зенкович, 1960; Невесский, 1967; Правоторов, 1967; Островский, 1967, 1968; Благоволин, Щеглов, 1968, 1969; Щеглов, 1969а; Долуханов, 1970; Лилиенберг, 1970; Шилик, 1970, 1975, 1976] (рис. 3). Повышение уровня моря (современная трансгрессия) началось по нашим данным [Благоволин, Щеглов, 1969], по-видимому, после X—XI вв., что хронологически, вероятно, совпадает с периодом джемитинского ускорения трансгрессии, выделенным Е. Н. и Л. А. Невесскими [Невесский, Невесская, 1961]. Археолого-геоморфологическое изучение побережья Западного Крыма не нашло следов еще одной трансгрессии, выделенной П. В. Федоровым и названной им нимфейской, когда (около 1500 лет назад) уровень моря, по П. В. Федорову,

³ Возможно, что здесь в эпоху поздней бронзы добывался кремний [Шульц, 1937, с. 252].

поднялся выше современного на 1 м [Федоров, 1963, с. 141]. Вряд ли можно согласиться с выводами, что уровень Черного моря в античное время был ниже современного на 7 [Невесский, 1967, с. 173 сл., 222 сл., рис. 90] ÷ 10 м и более [Островский, 1968] повсеместно. Близкая к этим величинам уточненная кривая П. В. Федорова, выведенная К. К. Шиликом для района Ольвии и предполагающая, что еще в I в. до н. э. уровень моря был ниже современного на 7÷9 м [Шилик, 1970, с. 111 сл.; 1972, с. 1159; 1975, с. 70 сл.], не подтверждается исследованиями в Западном Крыму [Благоволин, Щеглов, 1969; Щеглов, 1968, с. 214; 1969, с. 291]. Утверждение автора, что указанную уточненную кривую «в первом приближении можно распространить на весь Черноморский бассейн» [Шилик, 1971, с. 41], преждевременно.⁴ Никакими фактическими материалами не может быть также подтверждена внешне эффектная схема волновых колебаний земной коры, предложенная Д. А. Козловским [Козловский, 1965, 1968; ср.: Губанов, Подгородецкий, 1966]. В ней автор выдвигает идею о многократном периодическом затоплении в результате тектонических колебаний суши всех прибрежных античных поселений Причерноморья и Средиземноморья, а некоторые переломные эпохи античной истории (греческая колонизация, гибель причерноморских античных центров и т. д.) стремится объяснить пангеологическими катастрофами. Как уже отмечалось [Благоволин, Щеглов, 1968], эта схема явилась следствием грубой ошибки: автор перепутал археологические образования с геологическими.

Хотя на различных участках побережья Северо-Западного Крыма относительные вертикальные движения суши и уровня моря выражены по-разному, факт повышения уровня моря от времени основания здесь не только античных поселений, но и поселений эпохи поздней бронзы, прослеживается повсеместно. В Евпаторийском низменном районе трансгрессия проявилась в подтоплении нижнего (раннего) горизонта культурного слоя Керкинитиды в прибрежной части городища и абразии берегового склона городища Айрчи. Г. А. Лычагин, однако, полагает, что район оз. Сасык-Сиваш у Евпатории и сейчас продолжает испытывать тектоническое опускание [Лычагин, 1958]. Не исключено, что и в районе Тарханкутского полуострова мы сталкиваемся со сложными современными вертикальными движениями земной коры и колебаниями уровня моря, которые накладываются одно на другое, по-видимому, при ведущем факторе австатки. По данным ряда авторов [Николаев, 1949; Марков, Лазуков, Николаев, 1965; Підгородецький, 1960; Львова, 1966] положительные неотектонические движения характерны для сводовой части Тарханкутского поднятия, а на восточном и северо-западном крыльях они сменяются погружением. Последнее хорошо подтверждается нашими наблюдениями на археологических прибрежных памятниках и является, на наш взгляд, следствием современной трансгрессии, возможно, осложненной неотектоникой.

Положение уровней дна колодцев на поселениях «Чайка», Беляус, Тарпанчи (до -1.2 м ниже уровня моря), оснований фундаментов на поселениях Беляус, Панское I и башни у Черноморского городища (от +0.45 до -0.5 м), подтопление прибрежной части культурного слоя Керкинитиды, остатки затопленного поселения Панское IV на дне оз. Панского (-3 м), наконец, остатки груза корабля [Блаватский, Петерс, 1967, 1969], выброшенного, по-видимому, на прибрежную отмель у Донузлавской пересыпи (~-4÷-5 м), позволяют в сумме предполагать, что уровень моря у берегов Северо-Западного Крыма в V—II вв. до н. э. был ниже современного примерно на 4 м. Это подтверждается также анализом серии колонок донных илов и материалов бурения пересыпи оз. Панского: непосредственно под песчаным телом пересыпи и на дне озера залегают типичные лиманные зеленовато-

⁴ В Варненском лимане найдены остатки лодки-долбленки с абсолютным возрастом ~4500 лет на глуб. 8.5—9 м; орудия энеолита обнаружены в заливе Стомполо на глуб. ~9 м; горизонт торфяников на Имнатском болоте в Колхиде на глуб. 8—8.5 м датируется по C¹⁴ 4120±195 лет [Лилленберг, 1970, с. 104].

серые илы с ракушкой (преимущественно *Cardium edule* L.), которые с глубин 3–5 м подстилаются морскими илами.

Полученные материалы сопоставимы с результатами изучения эвстатических колебаний уровня мирового Океана. По данным разных исследователей [Scholl et al.; Bloom; Fairbridge; Neumann; Shepard; Jelgersma; сводку всех кривых см.: Mögner, 1971в, р. 160, fig. 5; 1971а, р. 76, fig. 5], уровень мирового Океана к началу I тысячелетия до н. э. находился в среднем на 1–2 м ниже современного. Кривая Р. Фейрбриджа в общем виде совпадает с кривой В. П. Федорова, выведенной для Черного моря, хотя трансгрессивно-регрессивные максимумы на них несколько асинхронны. Так, фазу понижения уровня мирового Океана, соответствующую фанагорийской регрессии, Р. Фейрбридж относит ко второй половине II—первой половине I тыс. до н. э. (В. П. Федоров — к I тыс. до н. э.). Ее максимум, приходящийся на первую четверть (у В. П. Федорова — на середину) I тыс. и определяемый в –2.5 м, близок максимуму фанагорийской регрессии по В. П. Федорову и нашим данным по Западному Крыму (min ~–4 м). Такая величина фанагорийской фазы относительно хорошо коррелируется с материалами (в том числе датированными по C^{14}), полученными на юго-западном болгарском и восточном колхидском побережьях Черного моря, а также в северной и восточной частях Средиземного моря, т. е. в районах, расположенных в разных тектонических областях [Лилленберг, 1970], чем, по-видимому, и объясняется некоторый разброс в абсолютных величинах. По данным П. Кноблауха, изучавшего древние гавани Эгины [Knoblauch, 1969], уровень Эгейского моря в первой четверти V в. до н. э. был ниже современного примерно на 2.5 м. Радиоуглеродные датировки, фиксирующие возраст отложенных подводных террас, на глубине 4–7 м у побережья Крита колеблются от 1705 ± 60 до 2325 ± 50 лет, а на торфяниках Колхиды для глубины 5–6 м — 2100 ± 150 лет [Лилленберг, 1970, с. 110]. По-видимому, следует признать, что эвстатические колебания уровня Черного моря в интересующее нас время синхронны и довольно близки по значению колебаниям уровня Средиземного моря и связанного с ними мирового Океана. Однако на разных участках побережья они, видимо, осложнены региональными и локальными тектоническими движениями. И хотя выделить эвстатическую и неотектоническую составляющие в настоящее время невозможно, для нашей задачи важен тот факт, что в античную эпоху уровень Черного моря у берегов Западного Крыма стоял ниже современного примерно на 4 м минимум, а следовательно, и конфигурация береговой линии в местах расположения античных поселений должна была быть несколько иной.⁵

Динамика берегов. В ходе трансгрессии, последовавшей за фанагорийской регрессией, постоянно происходит вековое изменение очертаний берегов, обусловленное волновыми процессами и течениями. Разрушительные и образующие силы моря постоянно стремятся к выравниванию береговой полосы. В зависимости от многих причин⁶ размыв берегов в одних местах идет более интенсивно, чем в других. На отдельных участках берега, напротив, растут — создаются отложениями наносов. Все эти процессы наблюдаются и в Северо-Западном Крыму, строению и развитию побережья которого посвящены специальные исследования [Зенкович, 1958, 1960; там же подробная библиография]. Поэтому остановимся только на тех наблюдениях, которые делались в процессе работы Тарханкутской экспедиции в районе археологических памятников, и на тех материалах, которые помогают выяснить ситуацию в интересующее нас время.

Западное обрывистое побережье Крыма от Северной косы до оз. Кизил-Яр подвергается интенсивной абразии. По нашим наблюдениям берег здесь

⁵ Эта величина подтверждается существованием подводных уступов, обнаруженных в Ярыгачской и Камышевой бухтах и на других участках побережья. Подобные уступы зафиксированы также и на болгарском побережье [Лилленберг, 1970, с. 104].

⁶ Об основных закономерностях развития морских берегов см.: Зенкович, 1958, 1958а.

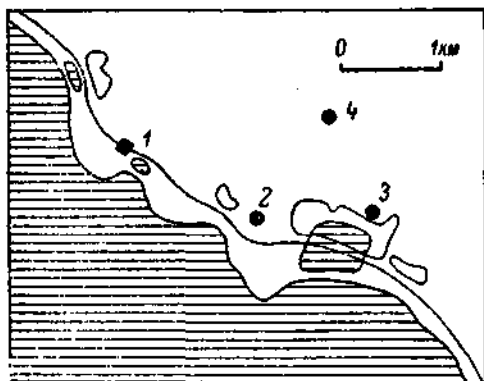

Рис. 4. Схема примерной реконструкции древней береговой линии (для IV—II вв. до н. э.) в районе городища Айрчи.

1 — Айрчи; 2 — Береговое; 3 — Тереклы-Конрат; 4 — Мурзачок.

на некоторых участках отступает со скоростью до 0.5 м в год, а по В. П. Зенковичу абразия превышает эту величину вдвое [Зенкович 1948, 1960, с. 183]. По-видимому, со времени начала современной трансгрессии море на указанном отрезке «съело» полосу берега шириной в среднем до нескольких сотен метров, а местами, возможно, гораздо более. Можно предполагать, что побережье к югу от оз. Кизил-Яр было обрывистым (во всяком случае, южнее с. Николаевки) и в период фанагорийской регрессии.⁷ Но тогда у подножия обрывов должна была бы существовать более или менее широкая осушенная приморская низменная терраса, образовавшаяся в ходе предшествующей новочерноморской трансгрессии, максимум которой, по П. В. Федорову, приходился на III тыс. до н. э., когда уровень моря превысил современный примерно на 2 м [Федоров, 1956]. Отсутствие следов прибрежных поселений античного и более раннего времени (если не считать городища в устье р. Альмы) на пятидесятикилометровом отрезке побережья между северо-западным и юго-западным районами Крыма, исходя из сказанного выше, можно объяснить двояко. Либо этот участок не был заселен из-за неудобных берегов или по каким-нибудь причинам исторического порядка. Либо остатки прибрежных поселений были уничтожены в результате размыва берега в ходе современной трансгрессии, что не менее вероятно, если даже скорость абразии не сохранялась постоянной. Во втором случае решить археологическим путем, включено ли было побережье от Северной косы Севастополя до Сакско-Евпаторийского участка в зону развития территории Херсонеса, не представляется возможным.

Евпаторийское побережье от оз. Кизил-Яр до оз. Донузлав низкое, ровное, песчаное, с необычайно широкими пляжами, по-видимому, в основном сохраняло свой характер и в античную эпоху.

Сейчас, несмотря на продолжающееся повышение уровня моря, берега на протяжении всего участка продолжают сохранять аккумулятивный характер (рис. 2), за исключением городища Айрчи, которое интенсивно абрадируется. На юго-западной стороне городища море выработало активный клиф высотой до 4 м, разрушающийся, по нашим наблюдениям, со скоростью около 5 см в год. Учитывая топографию аналогичных городищ Северо-Западного Крыма, можно предполагать, что городище Айрчи уничтожено примерно наполовину, т. е. море разрушило его на ширину около 20—30 м. Изучение геологии дна в прибрежной части описываемого участка, батиметрические наблюдения, результаты исследования строения и динамики береговой линии позволяют предполагать, что в послепанагорийское время море затопило полосу суши, колеблющуюся по ширине на разных отрезках побережья от нескольких десятков до нескольких сотен метров. При этом берега в античную эпоху, хотя и сохраняли свой измененный и мелководный характер,

⁷ Схему эволюции побережья на участке Евпатория — Севастополь см.: Зенкович, 1960, с. 182, рис. 95.

по-видимому, были более изрезаны и представляли собой на протяжении от Карантинного мыса до оз. Донузлав цепь мелководных лагун и прибрежных озер, разделенных плавными низкими мысами (рис. 4). От Карантинного мыса до оз. Кизил-Яр побережье, очевидно, изменилось мало; плоский берег образовывал такую же равномерно изгибающуюся к югу дугу, сложенную песчаными наносами.

От оз. Донузлав к западу берег начинает постепенно повышаться (рис. 2). На двадцатикилометровой полосе побережья берега сложены красноватыми четвертичными глинами, которые подстилаются понтическими известняками. Обрывистые берега в районе оз. Донузлав — мыса Ойрат (Урет) сильно абрадируются и выравниваются. Наблюдения за скоростью разрушения берега городища и Восточного поселения Тарпанчи на протяжении восьми лет показали абсолютную скорость абразии, равную около 5—10 см/год. При этом скорость абразии, примерно одинаковая для всего отрезка участка, возрастает на мысах, на которых обычно расположены древние поселения. Сказанное позволяет предполагать, что конфигурация берегов южной стороны Тарханкутского полуострова в античное время была гораздо более сложной, чем ныне. По-видимому, берега имели более изрезанные очертания с резко выраженными мысами и глубже вдающимися между ними открытыми бухтами. Не случайно это был наиболее заселенный участок побережья. Вероятно, скорость абразии около 5 см/год характерна и для аналогичного по строению участка северо-восточного побережья Тарханкутского полуострова, ближе к Бакальской косе. В послефанагорийское время морем уничтожена часть Владимировского поселения в урочище Чеголтай.

От мыса Ойрат до мыса Тарханкут обрывистые берега сложены известняками; почти на всем протяжении они совершенно непригодны для устройства поселений и малопригодны для земледелия. Неудивительно, что здесь не известны поселения античного времени.

Северо-западное побережье Тарханкутского полуострова характеризуется оползнями нового происхождения, из которых наиболее широко известно Джангульское оползневое побережье [Дзенс-Литовский, 1936; Подгородецкий и Вшивков, 1960]. На одном из оползней отмечены следы поселения античного времени. Линия берега в районе урочища Джангуль, очевидно, претерпела значительные изменения уже в ходе современной трансгрессии.⁸ Можно предполагать, что участок между мысом Кара-Мрун и Черноморской бухтой был более заселен, чем это представляется. Хотя высокие абразионные берега, сложенные известняками, обрывисты и недоступны с моря, они прорезаны рядом глубоких балок, затопленные устьевые части которых, вероятно, образовывали небольшие удобные бухты, подобные существующим сейчас в устьях балок Чоротай, Большой и Малый Кастель, Карамыш, Абузлар. Известняковые берега к северо-востоку от Черноморского городища абрадируются по нашим наблюдениям со среднегодовой скоростью около 7—12 см [Щеглов, 1967]. Близкую величину абсолютной скорости абразии (10—20 см/год) получил А. И. Дзенс-Литовский [1948]. В. П. Зенкович полагает, ссылаясь на измерения в районе Одессы, что скорость разрушения берегов Тарханкута должна быть на порядок меньше. Однако отступление берега в местах расположения археологических объектов противоречит последней точке зрения, хотя она может быть и верна для некоторых участков побережья.

Строение и генезис Караджинской, Черноморской и Ярылгачской бухт неоднократно освещались в специальных работах [Шустов, 1928; Дзенс-Литовский, 1933; Курнаков и др., 1936; Живаго, 1950; Лонгинов, 1955; Зенкович, 1955, 1958, 1960; Підгородецкий, 1960]. Но приводившиеся в перечисленных исследованиях материалы тем не менее недостаточны для реконструк-

⁸ Очень крупный оползень, например, произошел здесь в 1933 г., когда откололся и спелз к морю огромный участок длиной 500 м, шириной 200 м и высотой 36 м [Дзенс-Литовский, 1936; Зенкович, 1958, 1960].

ции очертаний древних берегов этих бухт около 2500—1800 лет назад, т. е. для того времени, в пределах которого здесь существовали крупные поселения. Поэтому палеогеографический отряд Тарханкутской экспедиции выполнил серию дополнительных наблюдений в районах Черноморской и Ярылгачской бухт [Щеглов, 1967, 1973; Щеглов, Благоволин, Гилевич, Глазунов, Кац, Подольский, 1973; Щеглов, Глазунов, Кац, Подольский, 1974]. Совокупность полученных данных позволяет утверждать, что конфигурация двух указанных бухт значительно изменилась со времени основания на их берегах в IV в. до н. э. херсонесских населенных пунктов, когда уровень моря стоял ниже современного. Они были, очевидно, менее открытыми, гораздо более узкими, чем сейчас, и, занимая меньшую акваторию, довольно глубоко вдавались в сушу, что делало их очень удобными убежищами для судов. Ярылгачская бухта, как показали материалы бурения, геолокации и подводных исследований, по-видимому, имела рiasовый характер с несколькими ответвлениями. На берегу одного из таких закрытых рукавов располагалось поселение Панское I, лежащее ныне на берегу одноименного озера. Подробнее об этом будет сказано ниже. Более узкой и удобной для мореплавания была, вероятно, и Черноморская бухта [Щеглов, 1967]. Если верно отождествление Черноморского (Ак-Мечетского) городища с Прекрасной Гаванью, то уже само название бухты и города — *Καλὸς λιμὴν* — говорит само за себя, что хорошо подтверждается и комплексом археолого-палеогеоморфологических наблюдений.

Озера и пересыпи. Не вызывает сомнений раннее происхождение пересыпей озер Сакского и Сасык-Сивашского. Это подкрепляется не только данными геологического порядка [Дзэнс-Литовский, 1933], но и тем, что на пересыпях были найдены археологические материалы [Шульд, 1941, с. 275; Гилевич, 1965, с. 103]. Анализы колонок донных илов из перечисленных озер, а также группы Мойнакских озер у Евпатории показали, что отложение илов в условиях закрытых бассейнов происходит на протяжении более чем 5000 лет [Шостакович, 1934; Перволюф, 1937, 1953]. Таким образом, все самые крупные озера Евпаторийской группы существовали в античное время, хотя, возможно, и имели несколько иные очертания береговой линии.

Совсем иначе обстоит дело с мелководными солеными озерами лагунного происхождения, расположенными западнее Евпатории. Во-первых, мощность отложений серых илов на их дне (от 3,5 м в оз. Айрчи до 7,8 м в оз. Ойбургском) показывает, что при скорости илонакопления около 1—2 мм/год [Перволюф, 1953], все они разновозрастны и были окончательно изолированы от моря барами, по-видимому, примерно от 1800 до 5000 лет назад. Иными словами, часть озер уже существовала в античную эпоху (например, оз. Ойбургское), а некоторые образовались, возможно, из открытых лагун позже. Во-вторых, несмотря на продолжающееся повышение уровня моря, буквально на глазах происходит процесс высыхания многих соляных озер Евпаторийской группы. Ряд прибрежных озер, на которых еще в XIX в. добывались тысячи пудов соли, к двадцатым годам нашего столетия исчез полностью [Курнаков, Кузнецов, Дзэнс-Литовский, Равич, 1936]. Так, например, с западной стороны городища Керкинитиды еще в середине XIX в. существовало озеро с площадью зеркала около 7,5 га, показанное на топографических картах (рис. 5, 1—2). В начале XX в. его бывшую территорию уже занимали городские кварталы Евпатории (рис. 5, 3). Анализ картографических и батиметрических материалов, геология морского дна к западу от Карантиного мыса, а также археологические данные (границы некрополя, установленные Л. А. Моисеевым) позволяют предполагать, что с западной стороны Керкинитиды, по-видимому, существовала мелководная лагуна. Впоследствии она отпшуровалась от моря песчаной пересыпью и превратилась в озеро, которое затем было заполнено отложениями и высохло (рис. 5, 4—5). Таким образом, вполне вероятно, что Керкинитида, подобно многим греческим колониям, была основана на окруженном с трех сторон водой мысу (рис. 5, 6) и имела гораздо более удобные гавани.

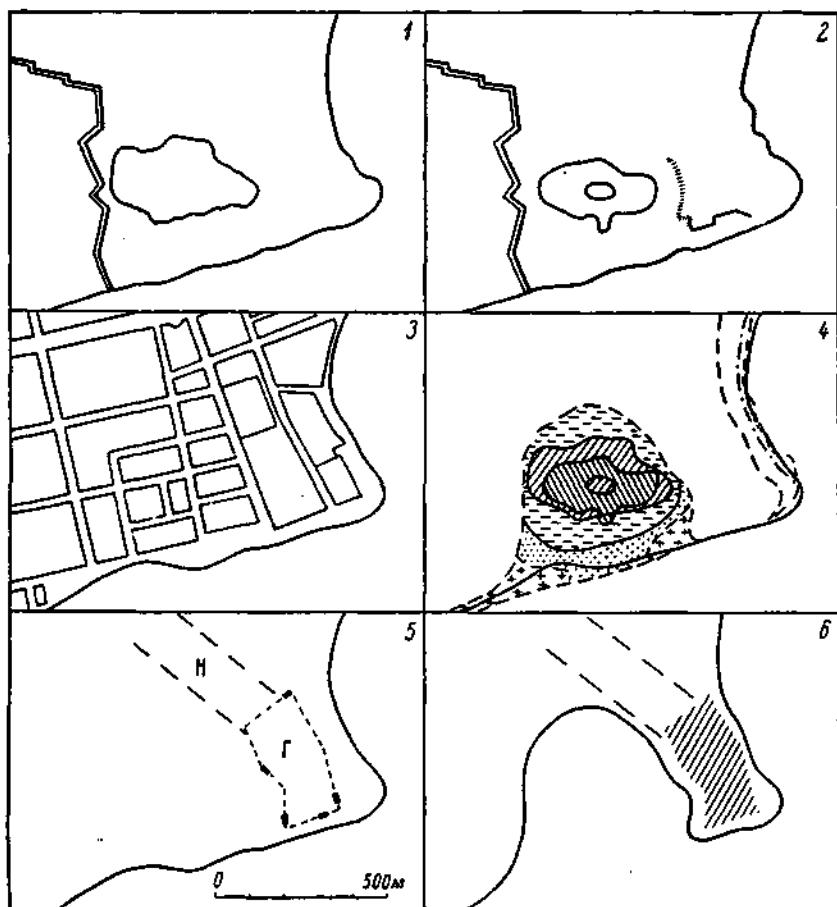

Рис. 5. Схема примерной реконструкции очертаний древнего побережья у Керкинитиды. 1—2 — XIX в.; 3 — начало XX в.; 4 — предположительная динамика берегов; 5 — локализация городища и некрополя Керкинитиды по археологическим данным; 6 — возможные очертания берега в античное время.

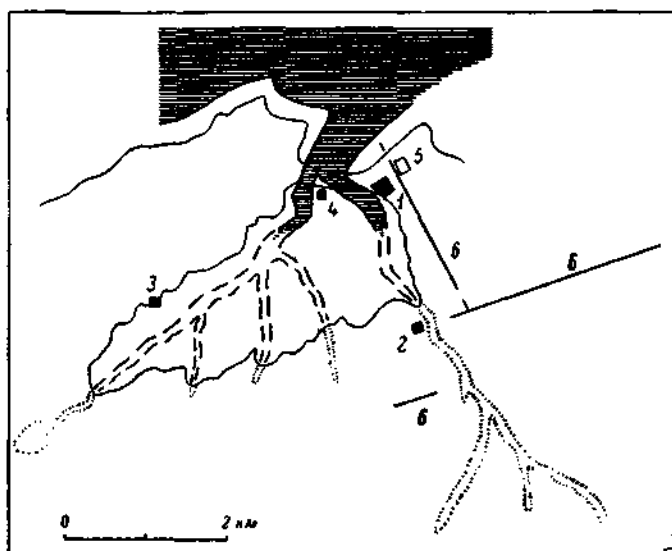

Рис. 6. Схема примерной реконструкции древнего побережья в районе Ярылгачской бухты.

Поселения: 1 — Панское I; 2 — Панское II; 3 — Панское III; 4 — Панское IV; 5 — некрополь Панское I; 6 — следы древних дорог.

По-видимому, по иному шло развитие озер в районе Ярылгачской бухты на северо-западном побережье Тарханкута, расположенных в зоне синклинального понижения. Комплекс палеогеографических наблюдений, выполненных Тарханкутской экспедицией, показывает, что оз. Панское (Сасык) в современных границах образовалось скорее всего, уже в ходе современной трансгрессии, возможно осложненной неотектоническими опусканиями северного крыла Тарханкутского поднятия. Оз. Панского, вероятно, в IV—III вв. до н. э. не существовало. На его месте, видимо, находилась приморская низменная долина, пересеченная развитой системой балок, затопленные устьевые части которых образовывали узкие, далеко вдающиеся в сушу извилистые заливы — отроги Ярылгачской бухты (рис. 6). В долине, по краям балок и заливов, а также на водоразделах располагались земледельческие поселения. Следы одного из них (Панское IV) обнаружены на дне озера на глубине 3 м под толщей лиманных илов, перекрывающих древний водораздел между погруженными балками.

Глубоководное оз. Донузлав, с ярко выраженными чертами речной долины, по данным геологии, имеет скорее рiasовое, чем лиманное происхождение. Оно отделено от моря широкой десятикилометровой песчаной пересыпью, образовавшейся в результате аккумуляции огромного количества наносов. С этим озером в археологической и исторической литературе связана давно затянущаяся дискуссия, суть которой сводится к выяснению двух вопросов: представляло ли оз. Донузлав в древности открытый с моря залив, похожий на реку [Кречетов, 1889, с. 477; Кулаковский, 1899, с. 30; Романченко, 1907, с. 187; Шульц, 1941, с. 271; Артамонов, 1948, с. 60; Дашевская, 1970б, с. 122 сл.], или же в античную эпоху оно уже было отделено от моря пересыпью [Бурачков, 1875, с. 122 сл.; Брун, 1880, с. 7; Браун, 1899, с. 220; Щеглов, 1961, с. 74 сл.; Дашевская, Щеглов, 1965, с. 247], и можно ли Донузлав отождествлять с р. Гипакирис [Herod., IV, 55] — Каркинит [Ptol., III, 5, 13],⁹ или нет [Бурачков, 1875; Кречетов, 1889; Романченко, 1896, 1907; Кулаковский, 1899; Артамонов, 1949; Клейн, 1961; Дашевская, 1970]. Предположение, что р. Гипакирис Геродота — Каркинит Птолемея, возможно, и есть Донузлав, не лишено основания, хотя и не может быть строго доказано. В пользу этой гипотезы можно добавить, что в период фанагорийской регрессии уровень воды в Донузлаве стоял ниже, озеро было уже, особенно в приморской части, и еще более напоминало реку. При ином гидрологическом режиме не исключено, что оно могло соединяться с морем протокой, постоянной или временной. Но и приведенные доводы вряд ли являются решающими. Фантастическое отождествление Гипакириса с Каркинитским заливом [Брун, 1880, с. 7], встречающееся и сейчас [Клейн, 1961, с. 46], не может быть ничем обосновано. Недоразумением следует объяснить ссылки современных авторов, считающих, что Донузлав был в античное время устьем реки [Клейн, 1961] или «озером-заливом» (?) [Дашевская, 1970], на специальную литературу. Происхождению и развитию озера и формированию его пересыпи посвящены специальные работы [Дзюнс-Литовский, 1933; Курнаков и др., 1936; Дзюнс-Литовский, 1938, 1938а; Слудский, 1953; Зенкович, 1960], однако из них совсем не следует, что в античную эпоху озеро представляло собой открытый залив. Заливом — судя по обнаруженным А. И. Дзюнс-Литовским ходам моллюсков-камнеточцев, оно было в гораздо более отдаленное время — в период новочерноморской трансгрессии, когда уровень моря превышал современный. В античное же время пересыпь существовала в сформировавшемся виде и была, вероятно, несколько выдвинута в сторону моря. Дополнительно к геологическим данным об этом свидетельствуют: анализ картографического материала, начиная от средневековых портоланов [Nordenskiöld, 1889] и кончая русскими картами XVIII—XX вв.,

⁹ Мы придерживаемся мнения В. В. Латышева [1909, с. 403], что оба названия относятся к одной и той же реке.

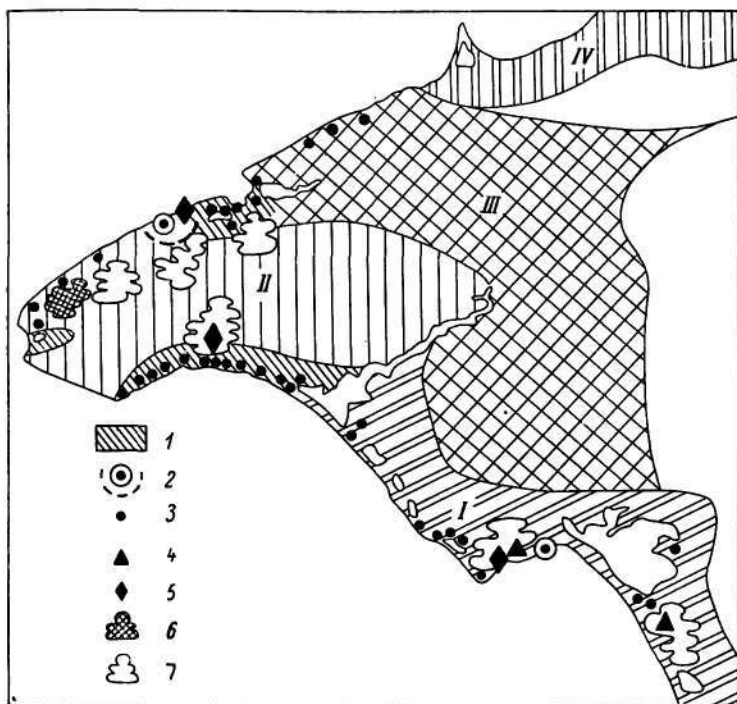

Рис. 7. Археолого-палеоботаническая и почвенная картосхема Северо-Западного Крыма.

I — евпаторийский приморско-озерный пустынно-степной район темнокаштановых карбонатных слабо солонцеватых почв, южных и карбонатных черноземов и малоразвитых почв на известняках; *II* — тарханкутский каменисто-степной район, отличающийся разнообразием почв; *III* — западный степной район карбонатных темнокаштановых почв, глинистых и карбонатных щебенчатых черноземов; *IV* — привашский солонцово-темнокаштановый остепненно-пустынный злаково-полюнный район (по Н. Н. Дзэнс-Литовской). 1 — районы, наиболее пригодные для древнего земледелия; 2 — греческие города с их сельскохозяйственными округами; 3 — античные сельские поселения; 4 — места отбора проб для спорово-пыльцевого анализа; 5 — места отбора проб для дендрологического анализа; 6 — реликтовый участок древесно-кустарниковой растительности (Джангуль); 7 — наиболее вероятные участки распространения древесно-кустарниковой растительности в IV—II вв. до н. э. и начале н. э.

существование на пересыпи кургана, отсутствие остатков поселений на берегах озера и упомянутые выше следы кораблекрушения IV в. до н. э. с внешней стороны пересыпи. Не исключено при этом, что пересыпь могли пересекать мелкие временные или более или менее постоянные протоки, подобные тем, которые периодически возникают на пересыпях и теперь [Шустов, 1928] и которые наблюдал в 1874 г. на Донузлаве П. О. Бурачков [1875].

Заклячая обзор изменений береговой линии за последние 2000—2500 лет, отметим, что они не были, очевидно, однозначными на разных участках побережья. Отсюда следует, что для реконструкции топографии прибрежных поселений в каждом конкретном случае нужны комплексные археолого-палеогеографические исследования с непрерывным участием соответствующих специалистов. Сейчас же такие работы только начинаются, и сделанные здесь выводы автор рассматривает только как самые общие и предварительные.

ПОЧВЫ

В Северо-Западном Крыму можно выделить два основных района, характеризующихся различием в почвенном покрове: Евпаторийский и Тарханкутский [Клепинин, 1927, 1935; Дзэнс-Литовская, 1938, 1941, 1970] (рис. 7). В прибрежной части первого из них преобладают, по Н. Н. Дзэнс-Литовской, карбонатные темно-каштановые солонцеватые почвы и карбонатные маломощные щебенчатые черноземы. Второй район

имеет более сложный почвенный покров, что обусловлено особенностями рельефа. На высотах Тарханкутских увалов развиты каменистые маломощные почвы горной степи, малопригодные или непригодные для обработки. Вокруг Калос Лимена и в западной оконечности полуострова преобладают легкие почвы, пригодные для разведения винограда [Клепинин, 1935]. Они сходны с почвами окрестностей Херсонеса, что, видимо, и обусловило в древности их систему обработки. На склонах и в долинах развиты карбонатные щебенчатые черноземы [Дзенис-Литовская, 1970]. На южном побережье наиболее населенном в древности, сформированы мощные темнокаштановые суглинистые почвы. Н. Н. Клепинин отмечает, что «защищенная от холодных ветров высоким хребтом, вся эта местность имеет данные для развития здесь виноградарства» [Клепинин, 1935, с. 85]. Археологические материалы подтвердили факт разведения винограда в античное время на всей прибрежной полосе.

При сопоставлении археологической карты с картой почв Северо-Западного Крыма нетрудно убедиться, что наибольшая густота поселений и следы размежевания полей античного времени наблюдаются в наиболее удобных для земледелия районах (рис. 7). На участках с абсолютно непригодными для обработки почвами следов поселений нет.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ И ЖИВОТНЫЙ МИР. ФАУНА МОРЯ

Растительность. По мнению большинства ботаников и географов на Тарханкутском полуострове в отдаленные времена была лесостепь. Однако только П. Д. Подгородецкий умозрительно предположил, что лесостепь на Тарханкуте существовала до недавнего исторического прошлого и что древесно-кустарниковая растительность была уничтожена человеком [Подгородецкий, 1961б]. В настоящее время об этом можно говорить уже утвердительно, опираясь на серию документированных фактов.

Г. Н. Лисицыной были определены 3 пробы древесного угля (74 фрагмента) из раскопок усадьбы второй половины IV—первой половины III в. до н. э. у бухты Ветреной в окрестностях Калос Лимена и из слоя II я. до н. э. на городище Тарпанчи, находившемся на южном побережье Тарханкута (рис. 7). Проба из усадьбы у бухты Ветреной состояла из обугленных остатков деревянных конструкций потолка, шириной 6—8 см и толщиной 2—3 см. В ней представлены (в процентах) следующие породы: можжевельник — *Juniperus* (55), дуб — *Quercus* (30), вяз — *Ulmus* (15). В двух других пробах на определение отобраны только кусочки обуглившись ветвей, что исключает сомнения относительно их местного происхождения, и только один фрагмент принадлежал какому-то обработанному изделию, как оказалось, из сосны — *Pinus*. Исключив ее, получаем такой суммарный процентный состав проб: ильм-вяз *Ulmus* (47.17), тополь — *Populus* (18.87), дуб — *Quercus* (16.98), ясень *Fraxinus* (11.32), клен — *Acer* (5.66). К перечисленным породам надо добавить бук — *Fagus*, древесина которого была законсервирована в колоде с материалом начала III в. до н. э. на поселении Панское I. Разумеется, выборка очень мала для того, чтобы делать какие-то более определенные выводы о составе древесно-кустарниковых пород, но общую характеристику она, по-видимому, дает. Добавим, что в кусках глиняной обмазки и на сырцовых кирпичках очень часто встречаются отпечатки прутьев и ветвей; находки же древесных угольков в очажных выбросах постоянны.

Реликтовые островки древесно-кустарниковой растительности сохранились в некоторых местах Тарханкутского полуострова (рис. 7), например в урочище Джангуль [Подгородецкий и Вшивков, 1960].

Древесно-кустарниковая растительность, по-видимому, была распространена не только на Тарханкуте, а опускалась гораздо южнее, по край-

ней мере до Сак. В колонке ила со дна Сакского озера (рис. 7) обнаружена пыльца дуба, бука, сосны, граба, каштана, лещины, ольхи и травянистых растений [Борисов А. А., 1956]. Спорово-пыльцевой анализ проб из культурных отложений на городище «Чайка» близ Евпатории, выполненный Г. М. Левковской, показал, что для слоев III—II вв. до н. э. характерно сочетание степных (разнотравье) и лесных (сосна, дуб, клен, вяз, лещина, граб, можжевельник, сумах) компонентов, а со II в. до н. э. преобладает пыльца травяно-кустарничковых растений, свойственных степи, хотя пыльца древесных пород, в том числе и новых (ольха, ива, древовидная береза, ель), продолжает встречаться [Левковская, 1970]. В самое последнее время по «Чайке» опубликованы новые сведения [Маслов, Филин, 1976], значительно дополняющие и уточняющие материалы Г. М. Левковской. Здесь обнаружены дуб, ольха, вяз, ива, тополь, можжевельник, клен, земляничное дерево, каштан — все в слоях от основания поселения до XIV в. н. э. При этом, как отмечают авторы, в слоях III—II вв. до н. э. преобладает дуб, остатки которого составляют около 70% от 312 определенных фрагментов.

Таким образом, можно предполагать, что лесостепные участки в Северо-Западном Крыму состояли в основном из широколиственных пород. Бесспорно, что здесь рос дуб, встреченный во всех образцах, и вяз. К их зарослям, видимо, были примешаны клен, тополь, ясень, ольха, лещина и другие породы. Вероятно, обычен был можжевельник. Что касается сосны, ее, очевидно, надо исключить из произраставших здесь пород, так как пыльца сосны, как известно, чрезвычайно летуча, а единственный найденный кусок обугленной древесины, как говорилось, принадлежал обработанному предмету.

Судя по всем добытым материалам, древесно-кустарниковая растительность, вероятно, занимавшая первоначально понижения между увалами, склоны балок и их верховья и приморские долины на Тарханкуте, а также прибрежную зону аккумулятивных песков лагунно-лиманного Евпаторийского побережья, постепенно вытеснялась степью и изменяла видовой состав начиная примерно со II—I вв. до н. э. Жители прибрежных поселений, особенно на Тарханкуте, который, видимо, можно рассматривать как лесостепной остров в Причерноморских степях, подобный приднепровской Гилее, по-видимому, не испытывали особой нужды в дереве для хозяйственных потребностей. Не исключено, что при основании поселений наряду с другими факторами учитывался и фактор облесенности местности.

Животный мир. Одним из важных показателей существования древесно-кустарниковых биотопов в окрестностях поселений на всем протяжении их жизни служат многочисленные находки в культурных слоях раковин виноградных улиток — *Helix vulgaris* Rasm., которые не обитают в чистых степных биотопах. Раковины виноградных улиток обнаружены нами почти на всех поселениях района и во всех без исключения слоях. Иногда они (как правило, в разрушенных помещениях) встречаются сотнями. На городище Тарпанчи, например, слой внутри одного из помещений II в. н. э. сохранил до 800 раковин на 1 м³ [ср.: Маслов, Филин, 1976, с. 178].

Ко II—III вв. н. э. относится скопление костей в углу одного из помещений «дóма с контрфорсами» на городище Тарпанчи [Щеглов, 1965]. Условия залегания и остеологический анализ¹⁰ позволяют предполагать, что в заброшенном здании до его разрушения было свито гнездо пернатыми хищниками, скорее всего ночными (сначала мелким, возможно, неясытью — *Strix aluco* L., а затем более крупным, может быть, филином — *Bubo Bubo* L.). Остатки их пищи и составили коллекцию костей, состав которых до некоторой степени

¹⁰ Определение костей птиц проведено в Институте зоологии АН УССР А. С. Уманской. Определение костей млекопитающих выполнено В. О. Топачевским в том же институте. Остатки пресмыкающегося определил Н. Н. Щербак. Им же интерпретирован весь комплекс.

позволяет определить видовой состав фауны пернатых, грызунов и пресмыкающихся Северо-Западного Крыма в указанное время.

Всего собрано 215 костей. Из них 196 принадлежали птицам, среди которых насчитываются 34 особи 20 видов, а именно (в особях):

1. Водоплавающие — 2 пеганки черношейные (*Colymbus nigrocollis* Brelim.), 1 чернозобая гагара (*Yavia arctica* L.), 1 гоголь (*Bucephala clangula* L.).

2. Воробьиные — 6 степных жаворонков (*Melanocorypha calandra* L.), 2 хохлатых жаворонка (*Galerida cristata* L.), 4 дубоноса (*Coccothraustes coccothraustes* L.), 2 скворца (*Sturnus vulgaris* L.), 2 щегла (*Carduelis carduelis* L.), 1 каменка обыкновенная (*Oenanthe oenanthe* L.), 1 чекан луговой (*Saxicola rubetra* L.), 1 сорокопуд-жулан (*Lanius collurio* L.), 1 просянка (*Emberiza calandra* L.) и дрозды: 1 черноголовый (*Saxicola torquata* L.), 1 деряба (*Turdus vulgaris* L.), 1 черный (*T. merula* L.).

3. Прочие — 2 перепела (*Coturnix coturnix* L.), 2 шурки золотистые (*Merops apiuster* L.), 1 водяная курочка (*Gallinula chloropus* L.), 1 черный стриж (*Apus apus* L.), 1 совка-сплюшка.

Кроме того, здесь же были кости 3 особей малого суслика (*Citellus pigmaeus* Pall.), 2 обыкновенных полевок (*Microtus arvalis* Pall.), 1 зайца или кролика (*Lepus, Oryctolagus*), 1 серой крысы (*Rattus norvegicus* Berkengout) (!), а также змеи из семейства ужей, вероятно полоза (*Coluber*).

Видовой состав птиц показывает, что среди них есть виды, обитающие в степи, и виды, характерные для древесно-кустарниковых биотопов; причем последние занимают значительное место. Иными словами, можно предполагать, что еще в первые века н. э. фауна Тарханкута объединяла виды, характерные как для степей, так и для лесостепи. К первым относятся также находки костей дрофы (Тарпанчи) и сайгака (Панское I).

Существенные дополнительные материалы в самое последнее время дали раскопки городища «Чайка» [Маслов, Филлип, 1976]. В списке костных остатков, приведенном авторами, фигурируют кости благородного оленя, косули, кулана, сайгака, кабана, волка, медведя, барсука, лисицы, горностая, зайца, малого суслика, домашней (курганчиковой?) мыши.

Фауна моря. Специальное изучение массового остеологического материала ихтиофауны [Щеглов, Бурдак, 1965; Бурдак, 1966; Бурдак и Щеглов, 1966; Щеглов, 1969]¹¹ позволяет сделать вывод, что за последние 2000—2500 лет не произошло сколько-нибудь значительных изменений не только в составе видов, но и в их количественном соотношении, а также в местах нагула, зимовок, сроков и путей миграции основных пород промысловых рыб. Все это обуславливало характер и сроки рыбного промысла, который, надо полагать, по срокам не отличался от нынешнего. Вместе с тем установлено, что в массе особи, в частности кефалей, были крупнее современных. В материалах из прибрежных поселений представлены осетр русский (*Acipenser güldenstadti* Brandt), кефаль (сиггиль) (*Mugil auratus* Risso), лобан (*M. cephalus* L.), кефаль (*M. saliens* Risso), морской карась — ласкирь (*Diplodus annularis* L.), камбала калкан (*Scophthalmus maoticus* [Pall.]), скат лиса (*Raja clavata* L.). Кроме того, постоянны находки клешней и панцирей крабов — каменного (*Eristia spinifrons* Herbst) и травяного (*Carcinus maenas* L.), костей дельфина-белобочки (*Delphinus delphis ponticus* Grab.), а также раковин моллюсков: устриц (*Ostrea taurica* Kryn.), мидий (*Mytilus galloprovincialis* Lam.), гребешка (*Pecten ponticus* B. Det.), венус (*Venus gallina* L.), кардium (*Cardium edule* L.), (*Nassa reticulata* L.) и других.

¹¹ Определение всех материалов выполнено в Институте биологии южных морей АН УССР в Севастополе Ю. Г. Алеевым и В. Д. Бурдак. Совместно с В. Д. Бурдак проведена серия исследований, которая включила в себя разработку методики отбора проб в поле, лабораторный и статистический анализ. В. Д. Бурдак предложен новый метод определения величины рыб по ее чешуе, оказавшийся очень результативным для археолого-палеонихтиологических исследований.

КЛИМАТ И ГИДРОЛОГИЯ

Как известно [Бабков, 1961], Северо-Западный Крым в настоящее время имеет по сравнению с другими районами полуострова самый сухой климат. Каким же он мог быть в античную эпоху?

И. Е. Бучинский полагает [Бучинский, 1953], что климат на территории Украины за последние тысячелетия, кроме его вековых колебаний, существенно не изменился. Из концепции А. В. Шнитникова [1958] следует, что климат Северного Причерноморья в античное время был более влажным, чем теперь. По А. А. Борисову, хотя коренных преобразований климата Крыма не произошло, определенные изменения климатических условий существуют. Он считает, что «в общем климат большей части Крыма в античное время был континентальный, с холодной зимой, теплым солнечным летом, господством летних осадков ливневого характера» [Борисов, 1956, с. 534]. При этом для рубежа и первых веков н. э. наблюдалось потепление; тогда в Крыму были «более благоприятные условия и более влажный климат» [там же, с. 534]. Однако В. В. Шостакович и Ю. В. Перволюф, анализируя иловые отложения озер Северо-Западного Крыма, пришли к выводу, что во II—I вв. до н. э. произошло резкое иссушение климата. На протяжении примерно 200 лет здесь продолжался период сухого и жаркого климата [Шостакович, 1934, 1935; Перволюф, 1953]. А. И. Дзенс-Литовский, напротив, высказал гипотезу, что со II—I вв. до н. э. и по II—III вв. н. э. имело место резкое похолодание и что с ним будто бы связано полное замирание жизни на поселениях описываемого района в этот период [Дзенс-Литовский, 1936a]. Но раскопки полностью опровергают вывод А. И. Дзенс-Литовского, по крайней мере вторую его часть. Двухсотлетнего перерыва в истории поселений и в их интенсивной хозяйственной деятельности (земледельческо-скотоводческой и рыбопромысловой) не было.

Из изложенного видно, что проблема климата остается полностью дискуссионной. Не претендуя на ее хотя бы частичное решение, добавим, что, по-видимому, на более высокий температурный режим Черного моря, а следовательно, и на более теплый климат в прибрежной зоне в I в. до н. э. указывает анализ чешуи кефали из раскопок городища и поселения Тарпанчи [Щеглов, Бурдак, 1965; Бурдак и Щеглов, 1966]. Кроме того, наличие в древности в изучаемом районе очагов древесно-кустарниковой растительности, вероятно, сыграло какую-то роль в сохранении определенных условий влажности и температурного режима. Известно, что в степной полосе колебания суточных температур гораздо большие по сравнению с лесами. Поэтому можно предполагать, что с наступлением степи связано и некоторое изменение микроклимата.

По-видимому, на более благоприятный гидрологический режим в древности на Тарханкутском полуострове может косвенно указывать тот же факт облесения и рельеф, иссеченный балками, по которым проходили, возможно, не только временные, но и постоянные водотоки. Некоторые из ручьев исчезли сравнительно недавно. Так, например, на карте Мухина 1816 г. показан ручей, бравший начало у д. Чокрак (соврем. Родниковое), который принимал в себя еще один пересыхающий и впадал в море у с. Тарпанчи (соврем. Окуневка). По рассказам местных жителей с. Окуневки, он окончательно пересох в тридцатых-сороковых годах нашего столетия.

РОЛЬ ЧЕЛОВЕКА В ИЗМЕНЕНИИ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Результаты археологического и палеогеографического изучения позволяют обосновать гипотезу о значительном участии хозяйственной деятельности человека, по крайней мере в античный период,

в изменении некоторых черт ландшафта Северо-Западного Крыма [Подгородецкий, 1961б; Щеглов, 1971; ср.: Подгородецкий, 1974; Маслов, Филин, 1976]. Можно построить следующую гипотетическую модель.

Вероятно, начало изменению ландшафта положила вырубка древесно-кустарниковой растительности для хозяйственных нужд и, главное, для расчистки земельных участков под посевы зерновых и виноградарства с момента греческой колонизации прибрежной зоны, особенно со времени включения этих земель в состав Херсонеса. По-видимому, на отведенных под освоение участках, занимавших приморскую равнину и долины, древесно-кустарниковая растительность могла просто выжигаться. А на возгорьях Тарханкутского поднятия, судя по коре выветривания, и тогда существовала каменистая степь. Степи, вероятно — за исключением прибрежной полосы, господствовали и к югу от Донузлава.

Деревья и кустарники, видимо, постепенно отступали в глубинные районы Тарханкута, сохраняясь по балкам. Но и туда, видимо, приходили люди, вырубая деревья и кусты на топливо, для построек и иных хозяйственных нужд. Стада овец и коз, которых преимущественно разводили, вытаптывали и выедали молодые побеги, приостанавливая естественное воспроизводство. Так продолжалось около 600—700 лет.

Создание зон культурного ландшафта в конце концов привело к необратимым последствиям. С уничтожением древесно-кустарниковых порослей теснейшим образом связаны и другие изменения природных условий. Невоможно надвигалась степь. Животные, характерные для лесных биотопов, постепенно исчезали. На открытых пространствах, занятых некогда древесно-кустарниковыми сообществами, особенно на склонах и местах распашки, резко увеличились эрозийные процессы. Уменьшилась защита от ветров. Вероятно, менялся и гидрологический режим. Область становилась все более засушливой, земля переставала держать влагу, постепенно прекратилось питание источников, и они один за другим стали прекращать свою работу. Ухудшение микроклиматических условий, возможно, тоже в какой-то степени явилось одним из последствий уничтожения островов деревьев и кустарников.

В результате с помощью человека Северо-Западный Крым принял облик сурового и засушливого степного края. Пример, хотя в истории человечества и не новый, и постоянно повторяющийся (об этом писал еще Ф. Энгельс¹² [см. также: Дорст, 1968, с. 138, 152, 155; Федосеев, 1976, с. 13 сл.]), но весьма поучительный.

Изложенную модель, разумеется, надо рассматривать не более как гипотезу. Ее положения ничуть не снимают роль естественных преобразующих процессов, примеры которых были обсуждены в главе.

---

¹² Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 496.

ТОПОГРАФИЯ, ХРОНОЛОГИЯ
И ТИПОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ

На относительно густую заселенность Северо-Западного Крыма от энеолита до поздней бронзы указывают погребения и поселения ямной, кеми-обинской и катакомбной культур [Щепинский, 1966; ср.: Щепинский, 1951, 1972; Дашевская, 1965, 1969б; Щепинский, Черепанова, 1969], расположенные как в его прибрежной зоне, так и в глубине территории, а также наибольшая по сравнению с любым другим районом степного Крыма концентрация курганов этого времени на Тарханкутском полуострове. В меньшей степени известны памятники срубной культуры [Щепинский, 1966; ср.: Шульц, 1937, 1941; Дашевская, 1965], но в целом они равномерно распределены на той же территории. Что касается погребений кочевых скифов, то они появляются здесь не ранее V в. до н. э. [см.: Троицкая, 1951]; более ранние до сих пор не обнаружены. Известны только два памятника указанного времени: Ак-Мечетский, или Кара-Меркитский, курган с золотыми бляхами в «зверином стиле», впускное погребение в котором было открыто случайно в 1885 г. [ОАК, 1882—1888], и первое черноморское изваяние стоящей мужской фигуры с ритонном, акинаком и горитом (известняк), найденное Л. А. Моисеевым в 1929 г. во вторичном использовании на заброшенном татарском могильнике Чикур, в 7 км от пос. Черноморское (бывш. Ак-Мечеть), которое П. Н. Шульц относит ко второй половине V—началу IV в. до н. э., связывая его со скифскими фигурами прикубанской группы [Шульц, 1967].

С Ак-Мечетским (Кара-Меркитским) курганом давно было связано бытующее и в современной литературе [Троицкая, 1951, с. 93; Артамонов, 1966] досадное топографическое недоразумение — отнесение его к некрополю Калос Лимена, влекущее за собой неверные исторические выводы. Ошибка, кочующая из работы в работу, произошла потому, что в ЗРАО [т. XII, в. 1—2, нов. сер., СПб., 1901, с. 284] в заглавии было неправильно указано, что раскопки Н. П. Кондакова производились «близ Ак-Мечетской» (Черноморской) бухты, хотя в тексте сообщения речь шла о работах в имени Ракова «Ак-Мечеть» возле деревни Кара-Меркит (соврем. с. Каштановка). Эта деревня лежит в самой глубине Северо-Западного Крыма, в 50 км от Калос Лимена и Черноморской бухты и на таком же расстоянии от Керкинитиды, а недокопанный курган Кара-Меркит существует (рис. 8, 1) и нанесен на современные крупномасштабные топографические карты. Нет, следовательно, никаких оснований связывать Кара-Меркитский курган с некрополем Калос Лимена. Несомненно также, что и упомянутое выше изваяние из карабы Чикур, расположенной внутри Тарханкута, не может происходить из того же некрополя. Но в то же время нельзя совсем исключить предположение, что само появление богатых скифских погребений¹ в этом районе в то же время,

¹ Вероятно, нет оснований сомневаться, что изваяние из Чикюра могло стоять скорее всего только на могиле знатного воина [ср.: Шульц, 1967, с. 226].

когда здесь существовала Керкинитида, каким-то образом связано с этим городом. Доказать его невозможно — можно лишь привлечь косвенные соображения, основанные на более поздних изображениях скифов на монетах Керкинитиды [ср.: Орешников, 1892; 1911; Зограф, 1951], но общая тенденция развития греко-скифских взаимоотношений в V в. до н. э., по-видимому, не противоречит сказанному [ср.: Хазанов, 1975, с. 235, 241].

Погребения, начиная с IV в. до н. э., расположенные в прибрежной зоне и перечисленные Т. Н. Троицкой в сводке скифских курганов Крыма, относятся к некрополям находящихся здесь же поселений, которые возникают во второй половине IV в. до н. э., непосредственно с ними связаны и поэтому будут рассмотрены подробнее в соответствующем месте. Что касается глубинных районов Северо-Западного Крыма, то, за исключением разграбленного и недатируемого погребения в кургане у с. Березовка [Троицкая, 1951, с. 94], скифские погребения этого времени мне не известны. Правда, в самое последнее время А. А. Щепинским раскопано несколько курганов у оз. Джарылгач [Щепинский, 1972], но и они тяготеют к прибрежной зоне с греческими поселениями, расположенными к северо-востоку от бухты Ярылгач.

Разведки и раскопки на всей территории Северо-Западного Крыма показали, что никаких поселений до начала греческой (херсонесской) колонизации этого района во второй половине IV в. до н. э. здесь не было [Щеглов, 1963, 1965, 1966; Дашевская, 1964б, 1971]. Единственное поселение в Чоротайской балке, которое по находкам чернолощеной керамики очень предположительно связывалось с местным догреческим населением Тарханкута [Шульц, 1937, 1941; Щеглов, 1966], как выяснилось после дополнительных работ на нем, синхронно остальным античным поселениям. По-видимому, не существовало догреческого поселения и на месте ранней Керкинитиды, как это предполагала М. А. Наливкина, основываясь на своих находках чернолощеной лепной керамики с гребенчатым орнаментом в нижнем горизонте культурного слоя городища [Наливкина, 1955, 1957, 1963а]. После весьма доказательных исследований крымской группы керамики с гребенчатым орнаментом (Дашевская, 1963; Савеля, 1970), нет никаких оснований сомневаться в том, что она синхронна слоям античных поселений до III в. до н. э. включительно, а следовательно, и не может служить аргументом в пользу существования предшествующих туземных поселений на месте греческих [Дашевская, 1963; с. 209].² Таким образом, создается убедительное впечатление, что ни к моменту основания Керкинитиды, ни к началу освоения прибрежных земель Херсонесом, т. е. по крайней мере до второй половины IV в. до н. э., оседлого земледельческого населения в Северо-Западном Крыму не было; по крайней мере побережье пустовало. Говорить же что-либо определенное о кочевом населении по имеющимся археологическим материалам в настоящее время не представляется возможным.

ТОПОГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ

Как говорилось выше (с. 20), вполне вероятно, что Керкинитида была основана на низменном мысу, с западной стороны которого находилась совр. Евпаторийская бухта, а с восточной, возможно, мелководная лагуна, позднее превратившаяся в озеро и пересохшая. Известно, что греческие колонисты с самого раннего времени, судя

² Нельзя согласиться с мнением О. Д. Дашевской [1963, с. 209], что «в послегородовое время тавры проникали к северу от Керкинитиды, где жили в прибрежных укреплениях, основное население которых составляли скифы и греки». В то же время надо отказать от одной из выдвинутых нами двух гипотез о принадлежности указанной группы керамики сатархам или переселенным в Северо-Западный Крым зависимым от Херсонеса таврам [Щеглов, 1966, с. 148 сл., 154]. Вторая гипотеза представляется более вероятной [Щеглов, 1968, с. 339; 1971, с. 20].

по местоположению Смирны [см.: Cook, 1959; Akurgal, 1961], с X в. до н. э. предпочитали основывать свои поселения на мысах, где только это было возможно. Даже не выходя за пределы Причерноморья, можно проследить, насколько такое явление характерно, особенно для ранних колоний [ср.: Short, 1937; Белов, 1948; Блаватская, 1952; Максимова, 1956; Sapagache, 1957; Шеглов, 1965б; Лапин, 1966; Alexandrescu, 1970]. Положение города на полуострове удобно во всех отношениях, что специально отмечается древними авторами [например: Thuc., I, 7 (о городах вообще), Polyb., IV, 56, и Strabo, XII, 3, 11 (о Синопе)]. Ксенофонт, который, как известно, хотел основать на южном берегу Понта новый полис, особое внимание уделяет описанию наиболее подходящего для этого мыса у бухты Кальпа, где остановилось лагерем греческое войско [Anab., VI, 4, 3—6]. В этом пассаже Ксенофонта наиболее четко сформулированы три основных требования к географической ситуации конкретного места колонизации, очевидно, выработанные колонизационной практикой: а) наличие мыса, который удобно перегородить крепостной стеной и внутри ее разместить само поселение, т. е. обеспечение условий безопасности граждан; б) наличие удобных гаваней для развития морских коммуникаций и торговли; в) наличие в прилегающих окрестностях плодородной земли, которую можно было бы разделить между колонистами и тем самым обеспечить условия для занятий земледелием. Три перечисленных фактора, по-видимому, и были учтены в первую очередь при выборе места для основания как Керкинитиды,³ так позднее и Калос Лимена, также находившегося на мысочке, выступавшем в глубине очень удобной закрытой бухты и тоже располагавшем в ближайших окрестностях плодородной землей.

Вокруг Керкинитиды и Калос Лимена на непосредственно прилегающих к ним землях выявляются следы небольших поселений. Раскопками Н. Ф. Романченко и Л. А. Моисеева на пространстве между Карантиным мысом и Мойнакскими озерами, М. А. Наливкиной в «дачном» районе Евпатории и нашими работами вокруг Черноморской бухты и у бухты Ветреной установлено, что здесь находились загородные сельские усадьбы различных типов. Подробнее они будут рассмотрены в следующих главах. Все остальные поселения, известные в настоящее время, их некрополи, а также следы древних земельных участков расположены в прибрежной полосе вдоль берега моря (рис. 8, II). Подавляющее большинство из них (прежде всего укрепленные поселения — городища) лежит непосредственно на морском берегу или на небольшом удалении от него, как например городище «Чайка». Меньшее количество поселений (около 26%) отстоит от современной линии берега до 1—2 км. И только 2 поселения находятся на расстоянии до 6 км от берега моря: Сасык-Сивашское [Яценко, 1969] и Джарылгачское [Щепинский, Черепанова, 1974, с. 63, рис. 1], но оба они привязаны к верховьям крупных соляных озер. На берегах оз. Донузлав, как указывалось, поселений античного времени не обнаружено, за исключением открытого П. Н. Шульцем в 1962 г.⁴ Западно-Донузлавского поселения, раскапывавшегося затем Донузлавской экспедицией [Дашевская, 1968; Голенцов, 1973]. Таким образом, в античное время была освоена узкая приморская полоса, в очень редких и объяснимых случаях превышающая ширину в целом более 2—3 км (рис. 8). Всего на ней, исключая городища Керкинитиды и Калос Лимена, а также усадьбы в их округе, сейчас известно около 45 укрепленных и неукрепленных поселений. Количество новых поселений хотя и возрастает, но незначительно, несмотря на постоянные поиски. По-видимому, это говорит о том, что общее число поселений вряд ли значительно превышало эту величину.

³ С точки зрения безопасности положения города на окруженном водой мысу еще большее значение приобретает в низменной равнинной местности, где доступ со стороны степи не мог быть прикрыт какими-либо естественными рубежами, например балками, как в Ольвии.

⁴ Доложено П. Н. Шульцем на заседании Крымского отдела Географического общества СССР 16 марта 1963 г.

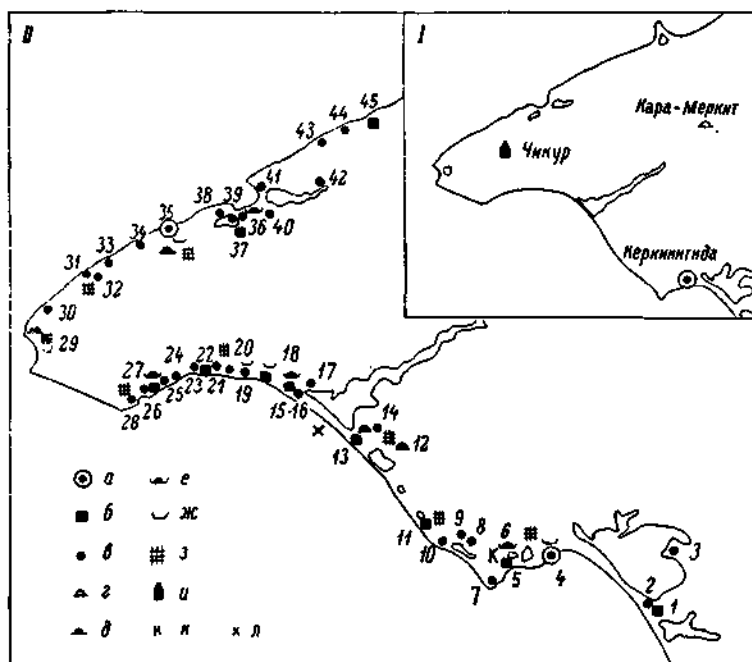

Рис. 8. Обзорная картосхема памятников Северо-Западного Крыма.

I — V в. до н. э.; II — 2-я половина IV в. до н. э. — первые века н. э. а — города; б — укрепленные поселения; в — неукрепленные поселения; г — отдельный курган; д — курганные группы; е — смешанные (курганные и грунтовые) могильники; ж — грунтовые могильники; з — следы размежевания земель; и — сиафское изваяние; к — каменоломня; л — остатки кораблекрушения IV в. до н. э. 1 — Кара-Тобе; 2 — Кара-Тобе I; 3 — Гарьяны; 4 — Керкинитыда; 5 — «Чайна»; 6 — Заозерная; 7 — Малая; 8 — Терекли-Копрат; 9 — Мурашон; 10 — Береговое; 11 — Аяччи; 12 — Ойбур; 13 — Южно-Донузлавское; 14 — Южно-Донузлавское I; 15 — Беляус; 16 — Беляус Восточное; 17 — Западно-Донузлавское; 18 — Кульчукское; 19 — Лазурное; 20 — Окучана I; 21 — Тарпанчи Восточное; 22 — Тарпанчи; 23 — Тарпанчи Западное; 24 — Акчи-сарай; 25 — Марьяно I; 26 — Джан-Баба; 27 — Джан-Баба I; 28 — Ойрат; 29 — Караджинское; 30 — Чоротай; 31 — Джангуль I; 32 — Джангуль 2; 33 — Кафель; 34 — Абу-злар; 35 — Калос Лимен; 36 — Панское I; 37 — Панское II; 38 — Панское III; 39 — Панское IV; 40 — Ярылгачское; 41 — Мемводное; 42 — Джарылгач; 43 — Гроты; 44 — Бурнель; 45 — Владимировка.

При рассмотрении топографии поселений в сочетании с наблюдениями физико-географического порядка, изложенными в первой главе, и с привлечением предполагаемых палеогеографических реконструкций (см. там же), отчетливо видна прямая и беспорядная зависимость в их расположении и концентрации на местности от качества и наличия пригодной к обработке земли и от удобства местоположения на берегу моря, либо от сообщения с приморскими пунктами. Прослеживаются довольно устойчивые связи местоположений с рельефом, хотя они и менее значительны и, как правило, связаны с формой берега в данном месте. Сказанным, по-видимому, объясняется определенная неравномерность в плотности заселения рассматриваемого района. Другие факторы (например, наличие соляных озер как источника добычи самосадочной соли или облебенность местности) имели, видимо, меньшее значение. Впрочем, последний фактор оценить невозможно, так как нет путей для выявления реальных участков древесно-кустарниковой растительности и ее суммарного объема. Но так или иначе, преимущественно аграрный характер всех поселений Северо-Западного Крыма, выявляемый сопоставлением топографии населенных пунктов с природной средой, их вмещающей, вряд ли может вызывать сомнение. Поселения здесь создавались, очевидно, с целью прежде всего непосредственной эксплуатации земель.

Заметна и еще одна особенность в топографии поселений: по-видимому, выделяются группы, состоящие из одного крупного укрепленного поселения и нескольких неукрепленных близ него или на некотором отдалении. Создается впечатление, что укрепления с мощными фортификационными сооружениями контролировали какую-то территорию с лежащими на ней незащи-

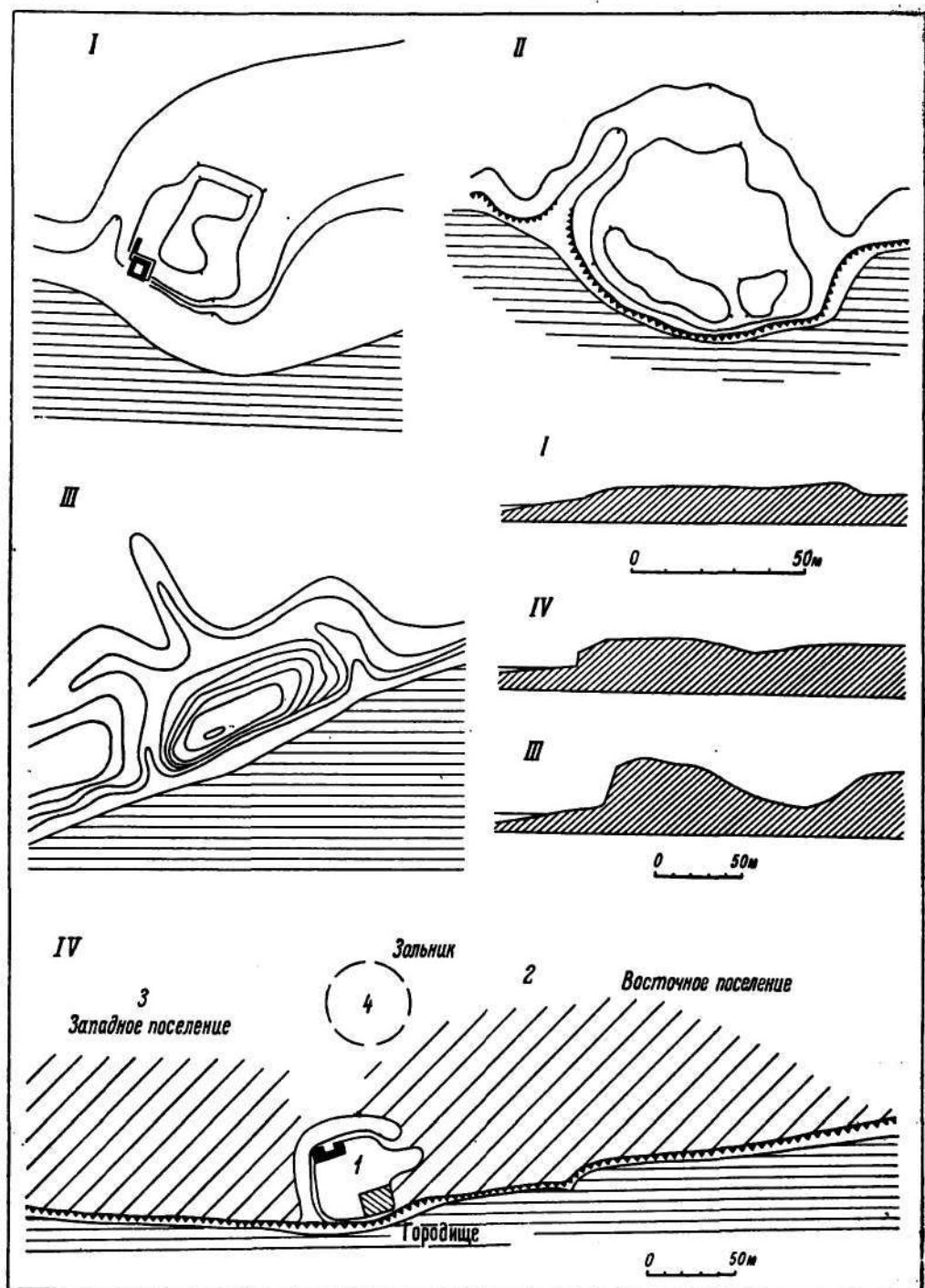

Рис. 9. Укрепленные и неукрепленные поселения.

I — Беляус; II — Кульчукоск; III — Джан-Баба (городище и неукрепленное поселение); IV — комплекс Тарпанчи.

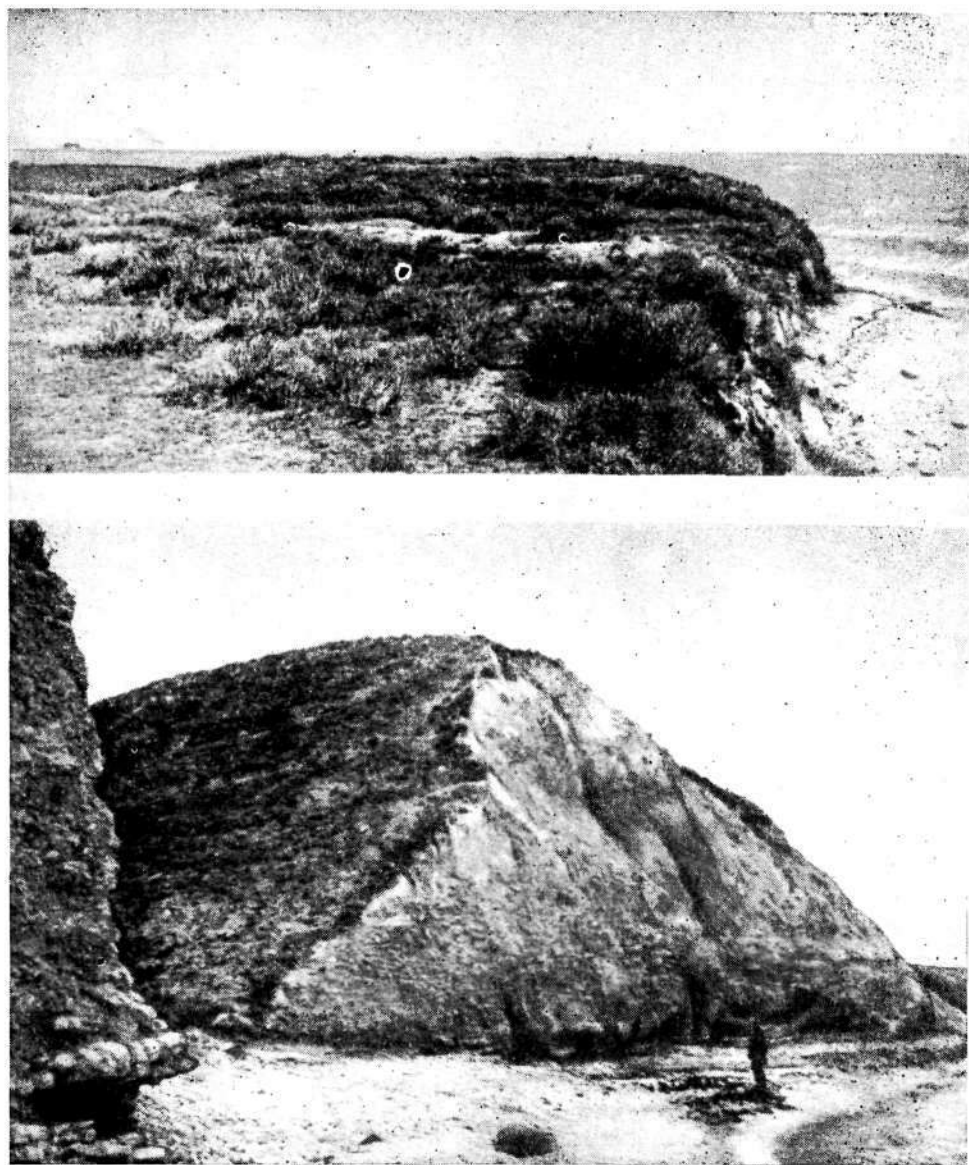

Рис. 10. Городища Тарпанчи (вверху) и Джан-Баба.

ценными земледельческими поселениями. Таково, например, укрепление Панское II, находившееся, очевидно, на краю приморской долины, в которой было еще не менее трех поселений: Панское I, Панское III и Панское IV. Первые два не имеют оборонительных сооружений; о третьем же ничего сказать нельзя, так как оно затоплено оз. Панским.⁵ Неукрепленное поселение открыто неподалеку от городища «Чайка» — у Евпаторийского маяка [Павлов, 1974]. С укреплением на городище «Чайка», очевидно, надо связывать также каменоломни и некрополь у д. Заозерной, раскапывающиеся А. А. Коноваловым (информацию о раскопках см. в АО, начиная с 1968 г.). В зону городища Кара-Тобе, которое, по предположению П. Н. Шульца,

⁵ По материалу, поднятому со дна землечерпалкой «Южная I», можно предполагать, что здесь находилась неукрепленная усадьба IV—III вв. до н. э. (керамика, строительный камень, черепица).

охраняло вход на пересыпь Сасык-Сивашского озера [Шульц, 1937, 1941; ср.: Шеглов, 1961], возможно, входили открытые поселения Кара-Тобе у ст. Прибрежная и Сасык-Сивашское у д. Гаршино. В степи к северу от Южно-Донузлавского городища и к востоку от городища Беляус тоже находились неукрепленные поселения [Дашевская, 1965]. Вполне возможно, что к Беляусу относилось и упоминавшееся Западно-Донузлавское поселение. Не исключено, что укрепление Владимировка в урочище Чеголтай контролировало соседнюю прибрежную территорию с расположенными на ней поселениями. То же самое, по-видимому, можно сказать о городищах Тарпанчи и Джан-Баба, к которым непосредственно примыкают открытые поселения и по одному поселению находится в непосредственной близости (Окуневка I, Марьино). Во всем этом группировании, впрочем, остается много неясного. Поэтому изложенное предположение нельзя рассматривать иначе как рабочую гипотезу, требующую проверки и обоснования.

Укрепленные поселения — там, где можно было использовать рельеф, размещались на мысах, выдвинутых в море (Кульчукское, Тарпанчи), останцах обтекания, окруженных с напольной стороны глубокими балками (Джан-Баба), на небольших пологих возвышениях водоразделов (Аирчи, Кара-Тобе). В плане они обычно имеют прямоугольную форму, иногда округлую (Кульчукское, Южно-Донузлавское), и, как правило, хорошо выделяются на местности (рис. 9—10). Площадь их колеблется от 1800 (Тарпанчи) до 13 500 (Караджинское) кв. м.

Городища Беляус и Караджинское и прежде считались греческими укреплениями [Шульц, 1937, 1941; Тюменев, 1950]. П. О. Бурачков, как говорилось, отождествлял Беляус с Керкинитидой, а по поводу Караджинского городища П. Н. Шульц высказал предположение, не является ли оно херсонесской «пристанью», упомянутой Страбоном (VII, 4, 2) [Шульц, 1941]. Мнение о греческой принадлежности обоих городищ основывалось на видимых в обрезах берега кладках, облицованных известняковыми квадратами.

Внешние формы городищ Кульчукского (второе название — Красный Курган), Тарпанчи (Батарейка), Джан-Баба, Аирчи, Южно-Донузлавского (Поповка), сходные с памятниками Нижнего Поднепровья и обусловленные позднейшей системой оборонительных сооружений, ввели в заблуждение П. Н. Шульца, который видел в них скифские или скифо-сарматские крепости с самого начала их существования, что и явилось обоснованием гипотезы о одновременном возникновении противостоящих друг другу систем укреплений — скифской и греческой. Эта гипотеза, как было показано во введении, и служила основной базой, на которой строились все представления об этом районе.

СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИЙ

Города. Стратиграфия Керкинитиды и основные строительные периоды городской застройки выявлены исследованиями Л. А. Моисеева и М. А. Наливкиной, вскрывшими на отдельных участках всю толщу культурных отложений [Наливкина, 1955].

Культурный слой городища состоит из четырех горизонтов (или свит), отражающих основные этапы жизни города. Первый горизонт, залегающий на материке, содержит слои и строительные остатки ранней Керкинитиды, очевидно, до подчинения ее Херсонесу. Основные керамические материалы в нем представлены пухлогорлыми хиосскими амфорами, ранними фасосскими, а также обломками ионийской и аттической посуды [Наливкина, 1959]. Весь комплекс материала позволяет отнести свиту слоев первого горизонта к началу V—первой половине IV в. до н. э. Вторая группа слоев и строительных остатков может быть датирована по материалу второй половиной—концом IV—началом II в. до н. э. Среди керамического комплекса подавляюще

преобладает гара и различная посуда херсонесского производства [Наливкина, 1959]. Наглядную картину дают херсонесские амфорные клейма, которые составляют почти половину всех находок клеем (47.5%). После херсонесских в убывающем порядке идут находки клеем Синопы (26.8%), Гераклеи Понтийской (13.1%), Фасоса (6.9%), Книды (3.4%) и Родоса (2.3%). Сходную картину для этого же времени дает Херсонес. Время с конца IV до начала II в. до н. э. характеризуется интенсивным городским строительством. При этом прослеживается прямое воздействие Херсонеса, которое проявляется как в архитектурно-планировочном решении построек, так и в обработке камня и строительной технике [Наливкина, 1963а]. По данным раскопок [Моисеев, 1918; Наливкина, 1955, 1957] можно выделить в указанных пределах два периода городской застройки: конец IV—III в. до н. э. и III—начало I в. до н. э. Оба они наблюдаются и в крепостных стенах города. Третий стратиграфический горизонт составляют слои с явно выраженными прослоями пожаров и следами разрушений, с материалами II—I вв. до н. э. Горизонт, очевидно, хорошо согласуется с письменными источниками, отражающими период скифо-херсонесских войн. Слои верхнего горизонта, значительно потревоженные в новое время, маловыразительны, но в то же время отображают упадок и захирение города в послемитридатовский период. М. А. Наливкина говорит о возникновении на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. «наскоро и небрежно построенных зданий» [Наливкина, 1957, с. 268]. Отчетливо выраженных культурных напластований, относящихся к первым векам н. э., на городище не выявлено. Но керамика этого времени встречалась в малом количестве в сборах П. Н. Шульца, что дало ему основание предполагать прекращение жизни на городище в I в. н. э. [Шульц, 1937]; в небольшом числе керамика обнаружена в верхних перекопанных слоях М. А. Наливкиной [Наливкина, 1957] и наших сборах. Н. Ф. Романченко отмечал, что «период времени монетных находок заканчивается II в. н. э., а именно медными римскими монетами» [Романченко, 1896, с. 228]. Наиболее поздней монетой, найденной здесь, является денарий Фаустины Старшей.⁴ Таким образом, можно предполагать, что городище прекратило существование не раньше середины—второй половины II в.

Сходную стратиграфию имеет культурный слой Калос Лимена, с той только разницей, что здесь отсутствует горизонт рубежа VI—V—первой половины IV в. до н. э. Априорное предположение М. Л. Берихард о возникновении Калос Лимена в VI—V вв. до н. э. [Bernhard, 1964; ср.: Гриневич, 1949], следовательно, не имеет под собой почвы, так как не подкреплено никакими фактами, в том числе и раскопками советско-польской экспедиции в 1959 г. По траншее, перерезавшей культурные отложения городища до материка и поперек всей его территории, выясняется, что нижний стратиграфический горизонт содержит строительные остатки и керамику IV—II вв. до н. э. [Щеглов, 1967]. Абсолютное преобладание в слое херсонесской керамики, а также наиболее сходные с херсонесскими черты городской застройки [см.: Наливкина, 1957; Щеглов, 1976а], находка фрагментов архитектурных деталей, очевидно, изготовленных в камнерезных мастерских Херсонеса, — все это позволяет предположительно связывать возникновение Калос Лимена с колонизационной деятельностью Херсонеса в этом районе. Второй стратиграфический горизонт состоит из двух слоев с явными признаками сильных пожаров и разрушений. Они содержат керамику III—II и II—I вв. до н. э. Для этих слоев характерно большое количество лепной скифской посуды. Каменное строительство не ведется, город разрушен. Сооружаются землянки с типичными крупными скифскими жаровнями. Горизонт этот хорошо синхронизируется с третьим горизонтом культурного слоя Керкинитиды. Верхний, третий стратиграфический горизонт, связанный с возведением каменных построек, относится к рубежу и первым векам н. э. Наиболее поздние керамические материалы датируются I—II вв. Вместе с тем, в самой верхней части

⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1899/55, л. 4.

слоя обнаружены строительные остатки и керамика VIII—XI вв. (Наливкина, 1957; Щеглов, 1970а). На городище найдена анонимная византийская монета XI в.

Укрепления (городища). Стратиграфия всех известных городищ Северо-Западного Крыма в основных чертах коррелируется со стратиграфией Калос Лимена и вторым—четвертым горизонтами культурного слоя Керкинитиды. Во всех случаях выделяются три свиты слоев, связанные с наиболее представительными периодами существования поселений. Рассмотрим это на примерах.

На городище Кара-Тобе П. Н. Шульц выделил слой конца IV—III вв. до н. э., два слоя II—I вв. (из них второй — слой пожара) и два слоя I—III вв. н. э. В нижних слоях преобладает материал херсонесского производства, в более поздних — лепная керамика [Шульц, 1937, 1941]. Раскопки А. Н. Карасева на городище «Чайка» показали, что во 2-й половине IV—II вв. до н. э. здесь стояло огромное монументальное здание с башнями, которое автор раскопок сначала отождествил с одним из безымянных херсонесских укреплений [Карасев, 1963], а затем интерпретировал его как херсонесскую торговую факторию [Карасев, 1965, 1965а, 1966, 1966а, 1967].⁷ В 1966 г. им были открыты остатки еще одной постройки (меньших размеров, но, по-видимому, того же характера), непосредственно предшествовавшей укреплению, возведенному во 2-й половине IV в. А. Н. Карасев датировал эту постройку по типу кладки стен концом V—началом IV в. [Карасев, 1966а; 1967]. Однако никаких материалов раньше 2-й половины IV в. до н. э., подкрепляющих такую раннюю датировку, в синхронном слое не найдено, и датировка мне представляется сомнительной и заниженной. Выявленная А. Н. Карасевым последующая хронология строительных остатков была значительно уточнена и развита раскопками И. В. Яценко⁸ и теперь представляется в следующем виде. Большое укрепление 2-й половины IV в. было возобновлено после пожара в III в. до н. э., но в том же столетии снова разрушается, уже окончательно. На руинах его северо-западного угла возводится (по-видимому, вскоре) новая постройка гораздо меньших размеров, в плане повторяющая тип греческих сельских усадеб; после пожара она была укреплена встроенной внутрь здания монументальной башней. На рубеже III—II вв. и это здание было сожжено и разрушено. В дальнейшем оно стало центром скифского укрепленного поселения, построенного, видимо, около середины II в. до н. э. По И. В. Яценко, скифская крепость тоже несколько раз перестраивалась. Автор выделяет два периода, относящихся ко II в. до н. э., и два строительных периода I в. до н. э.—I в. н. э. Погибает окончательно она, по-видимому, в конце I или на рубеже I—II вв. н. э. [Карасев, 1965; 1966а; Яценко, 1968, 1970, 1970а, 1971, 1972, 1973]. На городище выявлены также строительные остатки X—XIII вв.

Четыре основных горизонта прослежены в стратиграфическом разрезе на городище Айрчи у с. Витино, выполненном Тарханкутской экспедицией в 1967 г. Первый горизонт, залегающий на погребенной почве, содержит в основном керамику херсонесского производства, суммарно датирующуюся второй половиной IV—II вв. н. э. Второй горизонт золистый, с несколькими прослоями интенсивного горения, по своему характеру и материалу идентичен второму стратиграфическому горизонту Калос Лимена. Два верхних горизонта с керамикой II—I вв. до н. э. и первых веков н. э. относятся уже собственно к укреплению, защищенному с напольной стороны рвом и валом, облицованным камнем. При этом ров перерезает первый строительный горизонт, который распространяется и за пределами городища.

Раскопками О. Д. Дашевской на Южно-Донузлавском городище у с. Поповка выявлена та же хронологическая последовательность стратиграфи-

⁷ На основании первых разведок в 1959 г. мы предположили, что «Чайка» сначала была укрепленной усадьбой типа херсонесских на Гераклеяском полуострове [Щеглов, 1961].

⁸ См. ежегодные публикации И. В. Яценко в АО, начиная с 1967 г.

ческих напластований, которая характерна для трех рассмотренных городищ, а основные строительные периоды в общем совпадают со строительными периодами раскопывавшихся укреплений «Чайка» и Тарпанчи. По данным О. Д. Дашевской, Южно-Донузлавское поселение возникает в конце IV или на рубеже IV—III вв. до н. э. и на первом этапе существует как греческий, херсонесский населенный пункт. Во II в. до н. э. поселение погибает, разрушается, и на его месте возводится скифская крепость, как и на городище Айрчи, а также Тарпанчи, меньшая по площади, просуществовавшая до начала II в. н. э. или же до конца I в. [Дашевская, 1961, 1964, 1966а, 1967, 1967а, 1968, 1972].

Таким образом, все четыре рассмотренных городища Евпаторийско-Сакского прибрежного района имеют единую хронологию и, по-видимому, общие исторические судьбы. Однако на первоначальном этапе своего существования, соответствующем первому стратиграфическому горизонту, компактным мощным укреплением, своеобразной крепостью была, вероятно, только «Чайка». Есть основания думать, что небольшое поселение, предшествовавшее укреплению на городище Айрчи, не имело никаких оборонительных сооружений. Скорее всего, неукрепленным поселением, состоявшим из отдельных крупных усадеб с башнями или без них, являлось первоначально и Южно-Донузлавское городище [Щеглов, 1970; противоположную точку зрения см.: Дашевская, 1972]. Что касается городища Кара-Тобе, о характере первоначального поселения, кроме общей характеристики нижнего стратиграфического горизонта, сказать ничего нельзя. Как показывает совокупность всего материала, не позже середины II в. до н. э. на месте разгромленных первоначальных поселений, херсонесская принадлежность которых бесспорна, возводятся скифские крепости.

Обратимся теперь к городищам Тарханкутского полуострова (рис. 8). Их известно 7: четыре — на южном побережье (Беляус, Кульчукское, Тарпанчи, Джан-Баба), одно — на западной оконечности полуострова, у с. Оленевки (Жараджинское) и два — на северо-западном побережье, обращенном к Каркинитскому заливу (Панское II, Владимировка, или Маслины, в урочище Чеголтай). Два городища (Беляус и Тарпанчи) подверглись раскопкам. На всех остальных, за исключением Панского II, Тарханкутская экспедиция провела специальные стратиграфические наблюдения, зачистки и шурфовку. Раскопками на городище Беляус установлено, что первый стратиграфический горизонт (два слоя) с монументальными строительными остатками, лежащий на материке, датируется второй половиной—концом IV—началом II в. до н. э. и принадлежит греческому (судя по материалу — херсонесскому) укрепленному пункту. Во II в. до н. э. укрепление частично разрушается и, очевидно, захватывается скифами, которые превращают его после значительных перестроек в свою крепость, просуществовавшую, по О. Д. Дашевской, до конца I в. н. э. [Дашевская, Щеглов, 1965; Дашевская, 1966в, 1969а; см. также ежегодную информацию О. Д. Дашевской в АО, начиная с 1966 г.]. Как и на некоторых других городищах описываемого района, здесь после длительного перерыва, по-видимому, возникло небольшое средневековое поселение [Щеглов, 1970а]. Можно только предполагать, что аналогичным Беляусу укрепленным поселением было расположенное в двух километрах от современного берега Ярылгачской бухты укрепление Панское II. Сборы на нем дали материал IV—III вв. до н. э., в основном керамику — херсонесскую, синопскую и в небольшом количестве фрагменты фасосских амфор.*

Раскопки на городище Тарпанчи выявили следующую смену последовательности стратиграфических напластований и строительных периодов. Нижний горизонт лежит на материке из лессовидного красно-коричневого четвертичного суглинка. Составляющий его довольно плотный однородный

* На поселении Владимировка с 1972 г. начаты раскопки отрядом Харьковского госуниверситета в составе Северо-Крыжской экспедиции под общим руководством А. А. Щепинского [см. информация В. А. Латышевой в АО с 1972 г.].

грунт имеет глинистую структуру желтоватого цвета с большим содержанием карбонатов. Такая же структура характерна для эллинистических слоев Херсонеса и однослойных поселений Северо-Западного Крыма IV—III вв. до н. э. (Панское I, Тарпанчи Восточное). Объясняется она разрушением кладок из сырцовых кирпичей и «вытеканием» глиняного скрепляющего раствора из каменных кладок. Слой распространяется за пределы городища в его северной части, где перерезан рвом II в. до н. э. Керамический материал из описываемого горизонта позволяет в целом датировать его концом IV—началом II в. до н. э. Он прежде всего представлен обломками херсонесских и синопских амфор типичных для указанного времени форм. Среди массового материала много фрагментов расписной херсонесской керамики, а также привозной чернолаковой IV—III вв. Полностью отсутствуют фрагменты «мегарских» чаш. Херсонесская посуда и тара доминируют: по нашим подсчетам, их фрагменты составляют 86% от общего объема гончарной керамики. Обломков лепных сосудов относительно немного; они представлены фрагментами грубых горшков без орнамента или орнаментированными вдавленными по краю венчика. По формам они соответствуют посуде типов, характерных для Каменского городища и Неаполя Скифского. Первый горизонт дополнительно может датироваться комплексом керамических клеев из раскопок Тарпанчи, хотя, как известно, их датировка тоже требует уточнений и довольно значительных — особенно группа херсонесских клеев.¹⁰ Коллекция херсонесских клеев целиком относится к выделенной Б. Н. Граковым первой группе (конец IV—последняя четверть III в. до н. э.),¹¹ а синопские — ко второй и третьей группам.¹²

Характеристика горизонта, которую можно дополнить находками рустованных квадров [Щеглов, 1965], очевидно, позволяет предполагать, что он принадлежал херсонесскому поселению. Следы пожара могут указывать на то, что оно, по-видимому, как и рассмотренные выше, было разгромлено и на его месте сооружена скифская крепость [Щеглов, 1963, 1965].

Возведение скифской крепости относится, судя по материалу, ко времени не позднее середины II в. до н. э. В оборонительных сооружениях выделяются два строительных периода, укладывающиеся в пределы II—I вв. до н. э.: сооружение стен и башен и укрепление их дополнительным противотаранным поясом. В конце I или на рубеже I—II вв. н. э. крепостные стены были разрушены и более не восстанавливались. Пожар и разрушения наблюдаются и в жилой застройке внутри укрепления. В последнем периоде, относящемся ко II—III вв., бывшая крепость превращается в неукрепленное поселение с каменными жилыми домами (фундамент одного из них вшпунен внутрь разрушенной башни). Раскопки «дома с контрфорсами» показали, что он был настолько поспешно покинут жителями, что все вещи остались на своих местах. Однако следов пожара и преднамеренного разрушения не выявлено. Постройка разрушалась постепенно, на протяжении, вероятно, нескольких десятилетий [Щеглов, 1965]. В верхнем горизонте вскрыты строительные остатки с керамикой VIII—X вв. [Щеглов, 1970а].

Стратиграфические шурфы и зачистки обрезов на остальных трех городищах (Кульчукское, Джан-Баба, Караджинское), расположенных на южном побережье Тарханкутского полуострова и его западной оконечности, показали, что на них сохраняется та же хронологическая последовательность и тот же характер стратиграфических напластований. На Кульчукском городище первый горизонт содержит остатки монументальной постройки из крупных известняковых квадров, обработанных в технике руста, типич-

¹⁰ Поэтому мы не пользуемся хронологической классификацией Р. Б. Ахмерова. Накопился новый материал, заставляющий ее пересмотреть. Разработкой новой хронологии занимается В. И. Кац.

¹¹ Граков Б. Н. Клейменная тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Рукопись (1959 г.) — Архив ИА АН СССР, № 538, л. 52, 238.

¹² О расхождениях в установлении абсолютной хронологии синопских клеев см.: Брагинский, 1963; Шелов, 1975.

ного для херсонесского камнетесного ремесла IV—III вв. до н. э. Часть стены этого укрепления была раскопана Л. А. Моисеевым в 1929 г. В керамическом комплексе количественно преобладают обломки херсонесской посуды и амфорной тары. Второй горизонт, по-видимому, связанный с гибелью греческого укрепления и сооружением новой крепости, округлой в плане и совершенно отличной по своему характеру от предшествующего укрепленного поселения, хорошо датируется, в частности, обломками «мегарских» чаш II в. до н. э. Третий горизонт, содержащий выходящие в обрывы клифа каменные кладки стен, суммарно может быть отнесен к I в. до н. э. — первым векам н. э. Аналогичная картина наблюдается на городищах Караджинском и Джан-Баба. Последнее из обследованных Тарханкутской экспедицией укрепленных поселений находится в 30 км к северо-востоку от Калос Лимена. На этом поселении, получившем название Владимировка, в 1965—1966 гг. проведены зачистки культурного слоя и каменных кладок, выходящих в обрыв глинистого клифа. Они показали, что весь слой состоит из двух горизонтов с керамикой III—II вв. до н. э. Это, а также характер кладки в обрыве и обширная топография поселения привели нас к предположению, что укрепленное поселение Владимировка возникло как скифская крепость около середины III в. до н. э. на пустом месте и, поскольку здесь полностью отсутствует горизонт с материалами позднее II в. до н. э., где-то к концу указанного столетия прекратило существование [Щеглов, 1971]. Однако, как выяснилось совсем недавно, это предположение в первой части оказалось неверным¹³ — подобно другим укрепленным поселениям Северо-Западного Крыма, скифское поселение было организовано на месте предшествовавшего херсонесского укрепления, основанного в IV в. до н. э. Но в то же время отсутствие третьего горизонта, характерного для других укрепленных поселений, выделяет Владимировку из аналогичных памятников исследуемого района.

Итак, мы можем заключить, что общие закономерности стратиграфии укрепленных поселений на Тарханкуте и в Сакско-Евпаторийском прибрежном районе едины, выделяемые горизонты культурного слоя и строительные периоды хорошо увязываются между собой, а также со стратиграфическими горизонтами культурного слоя Керкинитиды и Калос Лимена.

Неукрепленные поселения. Этим условным термином объединены типологически разные поселения, в том числе неукрепленные и укрепленные отдельно стоящие усадьбы, которые не имеют явно выраженных на поверхности признаков единой системы обороны и не могут описываться термином «городище». Как правило, окончательно выяснить, входили ли в планировку таких поселений какие-либо элементы оборонительных сооружений или нет, можно только раскопками. Когда же писалась эта книга, только очень малая часть «неукрепленных поселений» была затронута незначительными раскопками; стратиграфические же шурфы только в самых редких случаях могли ответить на вопрос о существовании оборонительных сооружений того или иного типа. В то же время примерно о половине известных поселений Северо-Западного Крыма, условно включенных в категорию «неукрепленных», уже и сейчас можно с полной или почти полной уверенностью говорить как о действительно неукрепленных, не беря это слово в кавычки.

В настоящее время в Северо-Западном Крыму открыто более 30 поселений, не имеющих на поверхности следов оборонительных систем (рис. 8). Некоторые из них непосредственно примыкают к укрепленным поселениям (городищам), образуя вместе с этими укреплениями единые комплексы (городище Тарпанчи с поселениями Тарпанчи Восточное и Тарпанчи Западное, городище Джан-Баба с поселением Джан-Баба I, отделенным от городища глубокой балкой, а также Южно-Донузлавское городище с одноименным поселением [Дашевская, 1967, 1972]). Другие отстоят от укрепленных

¹³ После того как настоящая работа была завершена, в 1970 г. поселение Владимировка было вторично обследовано А. А. Щепинским и Е. Н. Черепановой, назвавших его Маслянами [Щепинский, Черепанова, 1974].

поселений на расстоянии нескольких сотен метров (Беляус Восточное [Дашевская, 1965], Кара-Тобе I). Большинство же поселений расположено на расстоянии до 1—3 км, а иногда и более от укрепленных поселений (городищ).

Протяженность культурного слоя на поселениях описываемой группы различна — от 50 до 300 м; соответственно площадь колеблется в пределах от 0.15 до 4 га. Стратиграфически поселения можно разделить на две группы: однослойные, культурные напластования которых относятся к одному стратиграфическому горизонту, и многослойные — с культурным слоем из двух-трех горизонтов.

Из обследованных 22 поселений, на которых закладывались стратиграфические шурфы или проводились раскопки, подавляющее большинство — 16, т. е. около 73% — оказались однослойными. 14 из них синхронны первому стратиграфическому горизонту рассмотренных выше укрепленных поселений и содержат материалы и строительные остатки 2-й половины IV—III—II вв. до н. э. (Сасык-Сивашское [Яценко, 1969], Маяк [Павлов, 1974]; Межводное [Высотская, 1968; 1975], Западно-Донузлавское [Дашевская, 1968, Голенцов, 1973], а также Окуневка I, Акчи-сарай, Марьино I, Чоротай, Б. Кагель, Павское I, Павское III и другие [Щеглов, 1968а; 1970] — см. рис. 11). Все они удалены от укрепленных поселений на более или менее значительное расстояние. На большинстве обследованных поселений выявлены достаточно ясные следы пожаров и разрушений, что дает возможность с большой степенью уверенности предполагать их гибель в III и начале II в. до н. э. Однослойных поселений, синхронных второму стратиграфическому горизонту укреплений (т. е. таких, возникновение которых можно было бы датировать II в. до н. э.) и не примыкающих при этом к городищам, не обнаружено. И только 2 поселения (Тарпанчи Западное, Джаугуль I) возникают на рубеже или в начале н. э. Из них поселение Тарпанчи Западное непосредственно прилегает к городищу Тарпанчи. Безусловно к двухслойным поселениям относится Береговое, обнаруженное О. Д. Дашевской [1965]. Все сборы материала на поверхности, а также стратиграфические шурфы, заложенные Тарханкутской экспедицией, показали, что поселение на первом этапе существовало как неукрепленное херсонесское поселение, возникшее в конце IV в. до н. э. или несколько раньше. По-видимому, в конце IV в. до н. э. оно разрушается (отмечены следы сильного пожара), а затем на его месте возникает новое поселение, слой которого синхронен второму (скифскому) стратиграфическому горизонту укрепленных поселений, как по структуре, так и по материалу. Поселение Береговое погибает на рубеже II—I вв. до н. э. Из более чем двух десятков найденных здесь амфорных клейм наиболее поздними являются родосские II—III хронологических групп (по классификации В. Грейс) и синопские VI группы. Судя по сборам О. Д. Дашевской, вполне может быть, что к двухслойным поселениям относятся также поселение Мурачок [Дашевская, 1965]. Кроме того, на поселении Тереклы-Кодрат, давшего материалы от конца IV—III по II—I вв. до н. э., найдены фассоская и афинская «нового стиля» тетрадрахмы 2-й половины II в. до н. э. [Голенко, Щеглов, 1971] (рис. 11). Из 4 поселений (18% от обследованных), культурный слой которых состоит из трех горизонтов, 2 непосредственно прилегают к укреплениям: Тарпанчи Восточное и Южно-Донузлавское поселение, лежащее за пределами одноименного укрепления [Дашевская, 1967], и полностью синхронны им. Остальные 2 поселения с такой же стратиграфией, материалом и характером строительных остатков (Лазурное, Кара-Тобе I) являются самостоятельными поселениями, удаленными от городищ.

Основные хронологические этапы по данным стратиграфии. На основании заложенного материала можно прийти к выводу, что стратиграфия всех поселений Северо-Западного Крыма полностью коррелируется и синхронизируется между собой, а также с немногочисленными и отрывочными сведениями письменных источников, а следовательно, она отражает единую об-

1

2

Рис. 11. Тетрадрахмы из поселения Тереклы-Конрат.

1 — Афины, 140/139 г. до н. э.;
2 — Фасос, 2-я половина II в. до н. э.

щую линию исторического развития этого района и позволяет построить обобщенную модель хронологии поселений, выделив четыре основных периода, или этапа. Разумеется, при современном состоянии изученности памятников модель может быть только приближенной, и в дальнейших исследованиях она, несомненно, будет уточнена и откорректирована.

I этап (кон. VI — начало V — перв. полов. IV в. до н. э.) связан с возникновением и существованием Керкинитиды, с прилегающей к ней незначительной земледельческой зоной, не распространявшейся дальше Мойнакских озер. Факт существования Керкинитиды во 2-ой половине — конце VI в. до н. э. засвидетельствован Гекатеем (фр. 153), но пока не подтвержден археологическим материалом, так как наиболее ранние находки датируются V в. до н. э. Остальное побережье Северо-Западного Крыма в этот период заселено не было (рис. 8, 1).

II этап (2-я пол. — конец IV—III в. до н. э.) связан с мощной экспансией Херсонеса в этот район. Все поселения в прибрежной зоне примерно от Сакского озера на юге и до Бакальской косы на севере (рис. 12), очевидно, возникают как укрепленные и неукрепленные населенные пункты херсонесской хоры не позднее середины — конца IV в. до н. э. Факт вхождения рассматриваемого района в состав хоры Херсонеса вместе с городами Керкинитидой, Калос Лименом и остальными *τὰ τεύχη* фиксируется торжественной клятвой херсонессцев [IOSPE, I², 401], составленной по мнению разных исследователей в пределах конца IV — первых десятилетий III в. до н. э.

III этап (рис. 13) — захват территории Херсонеса скифами и организация на ней скифских укрепленных (в основном) поселений. Как показывают раскопки (Панское I, Панское III, Маяк, «Чайка», усадьба у бухты Ветреной и др.) первые следы крупных разрушений, пожаров и даже окончательной гибели некоторых поселений относятся к первой половине — середине III в. до н. э. Другие (Тарпанчи, «Чайка», Южно-Донузлавское, вероятно, Беляус и др.) окончательно разрушаются на рубеже III—II или в первой половине II в. до н. э. Вероятно, не позднее середины II в. весь край вместе с Керкинитидой и Калос Лименом оказывается в руках у скифов. Все поселения бывшей херсонесской хоры разгромлены и лежат в развалинах. Только некоторые прибрежные укрепленные и неукрепленные поселения превращаются в скифские крепости, возведенные на их руинах; и лишь в единичных

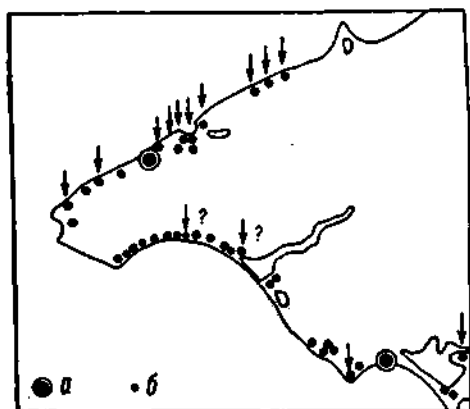

Рис. 12. Поселения II хронологического этапа.

а — херсонесские города; б — укрепленные и неукрепленные поселения херсонесской хоры. Стрелками показаны поселения, погибающие в первой половине III в. до н. э.

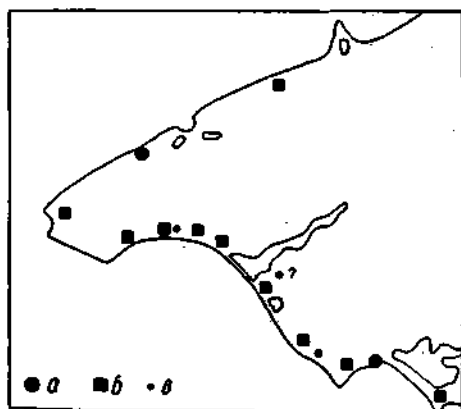

Рис. 13. Поселения III и IV хронологических этапов.

а — Керкинитида и Калос Лимен; б — скифские крепости; в — неукрепленные поселения.

случаях на месте прежних херсонесских поселений возникают, вероятно, неукрепленные скифские поселения (например, Береговое). Большинство же населения, однако, теперь сосредоточено в крепостях. Судя по многочисленным следам пожаров и разрушений в соответствующих слоях городов и крепостей, а также гибели неукрепленных поселений, тревожная обстановка сопровождавшаяся военными действиями, не прекращалась до рубежа II—I вв. до н. э., что хорошо согласуется с эпиграфическими документами [IOSPE, I², 354, 355; Соломоник Э. И., 1964, №№ 1,44] и сообщением Страбона [VII, 3, 17, и VII, 4, 7] о действиях митридатова войска.

IV этап — последний, охватывающий время от I в. до н. э. до II—III вв. н. э., — характеризуется всесторонним значительным расцветом позднескифских поселений, укрепленных и неукрепленных. Слой этого времени насыщен строительными остатками и материалом. При этом в материалах выявляется значительное количество сарматских элементов. Культура поселений Северо-Западного Крыма должна быть включена в круг памятников Крымской и Нижнеднепровской Скифии, что отмечается постоянно всеми исследователями. В конце I или на рубеже I—II вв. н. э. большинство поселений прекращают существование, и лишь некоторые из них, возможно, доживают до II—III в. [Щеглов, 1965; 1971].

Такой в общих чертах представляется сейчас хронология поселений Северо-Западного Крыма в античную эпоху. Спустя несколько столетий после их гибели (по-видимому, не раньше VIII—IX вв.) на месте некоторых прибрежных поселений образуются небольшие средневековые поселения. Но это уже выходит за рамки нашей работы.

НЕКРОПОЛИ

Наименее изученная категория памятников Северо-Западного Крыма — некрополи городов и прибрежных поселений. За исключением погребений на некрополе Керкинитиды, все остальные погребения в курганах приморской зоны описываемого района, которые были известны до начала регулярных исследований, собраны в сводке Т. Н. Троицкой и трактованы ею как скифские [Троицкая, 1951]. При этом, кроме кургана на некрополе Калос Лимена, раскопанного в 1948 г. [Смирнов Г. Д., 1952], топография курганов не была привязана к поселениям; поэтому оставалось неясным, входили ли они в состав некрополей этих поселений

или представляли самостоятельные группы, или же просто являлись отдельными курганами.

Положение начинает меняться только в самые последние годы. В настоящее время, как говорилось, ведутся постоянные широкие раскопки некрополя у д. Заозерная, расположенной на расстоянии 1.5 км к северо-западу от городища «Чайка» [Коновалов, 1969; см. также его последующую ежегодную информацию в АО], могильника укрепленного поселения Беляус, интенсивно исследуемого О. Д. Дашевской, и курганного некрополя неукрепленного поселения Панского I, проводящиеся Тарханкутской экспедицией. Однако материалы этих новейших раскопок, которые далеко не завершены, еще должным образом не введены в научный оборот, и поэтому не могут быть здесь использованы в полной мере.

Раскопки грунтового некрополя Керкинитиды производились Н. Ф. Романченко [ОАК, 1896; ОАК, 1897] и Л. А. Моисеевым, которому удалось установить примерные границы некрополя. Топография могил некрополя показывает, что погребения размещались не по периферии городища, а шли довольно узкой полосой от северной линии крепостной стены Керкинитиды в направлении на северо-запад. По-видимому, распространяться в западном направлении некрополю не позволяла реконструируемая предположительно (см. гл. I, с. 20) лагуна; с востока же находилась Евпаторийская бухта.

Характер ранних погребений некрополя Керкинитиды остается неясным как из-за их малочисленности, так и из-за отсутствия полевой документации. Погребения IV—II вв. до н. э., хотя тоже немногочисленны, все же более представительны. Уже отмечалось [Наливкина, 1963а], что характер этих погребений и инвентарь из них находят ближайшие аналогии в некрополе Херсонеса. Особенно близок некрополю Керкинитиды херсонесский некрополь у Песочной бухты [Щеглов, 1975]. Представлены два обряда — ингумация и кремация. По первому обряду умерших хоронили в грунтовых могилах, облицованных и перекрытых каменными плитами, и в земляных ямах в вытянутом положении на спине с преобладающей северо-восточной ориентировкой. Прах кремированных помещался в урны, преимущественно гидрии, часто херсонесского производства, которые ставились в круглые ямы, облицованные камнем и иногда перекрывавшиеся каменной плитой. В качестве дополнительного штриха отметим, что среди находок некрополя Херсонеса и Керкинитиды есть три сосуда одинаковой формы, происходящие из одной мастерской и не встречавшиеся за пределами Херсонесского государства [Щеглов, 1974].

К характеристике некрополя Керкинитиды определенную информацию содержат надгробные стелы. Две фрагментированные стелы были найдены при раскопках Н. Ф. Романченко в 1896 г. Одна, случайно найденная в 1901 г. на территории некрополя (рис. 14—15), в настоящее время хранится в ГИМ [IOSPE, I², 339]. Эта последняя сохранила остатки росписи и эпитафию в дорийской форме (Ἀμβάτιας τῆς Ἡρόδοτου), датирующуюся, по В. В. Латышеву, IV в. до н. э. Все три стелы имеют типичную для херсонесских надгробий IV—III вв. до н. э. форму высоких узких плит, завершающихся акротерием; изготовлены они из мелкопористого мшанкового известняка, из которого полностью подавляющее большинство надгробий и архитектурных порезок эллинистического Херсонеса [ср., например, СХМ, IV, 1969]. Изучение характера обработки камня, профилировки, шрифта и особенно остатков росписи стелы Амбатии, дочери Геродота, не оставляют никаких сомнений в том, что она была изготовлена в камнерезных мастерских Херсонеса. Имя Геродот, известное по памятникам лакидарной и керамической эпиграфики, обычно именно для Херсонеса [IOSPE, I², 346, 402; Ахмеров, 1949, №№ 46, 86, Толстой, 1953, № 86; Даниленко, 1966; Соломоник, 1969, № № 17, 19; Соломоник, 1973, 151, 153].¹⁴ Сказанное позволяет считать не-

¹⁴ В лакидарных памятниках Ольвии зафиксировано только два случая [IOSPE, I², 76, 301], относящихся к первым векам н. э. На Боспоре это имя неизвестно (КБН, с. в. Ἡρόδοτος).

Рис. 14. Надгробная стела Ам-
батии, дочери Геродота. IV в.
до н. э. Известняк.

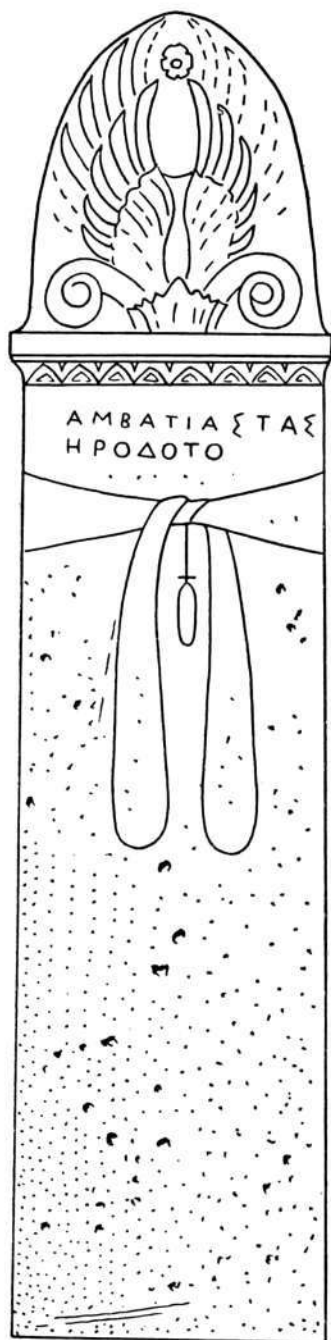

Рис. 15. Реконструкция поли-
хромной росписи стелы Амба-
тии.

правомерным использование этого памятника в качестве одного из основных аргументов для доказательства дорийского (гераклеийского) происхождения Керкинитиды, что встречается в некоторых работах [Minns, 1913; Дашевская, 1970б].

Сходство некрополей Керкинитиды IV—II вв. до н. э. и Херсонеса вряд ли можно объяснять только воздействием культуры Херсонеса на Керкинитиду и тесными связями между этими городами. Очевидно, появление могильных сооружений херсонесского типа в некрополе Керкинитиды обусловлено тем, что в число жителей города вошло значительное количество переселенцев из Херсонеса. Это предположение хорошо согласуется с отмечавшимся выше (с. 36) расцветом строительства, имеющим явно выраженные херсонесские традиции.

Грунтовый некрополь Калос Лимена не раскапывался, хотя случайные находки могил, перекрытых каменными плитами и содержавших греческие вещи, отмечались Л. А. Моисеевым. Курганный могильник, состоящий примерно из 30 видимых на поверхности насыпей и расположенный около 0.5 км к югу от городища, тоже остается практически неисследованным. На нем раскапывались только 2 кургана — в 1929 г. Л. А. Моисеевым и в 1948 г. Г. Д. Смирновым [Троицкая, 1951; Смирнов, 1952]. Курган 1929 г., высотой 1.8 и диаметром ок. 17 м,¹⁵ копался двумя поперечными траншеями и остался недоисследованным (рис. 16). В его юго-западной поле обнаружено боковое погребение с грабительским ходом. Прямоугольная яма была углублена в скалу, по углам ямы в ее дне вырублены ямки для столбов. Потрешенное женское (?) погребение имело северо-западную ориентировку. Обломок алабастра и фрагментированный сетчатый лекиф датируют погребение 2-й половиной IV в. до н. э. Курган 1948 г. опубликован [Смирнов Г. Д., 1952]. Он содержал два погребения — центральное женское, совершенное на поверхности скалы с подсыпкой морским песком с раковинами и подстилкой из камки,¹⁶ и детское во впускной яме. Инвентарь датирует оба погребения 2-й пол. IV в. до н. э. Ориентация костяков северо-восточная и ВСВ. Погребальный обряд в обоих курганах и устройство могил ближе всего стоят к курганному некрополю поселения Панского I (см. ниже).

Все известные курганные и грунтовые некрополи поселений прибрежной зоны расположены с северной или северо-восточной стороны от них (Южно-Донузлавское, Беляус, Кульчукское, Лазурное, Тарпанчи, Джан-Баба, Караджинское, Панское I). Неясным остается принадлежность курганного некрополя у д. Заозерное, но он, по-видимому, мог быть связан с существовавшей на его месте каменоломней, открытой раскопками А. А. Коновалова [Коновалов, 1973], а также — прямо или опосредствованно — с укреплением «Чайка».

Нет никакого сомнения в принадлежности крупного курганного некрополя херсонесскому поселению Панскому I, с которым он связан единой планировочной структурой (рис. 17). Курганы (более 50) расположены гнездами по 2—3 насыпи, сливающиеся полами; гнезда курганов в свою очередь вытягиваются рядами в северо-западном направлении. Некрополь занимал прямоугольный участок около 4 га и был окружен невысокой земляной оградой, местами сохранившейся в виде валика высотой до 0.5 м. Раскопки части курганов и пространства между ними показали, что конструкция погребальных сооружений и погребальный обряд устойчивы в своих основных чертах. Центральные погребения совершались в ямах, впущенных с уровня древней поверхности, или в сырцовых склепах, сооружавшихся на поверхности степи (рис. 18). Часть склепов из сырцовых кирпичей — кенотафы. В остальных центральных погребениях содержалось от 1 до 4 костяков взрослых муж-

¹⁵ По полевому чертежу Л. А. Моисеева. В публикации Г. Д. Смирнова [1952, с. 187] указаны неверные размеры.

¹⁶ По вертикально стоящей у черепа известняковой плите Г. Д. Смирнов ошибочно заключил, что погребение было совершено в каменном ящике [Смирнов, 1952, с. 191; ср.: Троицкая, 1951].

Рис. 16. Курган 1 на некрополе Калос Лимена. Раскопки Л. А. Моисеева в 1929 г.

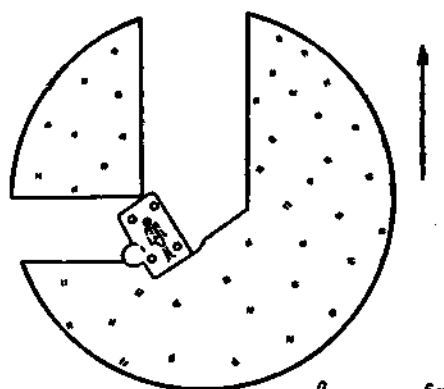
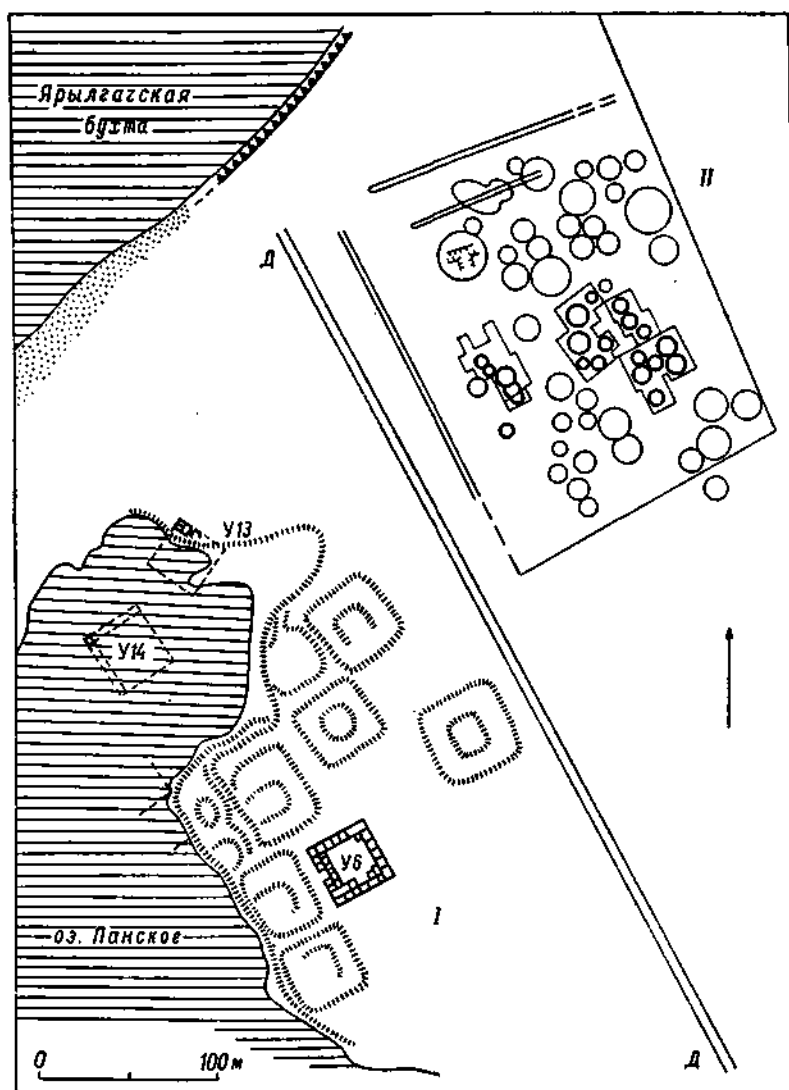
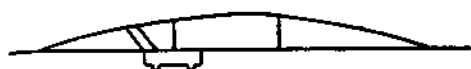

Рис. 17. Поселение и некрополь Панское I. I^{вн} — поселение; II — некрополь; Д — дренажная дорога.

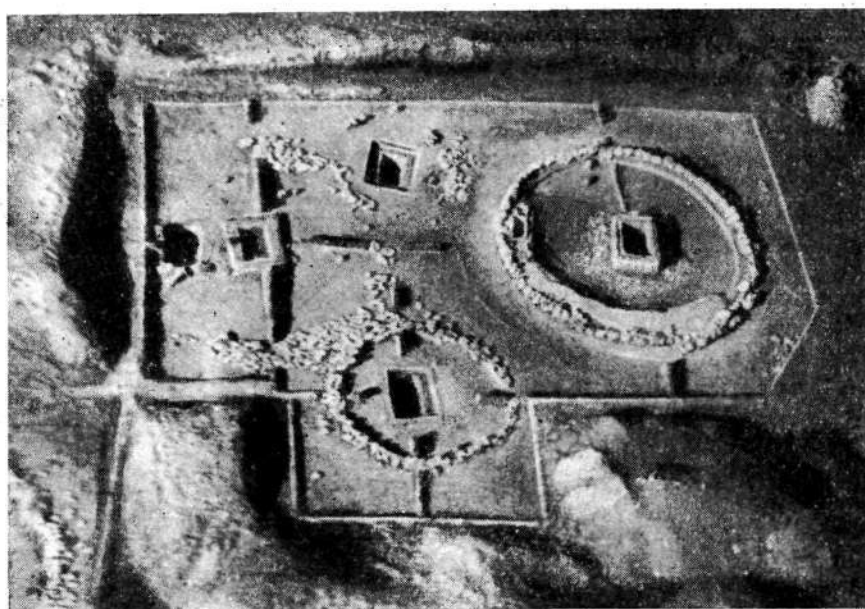

Рис. 18. Некрополь поселения Панское I. Общий вид раскопа Б.

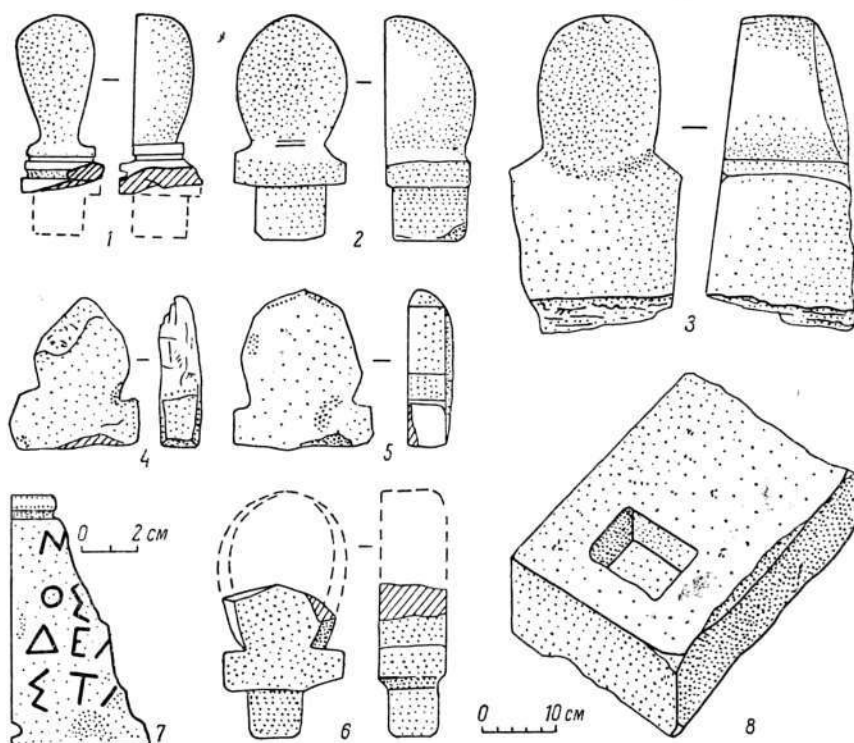

Рис. 19. Надгробия и постаменты надгробий херсонесского типа. Известняк. Надгробия: 1—5 — Панское I; 6 — Кульчукское. Постаменты: 7 — Панское I; 8 — Беляус.

чин и женщин; выявлены признаки последовательных подхоронений. Инвентарь очень устойчив: сосуды для вина (амфоры, двуручные чаши или канфары) и благоволий (лекифы, алабастры) — практически во всех погребениях; оружие в мужских, зеркала в женских погребениях тоже постоянны. В кенотафах — оружие, амфоры и сосуды для питья вина. Над центральными погребениями сооружались земляные насыпи, окруженные в основании крепидой или кольцевой обкладкой, иногда разомкнутой с юго-западной стороны. Нередко с этой же стороны ставился известняковый алтарь с чашевидным углублением и желобком для стока. Довольно часто встречаются типично херсонесские антропоморфные надгробия (рис. 19). Наблюдается довольно строгое разграничение захоронений по возрасту. В редких случаях в центральных погребениях при костях женщины встречаются остатки детских скелетов. Младенцев всегда хоронили в амфорах или в плитовых могилах в основании курганов внутри кольца или под ним. Грунтовые могилы между курганами содержали скелеты подростков. За исключением погребений младенцев, которые располагались по окружности вдоль кольцевой обкладки, преобладает устойчивая северо-восточная ориентация погребенных. Захоронения совершались на спине в вытянутом положении, иногда на боку со слегка подогнутыми ногами (женские костяки), в единичных случаях — скорченные на боку. Инвентарь суммарно позволяет датировать некрополь в целом IV — самым началом III в. до н. э. Изучение горизонтальной и вертикальной стратиграфии дает возможность в качестве рабочей гипотезы предполагать, что «гнезда» курганов принадлежали, по-видимому, отдельным небольшим коллективам, вполне возможно — семьям. В целом же создается впечатление, что население, оставившее некрополь и жившее в типично греческих усадьбах на поселении Панском I, было довольно однородно по своему составу. В деталях погребального обряда прослеживаются как греческие, так и варварские элементы; особо следует отметить большое количество кенотафов. Однако социальная и этническая интерпретация погребенных остается неясной, кроме одного момента — что это население входило в состав хоры Херсонесского государства, и, вероятно, должно было находиться в политической и экономической зависимости от последнего. Было ли оно сильно эллинизированным варварским или смешанным — вопрос пока остается открытым.

По конструкции курганов и многим деталям погребального обряда к описанному могильнику наиболее близкую параллель представляет курганный некрополь у д. Заозерная близ городища «Чайка», насчитывающий более 40 насыпей [Жоновалов, 1969, 1970, 1971, 1972; последующую информацию см. в АО]. Здесь, правда, отсутствуют сырцовые склепы, но зато открыты каменные. Наряду с захоронениями младенцев в амфорах, так же обычными, как и в некрополе Панском, I, намного выше процент, чем в последнем, скорченных погребений. Вообще детали погребального обряда в указанном некрополе гораздо разнообразнее. Создается впечатление, что население, оставившее его, было не так однородно и, по-видимому, более смешанно в этническом плане, но, вероятно, в социальном отношении обе группы принадлежали к одной или близким категориям, очевидно, какого-то зависимого или полувисимого населения.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что очень многие основные детали погребального обряда обоих рассмотренных некрополей находят довольно близкие соответствия в херсонесском некрополе, открытом раскопками Г. Д. Белова в северном прибрежном районе города [Белов, 1938, 1950] и до настоящего времени вызывающем острую дискуссию практически по всем вопросам его интерпретации [Ср.: Белов, 1938, 1948, 1950; Пятышева, 1949; Стрежелецкий, 1948; Блаватский, 1961; Щеглов, 1968; Лапин, 1966; Кадеев, 1973; Откупщиков, 1975].

Синхронные курганные некрополи, очень близкие по своему характеру и чертам погребального обряда, у д. Заозерная, Панское I и некрополь Калос Ливена, по-видимому, составляют одну группу, относящуюся к поселениям херсонесской хоры до захвата области скифами. Сюда же, вероятно,

следует отнести подкурганное погребение у с. Чистополье (бывш. Верхний Кульчук), раскопанное Н. И. Веселовским в 1891 г. [ОАК, 1891; Троицкая, 1951; Черненко, 1968] и отнесенное Т. Н. Троицкой к погребениям таманского типа. Устройство могилы с четырьмя ямками по углам находит прямые аналоги в курганах Калос Лимена и Панского I, как и сырцовое перекрытие (Панское I); поэтому вряд ли в данном случае можно говорить о «таманском типе» только по одному признаку.

Вполне вероятно, что в указанную группу некрополей входил курганный могильник Караджинского городища, как говорилось (с. 5), полностью уничтоженный. Однако остатки раскопанных курганов в 1933 г. удалось дополнительно обследовать П. Н. Шульцу [Шульц, 1941; Троицкая, 1951].¹⁷ Все они имели гробницы размерами 4×5 м, которые были сложены из хорошо опесчаных квадров, уложенных в 2—3 ряда. Т. Н. Троицкая считает, что углубление квадратной кладки при устройстве погребальных камер безусловно говорит о греческом влиянии и на основании устройства гробниц датирует эти курганы V—III в. до н. э. Однако она не учла того обстоятельства, что курганный могильник, несомненно, принадлежит Караджинскому городищу, которое возникло, вероятно, как и все остальные поселения этого района, во 2-й половине IV в. до н. э., а следовательно, и описанные курганы вряд ли могут быть датированы ранее указанного времени.

Скорее всего, к выделенной группе относился также курган в Ойбурской курганной группе к северу от Южно-Донузлавского городища, раскопанный П. Н. Шульцем в 1934 г. [Шульц, 1941]. Погребение в нем оказалось разграбленным, но на дне плитовой могилы, несколько сужавшейся к одному концу (ее П. Н. Шульц называет «каменным ящиком») и имеющей прямые аналоги в некрополе Панского I, обнаружены обломки позднеэллинистической амфоры, определенные П. Н. Шульцем II—I вв. до н. э. Т. Н. Троицкая, приняв дату П. Н. Шульца, по форме «ящика» сочла возможным предположить, что данный тип погребения мог принадлежать сатархам или роксоланам. Последнюю гипотезу можно снять, так как по чертежу Н. П. Шульца видно, что по своему типу амфора скорее всего могла быть гераклейской, и вряд ли ее можно датировать столь поздним временем, а устройство могилы, как говорилось, обычно для некрополя Панского I. Что же касается вопроса о сатархах — он остается открытым [Щеглов, 1966].

Неясным остается вопрос с двумя каменными склепами Беляусского могильника, опубликованными О. Д. Дашевской [Дашевская, 1969в]. Оба они грабленные, причем в одном из них вторично совершено гунское погребение [Дашевская, 1969в]. По материалу склепы датируются I в. н. э., но автор справедливо замечает, что по архитектуре они могут быть отнесены и к более раннему времени. Не исключено, что они были использованы вторично уже в скифское время. Внимательное рассмотрение архитектуры убеждает в этом.

Таким образом, рассмотренная группа погребений Северо-Западного Крыма, по-видимому, должна нас подвести к наиболее вероятной гипотезе о том, что они были оставлены скорее всего в основном негреческим, но достаточно сильно эллинизированным населением херсонесской хоры, жившим в поселениях прибрежной зоны. Население это не было однородным, хотя в нем, очевидно, преобладают скифские элементы. Не исключено предположение, что скорченные погребения можно связывать с перемещенным сюда таврским населением, если дополнительно учитывать находки на поселениях лепной керамики с гребенчатым орнаментом, довольно убедительно связываемой с таврами. Греческие элементы проявляются в погребениях с палестрическим набором (Панское I); в редчайших случаях (1 погребение в некрополе Панского I) — в обычае класть «обол Харона» и, наконец, в распространении типичных только для Херсонеса так называемых антропоморфных надгробий,

¹⁷ См. также: Архив ЛОИА, ф. 2, 1933, № 130.

Рис. 20. Надгробный рельеф из с. Поповки. Известняк.
II в. н. э.

схематически передающих голову и плечи. Такие надгробия и подставки для них обычны для некрополя Панского I; они найдены также на территории некрополя Кульчукского городища и во вторичном использовании — на городище Беляус (рис. 19). Надгробия боспорского типа (антропоморфное) и скифское изваяние III в. до н. э. по датировке П. Н. Шульца [1968], найдены при раскопках «Чайки». По П. Н. Шульцу, это изваяние «генетически восходит к скифским изваяниям приднепровской группы» [там же, с. 330]. Не исключено, что оно должно быть связано уже с некрополями следующего хронологического этапа. Еще одно изваяние 2-й пол. IV или рубежа IV—III вв. до н. э. найдено в глубине Тарханкута,¹⁸ в 10.5 км от Черноморской бухты. Издавая его, П. Н. Шульц вполне справедливо, на наш взгляд, отмечает, что оно было создано под воздействием греческой пластики.

Из изложенного видно, что практически все вопросы этнической и социальной интерпретации рассмотренных памятников дискуссионны и не могут быть решены до более детального и специального изучения материала; сейчас они могут быть только поставлены и поэтому все рассуждения вокруг них представляют не более чем рабочие гипотезы и более или менее остроумные догадки. Исключение составляет только одно положение — это следует подчеркнуть еще раз, — что население, оставившее некрополи у поселений, было населением херсонесской хоры.

¹⁸ Как и первое черноморское изваяние, эта находка тоже ошибочно приписывается некрополю Калос Лимена.

Рис. 21. Надгробный рельеф из городища Джан-Баба. Рубеж II—III вв. Известняк.

Так или иначе, но с III в. до н. э., по данным раскопок некрополя Беляуского городища [Дашевская, 1969, и последующая информация в АО], состав населения в этом пункте побережья полностью сменяется. О. Д. Дашевской открыта серия земляных склепов, представляющих типичные скифские катакомбы с многократными захоронениями. Все склепы использовались на протяжении II—I вв. до н. э. Судя по публиковавшимся О. Д. Дашевской материалам, состав населения однороден; по-видимому, его надо связывать с приднепровской или крымской группой скифов.

Для наиболее позднего периода — первых веков н. э. — особый интерес приобретает единственная по типу группа надгробий, выделенная П. Н. Шульцем в самостоятельную группу надгробного рельефа сарматского круга [Шульц, 1966; Дашевская, 1967б]. Два таких памятника были найдены случайно у Южно-Донузлавского городища и, вероятно, происходят из его некрополя (рис. 20). Третий рельеф с греческой эпитафией датируется рубежом II—III вв. (рис. 21). Найден он на некрополе городища Джан-Баба [Шульц, 1963; Соломоник, 1963]. В рельефе отчетливо проступает стиль, характерный для боспорских надгробий. Еще более интересны надписи на стеле, которые указывают не только имя умершего, но и имя мастера, сделавшего памятник. При этом, как указывает Э. И. Соломоник, здесь сочетаются

греческая формула эпитафии, греческие и местные имена. Все это вместе взятое делает этот единственный в своем роде памятник важным свидетельством значительной степени эллинизации населения данного района в начале н. э., или наоборот, варваризации греческого.

ПОЛЯ И ДОРОГИ

Поиски остатков древнего размежевания Тарханкутская экспедиция проводила как методами наземной разведки, так и с помощью аэрофотосъемки.¹⁹ Все следы размежевания древних полей обнаружены в узкой прибрежной зоне на морском берегу и на расстоянии от него, не превышающем 1—5 км (рис. 8). Следы правильной ортогональной размежевки открыты в окрестностях Калос Лимена [Щеглов, 1967], у мыса Ойрат [Щеглов, Маликов, 1963; Щеглов, 1965], к северу от городища Джан Баба, возле поселения Акчи-сарай, в урочище Джангуль. По материалам аэрофотосъемки, дешифрованным К. В. Шишкиным, удалось выявить систему прямоугольных полей у городища Аирчи, а также к северу от городищ Тарпанчи и Южно-Донузлавского. Кроме того, прямые дороги обнаружены в районе поселений Панское I и Панское II [Щеглов, 1967а; 1968а]. Большинство следов ортогонального размежевания непосредственно связано с поселениями первого этапа в жизни поселений в составе херсонесской хоры. Это может быть подтверждено несколькими фактами. Во-первых, некоторые из них взаимосвязаны топографически (Калос Лимен, Ойрат, Аирчи, дороги у Панского I и Панского II). Во-вторых, на них обнаружены материалы IV—III вв. до н. э. (Ойрат, к северу от поселений Южно-Донузлавского и Тарпанчи, а также Акчи-сарай), а на наделах близ Калос Лимена — остатки сельских усадеб. В-третьих, наделы, примыкающие к городищу Аирчи, перекрыты следами двойной линии каких-то оград, аналогичных оград на других поселениях описываемого района и нижнеднепровских скифских городищ [Шишкин, 1966], т. е., по-видимому, связанных со скифскими городищами.

В нескольких пунктах (Джан-Баба, Тарпанчи, Южно-Донузлавское) К. В. Шишкиным выявлены следы дорог, отличающихся от дорог в системе ортогональных наделов. Они проявляются в виде светлых линий и отходят от городищ, направляясь в глубь территории. Можно предполагать, что эти дороги относятся к тому времени, когда ортогональная размежевка полей, синхронная раннему стратиграфическому горизонту поселений и типологически тождественная системе размежевания в окрестностях Херсонеса на Гераклеяском полуострове, Метапонта в Лукании, наделах Калос Лимена, уже была заброшена.

ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ

До более полного исследования поселений Северо-Западного Крыма можно предварительно выделить следующие типы населенных пунктов, соответствующие двум основным периодам хронологии района — периоду вхождения района в состав Херсонесского полиса и времени, когда эта территория отошла к скифам [Щеглов, 1970].

Поселения херсонесской хоры. Выделяется шесть основных типов населенных пунктов, включая греческие города (рис. 22).

1. Города с прилегающими к ним сельскохозяйственными территориями. Херсонесская присяга называет два города, входивших в состав хоры Херсонеса в числе прочих ΤΕΙΧΗ — Керкинитиду и Калос Лимен; только их в Северо-Западном Крыму упоминают и нарративные источники. В окре-

¹⁹ Дешифрирование аэрофотоснимков выполнялось К. В. Шишкиным.

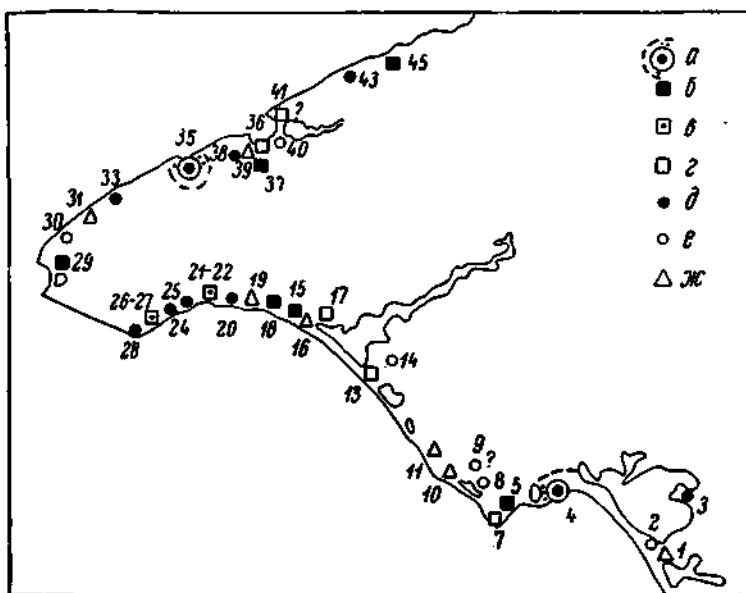

Рис. 22. Типы поселений херсонесской горы.

а — города и их сельскохозяйственные территории с наделами и усадьбами; б — крупные укрепления; в — комплексы, состоящие из небольшого укрепления (укрепленной усадьбы) и неукрепленного поселения; з — поселения, состоящие из группы укрепленных и неукрепленных усадеб; д — изолированные укрепления в характере и материале жилищ; е — неукрепленные поселения с преобладанием варварских элементов в характере и материале жилищ; ж — поселения, характер которых неясен. Названия поселений, обозначенных арабскими цифрами, см. на рис. 8.

стностях Керкинитиды и Калос Лимена на городских землях, размежеванных на наделы (см. гл. IV), стояли неукрепленные и укрепленные сельские усадьбы.

2. Укрепления. Одно из них, своего рода небольшая крепость — здание, раскапывается на городище «Чайка». Характер этого, по-видимому, шестибашенного укрепления по планировке сочетает черты крупной укрепленной усадьбы и небольшой крепости и еще далеко не ясен. Возможно, что это было военно-хозяйственное поселение, возникшее в процессе колонизации края, но вряд ли есть основания считать его торговой факторией херсонесцев, как это полагал А. Н. Карасев, — оно носит слишком ярко выраженные черты сочетания сельскохозяйственных и военных функций. Но нельзя еще совсем исключать и той возможности, что этот памятник мог оказаться огромной укрепленной раннеэллинистической усадьбой того рода, которые М. И. Ростовцев называл *manor-house or castle* [САН, VII, 1928, p. 181] и которые в разных областях, у разных авторов и в разных документах назывались по-разному (см. с. 77). С другим вариантом укрепленного поселения херсонесцев мы сталкиваемся на городище Беляус, планировка которого, хотя и близка укрепленным усадьбам на Гераклеяском полуострове, еще далеко не выяснена.²⁰ Крупными укрепленными пунктами были также укрепленные поселения Кульчукское, Караджинское и Владимировка.²¹

3. Поселения, состоящие из небольшого укрепления или укрепленной усадьбы крупных размеров и расположенного непосредственно у него неукрепленного селения, — своего рода комплекс из укрепления и открытого поселка (Тарпанчи, Джан-Баба). Не исключено, что в поселках, прилегающих к укреплениям, могло жить варварское

²⁰ В 1976 г. здесь открыта вторая башня, аналогичная первой [Дашевская и др., 1977]. Возможно, это было поселение либо состоящее из двух укрепленных однобашенных усадеб, либо двубашенное сооружение (διδυμία).

²¹ Раскопки В. А. Латышевой в самые последние годы открыли остатки четырехбашенного укрепления (τετραπόρτια?), или укрепленного поселения типа Беляуса.

зависимое или полузависимое население; материал с увеличенным процентным содержанием лепной керамики и наличие землянок не противоречат такой гипотезе.

4. Неукрепленные поселения, состоявшие из группы типично греческих укрепленных и неукрепленных усадеб. Наиболее примечательным образцом такого населенного пункта является поселение Панское I. Как уже отмечалось [Шеглов, 1970], это новый вид раннеэллинистического поселения, неизвестный для Средиземноморско-Причерноморского ареала. По-видимому, к этому же типу относятся поселения Маяк, Южно-Донузлавское, где О. Д. Дашевской открыты остатки однобашенной крупной усадьбы с характерной для зданий такого рода планировкой, а также, возможно, поселения в с. Межводном и Западно-Донузлавское.

5. Отдельно стоящие изолированные неукрепленные и укрепленные по крайней мере одной башней сельские усадьбы. Таковыми были населенные пункты у мыса Ойрат, Акчи-сарай (Пристань № 15), Окуневка I, Панское III, Гроты и другие. Показательна в этом отношении усадьба у мыса Ойрат, которая вместе с прилегающим к ней земельным наделом составляет единый хозяйственный организм.

6. Неукрепленные земледельческие поселения, имеющие негреческий облик (Чоротай, Ярылгачское, возможно, Тереклы-Кократ, Мурзачок, Южно-Донузлавское I и др.). В силу их недостаточной изученности, трудно говорить об их характере, планировке и застройке, хотя их варварский характер (сходство со скифскими селищами) в целом отмечался еще П. Н. Шульцем, который относил их к разряду скифских памятников, что вполне вероятно. Но при этом надо учитывать то обстоятельство, что все эти поселения находились на территории хоры Херсонеса.

Перечисленные типы населенных пунктов херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму позволяют при всей их недостаточной изученности по-иному смотреть на внутреннюю структуру Херсонеса, а именно дают возможность говорить о Херсонесе конца IV — начала II в. до н. э. как о типичной раннеэллинистической археологической структуре. Действительно, здесь мы сталкиваемся со всеми теми типами поселений, которые характерны, в частности, для малоазийских эллинистических государств и для соседнего Боспорского царства: города с ближайшей земледельческой округой и системами наделов, пользующиеся временами, по-видимому, некоторой автономией (Керкинитиды, судя по собственным кратковременным выпускам монет), крепости — возможно, военно-хозяйственные поселения, крупные и мелкие «поместья», неукрепленные земледельческие поселения. Такое разнообразие типов поселений должно отражать сложную структуру хоры. А отсюда можно предполагать и свойственный раннеэллинистическим государствам сложный этнический и социальный состав населения хоры, среди которого, возможно, была и крупная земледельческая рабовладельческая знать, и мелкие и средние свободные общинники, и различные категории зависимого и полузависимого варварского и земледельческого населения.

Позднескифские поселения. Количество позднескифских поселений, возникших во II в. до н. э. и зафиксированных к настоящему времени, примерно в 2.5 раза меньше, чем поселений предшествующего этапа. Все они образовались на руинах херсонесских поселений — как укрепленные, так и неукрепленные; при этом соотношение между ними резко увеличилось в пользу первых, а это все ныне известные городища Северо-Западного Крыма (рис. 8). Типологически позднескифские укрепления ближе всего стоят к нижнеднепровским городищам [ср., например, Гошкевич, 1913] и представляют собой собственно небольшие крепости с регулярной планировкой и каменной застройкой. Центрами укреплений обычно являлись разрушенные греческие здания (см. гл. III). В одних случаях («Чайка», Аирчи, Беляус, вероятно, Джан-Баба и Караджинское), по-видимому, все население вмещалось целиком внутри крепости. В других случаях вокруг центрального укрепления формировались открытые поселения (Южно-Донузлавское, Тарпанчи).

Кроме того, на большинстве памятников К. В. Шишкиным выявлены дополнительные системы ограждений, опоясывающих прилегающую к поселению территорию. Как указывалось (с. 53), именно такая топография свойственна нижнеднепровским городищам. Неукрепленные поселения либо примыкали к крепостям, либо являлись самостоятельными поселками. Планировка последних неизвестна, за исключением городища Тарпанчи, где она повторяла планировку предшествующей крепости.

Общая топография позднескифских укрепленных и неукрепленных поселений, прямая связь их с местоположением предшествующих населенных пунктов херсонесской хоры и экологией района позволяет даже на этом основании с достаточно большой долей уверенности видеть в жителях этих поселений прежде всего земледельцев, но, судя по преобладающему большинству крепостей, возможно, организованных в какие-то военные коллективы. Двойная функция крепостей и вместе с тем их единая организация в целом очевидны. Таким образом, функционально скифские поселения практически полностью повторяли херсонесские поселения, но на других организационных принципах. Новое, земледельческое в основе, население района по численности, возможно, было меньшим, чем в предшествующий период. В то же время плотность населения крепостей, если исходить из густоты застройки их внутреннего пространства, кажется, была выше. Сравнительная относительность поселений, вероятно, предполагает, в отличие от предыдущего этапа, более однородный этнический и социальный состав населения района. Последнее подкрепляется и общим характером Беляусского могильника.

ГОРОДА, УКРЕПЛЕННЫЕ
И НЕУКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ
ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ И УКРЕПЛЕНИЙ

Керкинитида. Ранняя крепостная стена Керкинитиды не обнаружена. Стена, открытая Л. А. Моисеевым, имела толщину 1.5—1.8 м. Ее облицовочные внешний и внутренний панцири были сложены из тесаных, прямоугольных по фасаду, известняковых камней, а пространство между ними заполнено известняковым же бутом на глиняном растворе. Кладка наружной облицовки всюду велась логом. На некоторых куртинах плиты внутренней облицовки поставлены на ребро, а в технике кладки логом возводились только слегка выступающий цоколь и два нижних ряда. Квадратные башни, имевшие размеры 5.4×5.4 м и 6×6 м, а толщину стен 0.7—0.8 м, построены в той же технике (кладка логом, двухслойная в поперечном сечении), без перевязки с примыкающими к ним куртинами. Они были выдвинуты не только в напольную сторону по фронту стены (на 2.5—3 м), но и слегка выступали внутрь города (на 1—1.5 м). Размеры башен позволяют предполагать, что они имели 3—4 этажа и достигали высоты 10—12 м. Для реконструкции их внешнего облика (рис. 23) наиболее близкой аналогией является башня близ Мегар [Tillyard, 1905—6]. Благодаря точно выполненным Н. Н. Клуге планам¹ можно реконструировать линию оборонительной стены города (рис. 24), площадь которого составляла ~ 8 га. Окружавшая Керкинитида стена при длине ~ 1.2 км имела не менее 12 башен. По типу кладки стены и башни могут быть датированы IV в. до н. э. М. А. Наливкина, датируя возведение стен Керкинитиды в одном случае IV—III вв. до н. э. [Наливкина, 1952], а в другом — концом IV в. [Наливкина, 1963а], отмечает, что стену на раскрытом ею участке подстилал слой с керамикой начала IV в. до н. э., в который, собственно, и был впущен фундамент. Следовательно, можно предполагать, что строительство осуществлялось не раньше второй четверти — середины IV в. Сооружение крепостной стены Керкинитиды проводилось, вероятно, в близкое время с новым размахом внутригородского строительства и перепланировкой города, т. е. непосредственно предшествовало или даже совпадало со временем подчинения города Херсонесу и включения его в состав Херсонесского государства. В III в. до н. э., судя по характеру кладки, некоторые участки стен западной и северной линий обороны были усилены дополнительным поясом.² Толщина стен в таких местах увеличилась на 0.9—1.8 м и кое-где достигла трех метров. Крепостные стены Керкинитиды простояли до эпохи скифо-херсонесских войн. Вероятно, во II в. до н. э. они были разобраны почти до основания и более не восстанавливались.

¹ Архив ЛОИА, Р-1, № 730, черт. № 5617.

² Л. А. Моисеев [1918, с. 258] полагал, что стены были утолщены скифами перед походами Дивофанта за счет разборки других участков и сокращения линии обороны. Для такого предположения нет оснований. М. А. Наливкина [1963а] датирует утолщение III в. до н. э., что подтверждается керамическими материалами из слоя.

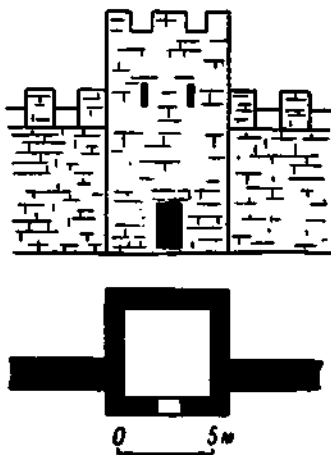

Рис. 23. Примерная реконструкция крепостной башни Керкинитиды. Вариант.

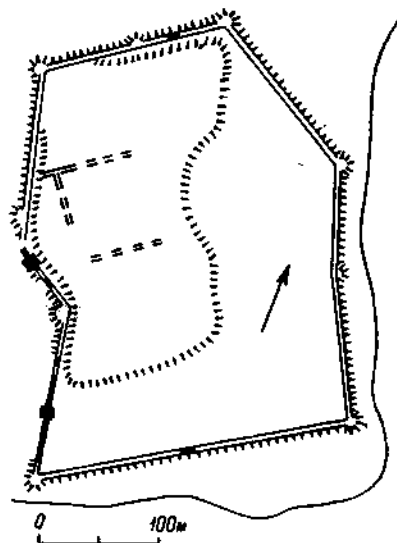

Рис. 24. Схематический план городища Керкинитиды. По Л. А. Моисееву.

Калос Лимен (рис. 25). По характеру кладки оборонительные сооружения Калос Лимена значительно отличались от стен Керкинитиды. Они были сложены из крупных известняковых рустованных квадратов. Тип кладки и характер обработки камня аналогичен крепостным стенам Херсонеса (15, 16, 17 куртины), возведенным, скорее всего, во второй половине — конце IV в. до н. э. С Херсонесом же сближает и обнаружение на лицевой стороне одного из блоков глубоко врезанной метки Δ . Все это, а также данные стратиграфии внутригородских напластований позволяют думать, что стены Калос Лимена были построены на несколько десятилетий позже оборонительных сооружений Керкинитиды, а именно во второй половине — конце IV в. до н. э., по-видимому, одновременно с основанием города. Поразительное сходство обработки камней и техники кладки с херсонесскими стенами заставляет предполагать участие в строительстве херсонесских мастеров. Не исключено также, что в числе переселенцев, которые основали Калос Лимен, были свои квалифицированные каменщики — выходцы из Херсонеса.

Толщина стен Калос Лимена составляла 1,7—1,8 м. Башни были квадратными, примерно той же величины, что и в Керкинитиде. Одна из них раскапывалась Л. А. Моисеевым в юго-западной части городища (рис. 26).³ Так же как и оборонительные сооружения Керкинитиды, стены Калос Лимена были разрушены — частично или полностью — в эпоху скифо-херсонесских войн.

Укрепление «Чайка». По раскрытой площади «Чайка» является одним из наиболее полно исследованных памятников Северо-Западного Крыма. Материалы кратких отчетных публикаций А. Н. Карасева и И. В. Яценко⁴ позволяют представить в общих чертах облик этого херсонесского укрепленного поселения. Укрепление представляло замкнутую прямоугольную постройку, вытянутую с севера на юг. Длина ее (без выступающих башен) ~80 м, ширина 52 м. На углах и в центре восточного фасада укрепления стояли прямоугольные башни (рис. 27). Юго-западная угловая башня в плане почти квадратная (10×9,5 м). Две другие имеют план вытянутого прямоугольника (10×6,5 м) и разделены в подвальной части на два почти одинаковых помещения, сообщающихся дверным проемом. Размеры средней башни восточного фасада — 6×4,5 м. В нижние этажи трех восточных башен можно было

³ Чертежи хранятся в архиве Херсонесского музея.

⁴ См. список литературы.

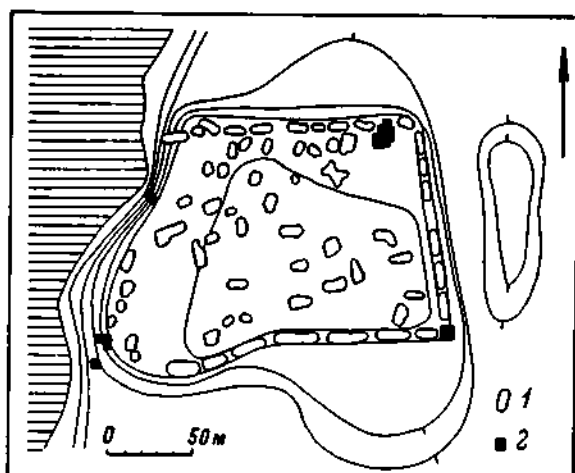

Рис. 25. Схематический план городища Калос Лимен.

1 — ямы (выборка камня); 2 — раскопы.

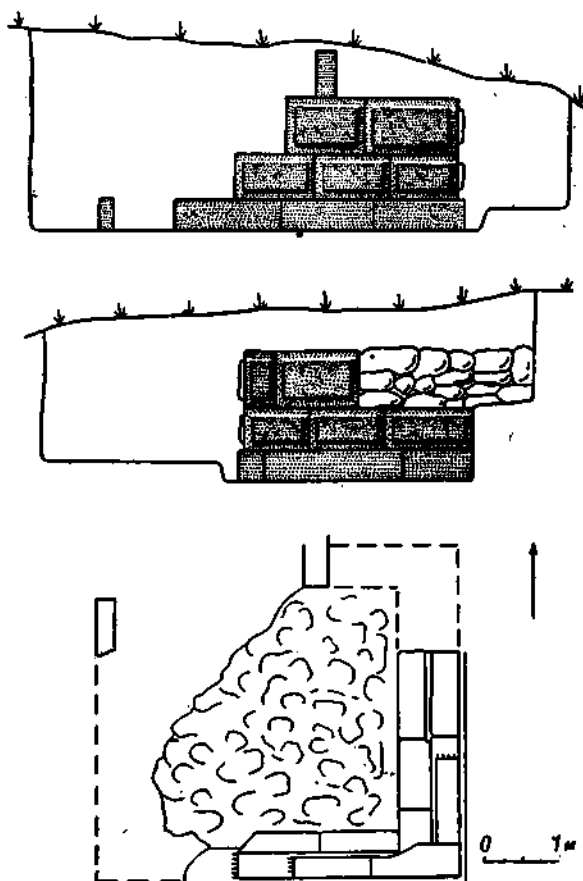

Рис. 26. Юго-восточная угловая башня Калос Лимена. Раскопки Л. А. Моисеева, 1929 г.

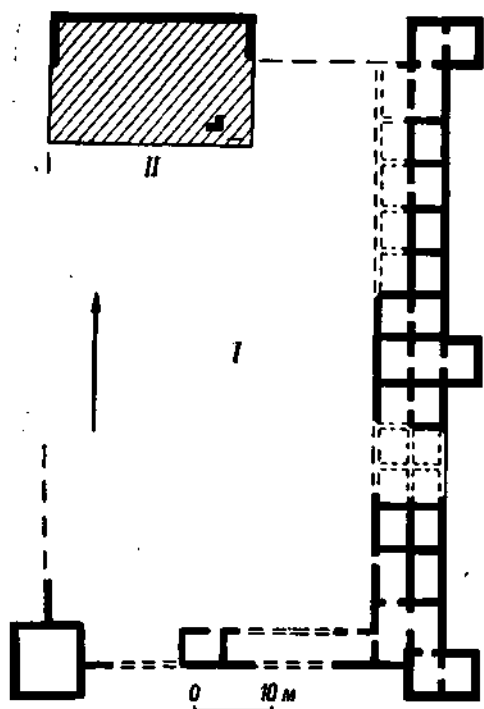

Рис. 27. Укрепление «Чайка». По А. Н. Карасеву и И. В. Яценко.

I — укрепление IV в. до н. э.; II — усадьба III в. до н. э.

попасть только из внутренних помещений, расположенных вдоль стены. По-видимому, в центре укрепления был двор, а все помещения располагались вдоль стен. С восточной стороны они шли в 2 ряда (здесь раскрыто 26 помещений), а с южной — в 1. Судя по толщине стен (0,65 м), постройка могла быть двухэтажной (кроме подвального помещения); в таком случае укрепление становилось весьма вместительным при своей небольшой величине. Толщина наружных стен укрепления довольно мала для крепостного сооружения. Она составляет всего 0,65 м, и только толщина стен башен достигала одного метра. Такая величина обычна для укрепленных усадеб, расположен-

ных близ Херсонеса. Стены и башни сложены из известняковых блоков. Архитектурно-планировочное решение этого памятника — что сразу бросается в глаза — соединяет в себе черты крепости (например, крепость Энея в северной Аттике, на границе с Беотией⁵) и типичной крупной сельской укрепленной усадьбы. При этом характерные особенности последней — большой внутренний двор и расположение помещений по периметру — преобладают. В III в. до н. э. укрепление полностью перестраивается после второго пожара. Практически оно перестает существовать. Его площадь сокращается почти в девять раз. По данным последних раскопок И. В. Яценко [1970, 1971], на месте его северо-западного угла возводится здание типа сельской усадьбы обычных размеров (16 × 27 м), впоследствии укрепленной встроеной внутрь квадратной башней (9,7 × 9,7 м).

Тарханкутские городища. Укреплениями такого же типа, как и «Чайка», по-видимому, могли быть (см. гл. II) Караджинское и Кульчукское городища. На первом из них Тарханкутской экспедицией в 1960—1965 гг. обнаружено несколько известняковых квадров и их обломков с характерной трехсторонней обработкой руста и пирами в форме «ласточкина хвоста». Высота блоков — 0,45—0,50 м. Остатки монументальных стен открыты Л. А. Моисеевым на Кульчукском городище в 1929 г. Сведений о его разведочном раскопе не сохранилось, кроме снимка самого раскопа.⁶ На нем видна кладка из крупных рустованных квадров. Нижние ряды ее положены логом. Сброшенные со стены плиты стояли, очевидно, на ребре. Их обработка аналогична отеске квадров башни Калос Лимена. Часть кладки из крупных квадров, соединенных пирами в форме «ласточкина хвоста», была зачищена нами в 1965 г. На городище изредка попадаются и отдельные блоки, явно принадлежавшие сооружению оборонительного назначения [Щеглов, 1965]. В 1964 г. на городище Джаян-Баба найдены 6 обломков рустованных известняковых квадров крупных размеров (глубина тычка 0,7 м). По рассказам жителей с. Марьяно, раньше встречались и целые квадры; они выпадали (как и обнаруженные нами) из размываемого морем клифа городища. Крупные куски

⁵ Ср.: Chandler, 1926, p. 8, fig. 4.

⁶ Фотоархив ЛОИА, А-9769, негатив № 24996.

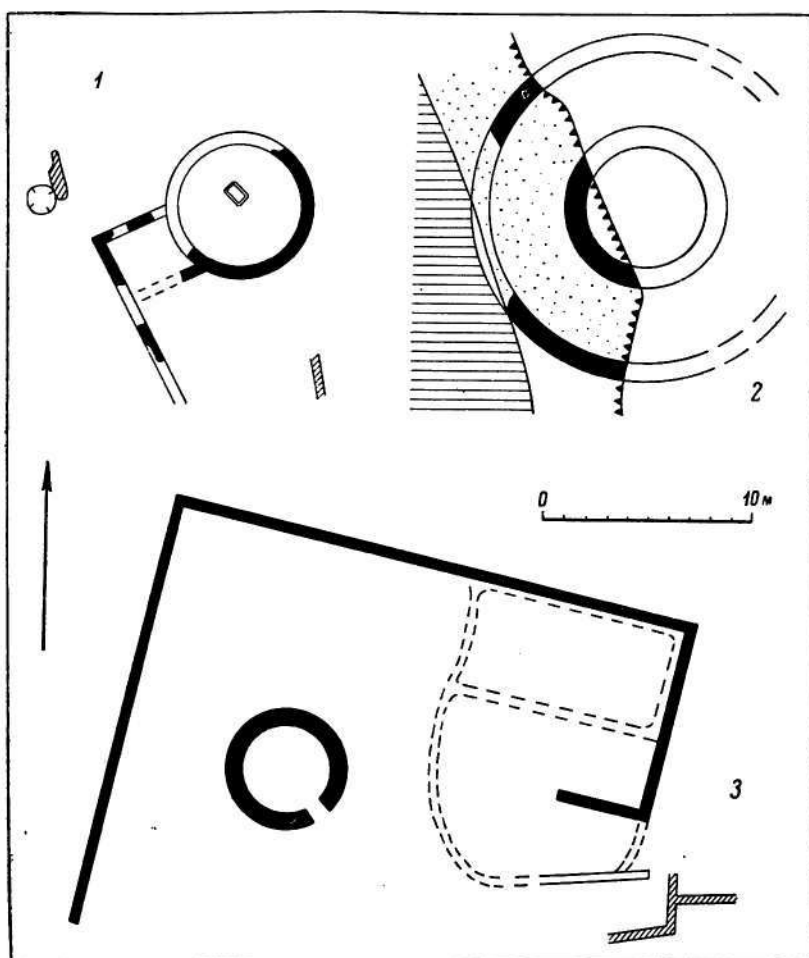

Рис. 28. Круглые жилые башни (усадебь).

1 — на земельной территории Керкинитиды (по П. И. Филоновичу, 1941 и М. А. Наливкиной, 1952); 2 — на земельной территории Калос Лимена (по А. Н. Щеглову, 1965); 3 — на мысе Сунион, Атика (по J. H. Young, 1956).

квадров встречались в кладке скифской крепостной стены на городище Тарпанчи. Более десяти целых блоков и их обломков, выкопанных на городище, использованы в кладке ограды старой татарской кошары. Среди обычных рустованных квадров для ложек и тычков с пирами в форме «ласточкин хвоста» здесь есть облицовочные наружные плиты от круглой башни, которая (судя по кривизне дуги) имела диаметр около 7—8 м [Щеглов, 1965]. Вместе с тем, по словам жителей с. Окуневки, на городище несколько десятилетий назад для строительных нужд выкапывались крупные рустованные квадры, составлявшие якобы «квадратную комнату, как на Беляусе».

Круглые башни, в том числе и жилые дома-башни, как известно, были наряду с квадратными широко распространены в сельской архитектуре эллинистического мира (рис. 28—29). Назовем для примера круглую башню в Мегариде [Tillyard, 1905—6], круглые и прямоугольные башни в Арголиде, Лидии, на островах Скиаф, Андрос, Сифнос, Наксос, Итака, Фасос, а также на мысе Сунион в Аттике [Keil, Premerstein, 1915; Δραγάτσος, 1920; Dörpfeld, 1927; Bon, 1930; Lord, 1938, 1941; Young, 1956] ⁷. Все они расположены

⁷ Хорошая, хотя и неполная, сводка греческих домов с башнями и домов-башен содержится в недавно вышедшей книге М. Новицкой [Nowicka, 1975], что позволило нам в данной работе значительно сократить соответствующие разделы.

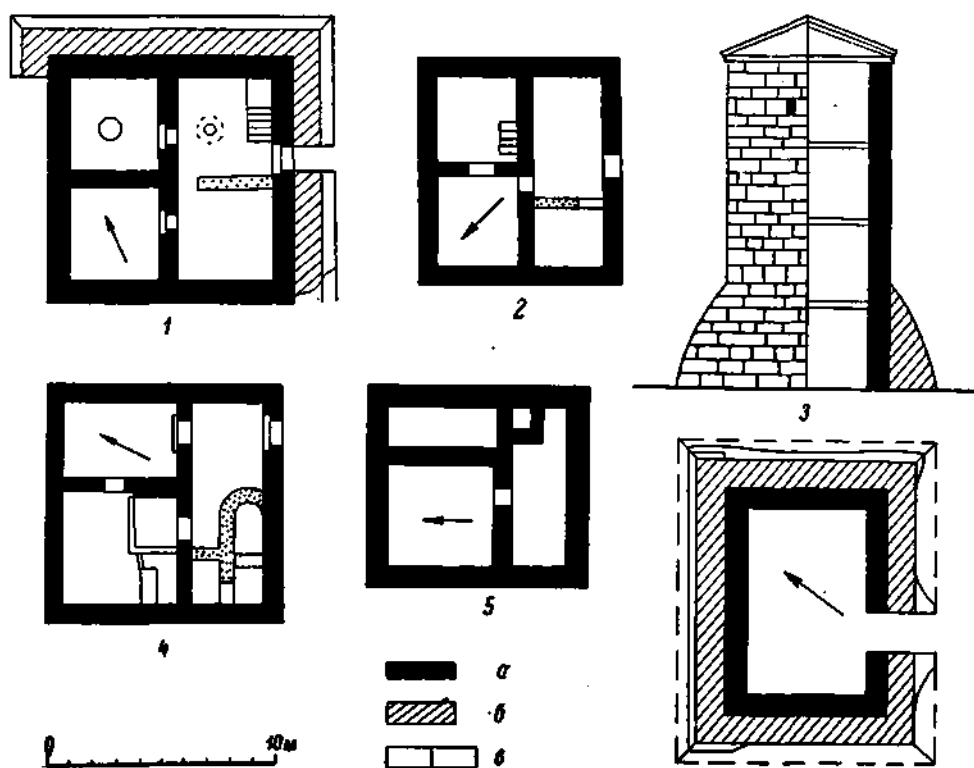

Рис. 29. Прямоугольные башни укрепленных усадеб и дома-башни.

1 — башня усадьбы на городище Белгус (по О. Д. Дашевской); 2 — дом-башня 1 на земельном наделе «старого» Херсонеса на Малом полуострове (по Н. М. Печенкину); 3 — башня усадьбы херсонесского земельного надела 31 на Гераклеяском полуострове (обмер и реконструкция автора); 4 — башня Эллинико на о. Фасос (по А. Вон); 5 — башня близ Палеокатуна на о. Итана (по W. Dörpfeld). а — стены основного строительного периода; б — противотаранные пояса; в — кладки последующих строительных периодов.

в сельской местности, обычно имеют диаметр от 5 до 11 м, а время их строительства относится, как правило, к IV—III в. до н. э. В Северо-Западном Крыму, кроме только что описанных блоков из Тарпанчи, известны основания еще двух круглых жилых башен. Обе они датируются IV—III вв. до н. э. Одна из них, случайно открытая в 1941 г. в 1,8 км к западу от городища Керкинитиды, на территории земледельческой округи города, исследована П. И. Филонычевым и М. А. Наливкиной [Наливкина, 1952, 1953]. Внутри башни, общий диаметр которой равнялся 6,2 м, почти в ее центре находился очаг, наполненный золой. Здесь же — внутри башни — найден краснофигурный гуттус, наполненный медными херсонесскими монетами. Судя по остаткам стен возле башни и впущенной в материк яме с керамикой IV—III вв. до н. э., рядом с башней существовали какие-то постройки, вероятно, хозяйственного назначения, в комплекс которых и входила эта башня (рис. 28, 1). Основание второй круглой башни, расположенной на юго-западном берегу Черноморской бухты, в 250 м к северу от городища Калос Лимен, исследовалось Тарханкутской экспедицией в 1963 г. [Щеглов, 1967]. Башня диаметром 7,2 м имела кольцевую ограду, фундамент которой сложен из массивных необработанных камней (рис. 28, 2). Кольцевая ограда шла вокруг башни на расстоянии 3,8—4 м от нее и при толщине стены в 1—1,05 м образовывала, по-видимому, замкнутую окружность диаметром около 16,5—17 м. Сама башня облицована хорошо обработанными и тщательно подогнанными один к одному монументальными известняковыми блоками. По-видимому, это тоже была жилая башня.⁸

⁸ Первоначально мы предполагали, что башня могла быть маяком [Щеглов, 1967]. Но дальнейшее изучение окрестностей Черноморской бухты показало, что эта башня

Рис. 30. Беляус. Башня укрепленной усадьбы (?).

1 — общий вид; 2 — кладка I строительного периода; 3 — кладка I строительного периода и противотаранный пояс (2-й строит. период).

На ближайшей земледельческой округе Херсонеса также изредка встречаются круглые башни на усадьбах наделов⁹, хотя они и не являются характерными для данного района. Одна из усадеб имела две башни — более массивную прямоугольную и меньшую по размерам круглую [Бороздин, 1925]. Вполне возможно, что и в усадьбе на городище Тарпанчи были две башни — квадратная и круглая. Однако подавляющее большинство башен однобашенных и двубашенных укрепленных сельских усадеб, а также домов-башен,

стояла на одном из земельных наделов Калос Лимена и, очевидно, составляла с ним одно целое.

⁹ См. Бороздин, 1925; Янышев Н. М. Краткое описание древних сооружений, находящихся на Гераклейском полуострове (1932). — Архив ХМ, № 476; Картотека паспортов археологических памятников Гераклейского полуострова (хранится в ХМ).

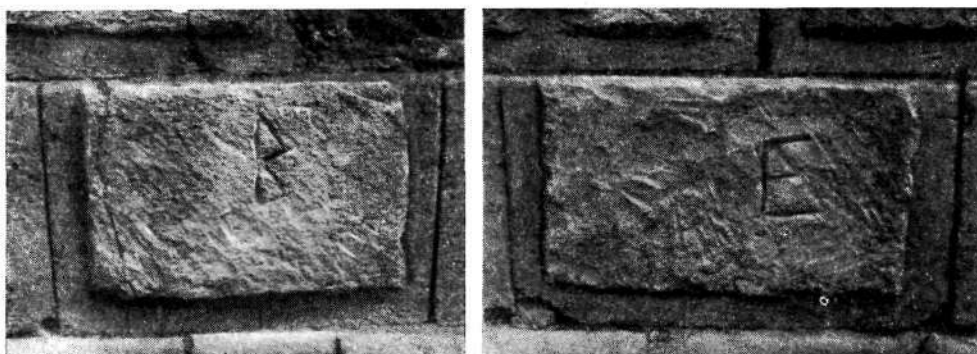

Рис. 31. Беляус. Метки каменотесов на квадратах кладки.

которые возводились на территории Херсонесского государства (рис. 29, 1—3), имели в плане прямоугольные очертания. Самые крупные и мощные башни (10—12 м в поперечнике) сооружались на однобашенных укрепленных усадьбах, которые долгое время были известны только на Гераклеюском полуострове. По-видимому, указанную особенность можно объяснить тем, что для обитателей отдельно стоящей укрепленной усадьбы башня, подобно донжонам западноевропейских феодальных замков, была последним оплотом и убежищем. Примерами таких башен в Северо-Западном Крыму, аналогичных башням усадеб на Гераклеюском полуострове, являются башни Беляуса, Панского II и здания III в. до н. э. на городище «Чайка».

Квадратная башня на городище Беляус [Дашевская, Щеглов, 1965; Дашевская, 1966, б, в; 1969], расположенная в юго-западном углу укрепленной усадьбы (?), имеет два основных строительных периода, причем во втором она была укреплена дополнительным противотаранным поясом (рис. 30). Размеры ее в первом строительном периоде — 10.63×10.75×10.80 м, а во втором — 13.80×13.80 м. Внутри поперечные стены образовывали четыре почти равных по площади помещения (первоначально их было три). В одном из них (северо-восточном) устроен колодец, глубиной 4.5 м. В этой же комнате, у восточной стены, сохранился первый марш лестницы на второй этаж, состоящий из 6 каменных ступеней. В той же стене находился и единственный вход в башню. Ширина дверного проема для двустворчатой двери 1.5 м. По его сторонам видны пазы для бруса выдвигного запора. Фундамент башни впущен в глинистый материк на глубину до 2 м. На него положен невысокий, слегка выступающий ряд камней цоколя. Стены первого строительного периода сохранились на высоту до 4 рядов кладки. Толщина стены 1.10 м, кладка двуслойная, квадратная. Наружная поверхность образована из очень тщательно и аккуратно обработанных в руст квадратов, плотно подогнанных один к другому (рис. 30, 2). Высота блоков колеблется в пределах 0.44—0.50 м. Руст обработан по трем сторонам — боковым и нижней. Средние параметры блоков, материал и техника обработки камня сближают башню с оборонительными стенами Херсонеса, например, с 1, 5, 16, 17 куртинами. С херсонесскими мастерами, вероятно, можно связать и наличие на лицевой поверхности квадратов башни первого строительного периода меток каменотесов в виде высеченных крупных букв и монограмм: В, I, E, Δ, Α, Η (рис. 31). Обычай маркировки квадратов в стеностроительном искусстве городов Северного Причерноморья, как известно, свойствен Херсонесу [Бертье-Делагард, 1907; Гриневич, 1926а]; в Ольвии меток такого рода нет, в городах Боспора они единичны.¹⁰ Во втором строительном периоде башня была обнесена снаружи мощным дополнительным поясом (рис. 30, 3), кладка которого сохранилась на высоту до 5 рядов (1.45 м). Наружная поверхность пояса наклонена в сто-

¹⁰ По одной метке обнаружено в Мирмекии [Гайдукевич, Леви, Прушевская, 1941] и Пантикапее [Блаватский, 1961].

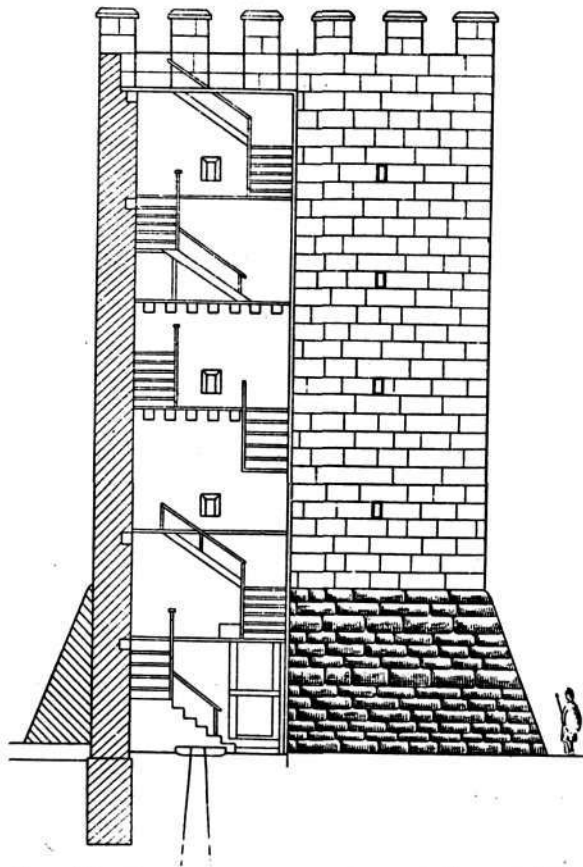

Рис. 32. Возможная реконструкция башни Беляуса.
Вариант.

рону башни первого строительного периода так, что пояс, постепенно утончаясь кверху, образует своеобразное пирамидальное утолщение нижней части башни. Ширина утолщения в основании 1.7 м, на уровне пятого ряда облицовки — 1.2 м. Дополнительный пояс возведен без фундамента. Его основание лежит на слое с керамикой III — не позднее начала II в. до н. э. Облицовка пояса сложена из массивных известняковых блоков, скрепленных пиронами, углубления для которых вырезаны в форме «ласточкиного хвоста». Наружная поверхность блоков обработана довольно грубо, укладка их не отличается той тщательностью, с какой подгонялись квадры стен первого строительного периода, не так строго выдержана горизонтальность рядов. Лицевые поверхности блоков подтесаны так, что образуют с нижней горизонтальной плоскостью камня угол $\sim 70^\circ$. Это необходимо было, чтобы сохранялась постоянная пирамидальность кладки. Пространство между облицовкой утолщения и стенками первого строительного периода заполнено бутом на глине с высоким содержанием глиняного раствора. Аналогичные конструкции описанного противотаранного пояса известны в башнях сельских усадеб херсонесской городской округи на Гераклеийском полуострове, а их реминисценции повторяются в системах скифских крепостных стен в Северо-Западном Крыму (Тарпанчи), на Нижнем Днепре (Казацкое) и, возможно, в системе обороны Неаполя скифского (подробнее см. с. 74). Анализ конструкции сохранившихся руин башни Беляус, некоторые расчеты и использование конструктивных и строительных параллелей позволяют сделать попытку ее графической реконструкции (рис. 32).¹¹

¹¹ Обоснование этой и других архитектурных реконструкций мы для краткости опускаем.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ СКИФСКИХ КРЕПОСТЕЙ

Общая характеристика и обзор памятников.

Как уже говорилось, на месте некоторых укрепленных и неукрепленных поселений херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму, точнее, на их руинах, не позднее начала — середины II в. до н. э. возводятся скифские крепости. Материалы раскопок, а также изучение топографии остальных городищ данного района позволяют выделить следующие элементы скифских оборонительных систем, в той или иной степени присутствующие во всех памятниках Северо-Западного Крыма.

а. Ров, глубиной до 3—4 м, окружавший крепость с напольной стороны. Внутренний, обращенный к крепости скат рва облицовывался камнем. Такая облицовка выявлена на городищах Южно-Донузлавском у с. Поповки [Дашевская, 1967а] и Тарпанчи. В том случае, если ров не был вырыт в лессовидном суглинке (южное побережье Тарханкутского полуострова), а вырубался в скале, как это имело место у бухты Ветреной близ пос. Черноморского, облицовка отсутствовала. На городище Джан-Баба надобности в устойчиве рва не было, так как оно находится на высоком останце оттекания, образованном слиянием двух глубоких балок, окружающих крепость с трех сторон (с четвертой — море). На остальных городищах ров — обязательный элемент системы внешней обороны. Отсутствие рва на городище «Чайка» можно, по-видимому, объяснить исключительно местными микролокальными природно-топографическими условиями.¹²

б. Земляной вал, образованный грунтом, вынутым при копке рва. С наружной, обращенной в сторону противника стороны вал, как и скат рва, облицовывался камнем. Такое устройство вала хорошо прослежено на Южно-Донузлавском городище, где он достигал двухметровой высоты при толщине в основании около 7—8 м [Дашевская, 1967а]. Аналогичное устройство вала зафиксировано на городище Аирчи. Такой же вал, по-видимому, имело и Кульчукское городище. Две крепости скифов — Тарпанчи и «Чайка» — валов не имели, не было вала и на городище Джан-Баба по вполне понятным причинам (см. выше, пункт а). Каменная облицовка вала отсутствует на укреплении у бухты Ветреной, но оно не было завершено строительством. Существовала ли подобная облицовка на остальных городищах, покажут будущие раскопки.

в. Крепостная стена с башенными выступами или без них.

На Южно-Донузлавском городище стена шла, очевидно, по верху вала, но она «впоследствии рухнула, в результате чего огромный завал камня заполнил ров» [Дашевская, 1967а, с. 68]. На городище Тарпанчи стена построена непосредственно позади рва [Щеглов, 1965].

г. Дополнительные ограждения в виде неглубоких рвов и валов, окружавшие прилегающую к крепости территорию. Выявлены они почти вокруг всех скифских укрепленных поселений К. В. Шишкиным. Идентифицировать их на местности удалось только возле городищ Аирчи и Джан-Баба, где они прослеживались в виде едва заметных западин и всхолмлений. На остальных пунктах, подвергшихся обследованию, глубокая современная распахка окончательно их уничтожила.

Первые три элемента и составляли основную оборонительную систему собственно крепости, которая являлась своеобразным акрополем укрепленного поселения и в плане имела прямоугольные, трапециевидные (Караджинское, Джан-баба, Тарпанчи, Аирчи, «Чайка») или эллиптические (Кульчукское, Южно-Донузлавское) очертания. Существенной особенностью строительства скифских крепостей Северо-Западного Крыма является то, что они, как правило, занимали меньшую площадь, чем предшествовавшие поселения (Южно-Донузлавское, Тарпанчи). Возводились крепости, по-

¹² Район развития приморских дюн.

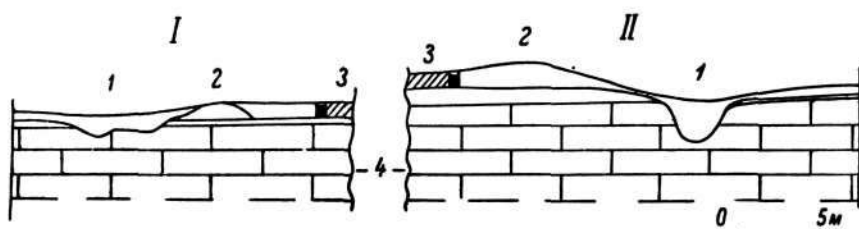

Рис. 33. Усадьба у бухты Ветреной близ Калос Лимена.

I — северо-восточная сторона; *II* — юго-западная сторона. 1 — ров; 2 — вал; 3 — здание усадьбы; 4 — скальное основание.

видимому, поспешно, и при этом — что тоже является их особенностью — центром их образования служила одна из греческих построек, вокруг которой и создавалась система укреплений. Так, на городище «Чайка» центром скифской крепости явилось хорошо укрепленное северо-западное здание III в. до н. э. [Яценко, 1968]. Вокруг него выросли кварталы-блоки с относительно регулярной планировкой, обнесенные внешней замкнутой стеной. В плане крепость имеет вид трапеции с очень тесным и компактным размещением внутренних построек, пристроенных изнутри к внешней стене, которая, очевидно, несла оборонительную функцию (т. е. то же, что наблюдалось и в предшествующем греческом здании). В центре же ее находилась своеобразная укрепленная цитадель или «акрополь» [Яценко, 1969]. Общий облик этого укрепленного городка позволяет говорить, на мой взгляд, что это скорее всего своеобразное военно-хозяйственное поселение, а не скифский пункт для хранения зерна (т. е. что-то типа фактории), как это в рабочем порядке предполагал А. Н. Карасев [1966а]. На Южно-Донузлавском городище центром образования скифской крепости служила крупная эллинистическая усадьба (или усадьбы), к стенам которой присыпан кольцевой вал. Стены эти явились, как отмечает О. Д. Дашевская, своего рода «подпорной стеной для вала» [Дашевская, 1967а, с. 68]. По-видимому, то же самое можно ожидать и на городище Тарпанчи, так как подстилающие скифскую крепость слои греческого населенного пункта везде выходят за ее пределы. В середине Кульчукского городища также находилась греческая постройка, послужившая впоследствии центром скифской крепости. По-видимому, попытка создать небольшое укрепление, подобное остальным крепостям Северо-Западного Крыма, из неукрепленной загородной сельской усадьбы наблюдается в ближайших окрестностях Калос Лимена, у бухты Ветреной [Щеглов, 1967]. Здесь вокруг сельской усадьбы, вдоль ее стен, начато было сооружение рва и вала. С юго-западной стороны, обращенной в сторону Калос Лимена, ров вырублен в известняковом массиве на полную глубину — 2.5 м от уровня древней поверхности почвы (рис. 33, *II*). Ширина рва ~ 6 м. Вынутые из него грунт и порода присыпаны к стенам усадьбы в виде вала, высота которого в современном, значительно размытом состоянии немногим более 1 м. Несомненно, что вал был гораздо выше, значительная его часть оплыла в ров; кроме того, возможно, что по верху вала шла стена, фланкированная небольшими башнями. Скопление камней во рву и составляет, вероятно, развал стены. Если с юго-западной стороны усадьбы ров вырублен на полный профиль и вал выведен на полную высоту, то с двух других сторон сооружение рва и вала было только начато, но не закончено. Это очень хорошо видно в клифе с В стороны усадьбы (рис. 33, *I*). Видно, что ров только начат — удален почвенный слой и произведено углубление в скалу на глубину до 1 м от уровня древней поверхности. Ширина рва ~ 5 м. Вал насыпан на высоту ~ 1 м при ширине в основании ~ 2.7 м. В разрезе четко выделяются два слоя. Нижний состоит из вынутого при кошке рва почвенного горизонта, его перекрывает слой скальной крошки. Усадьба погибла внезапно

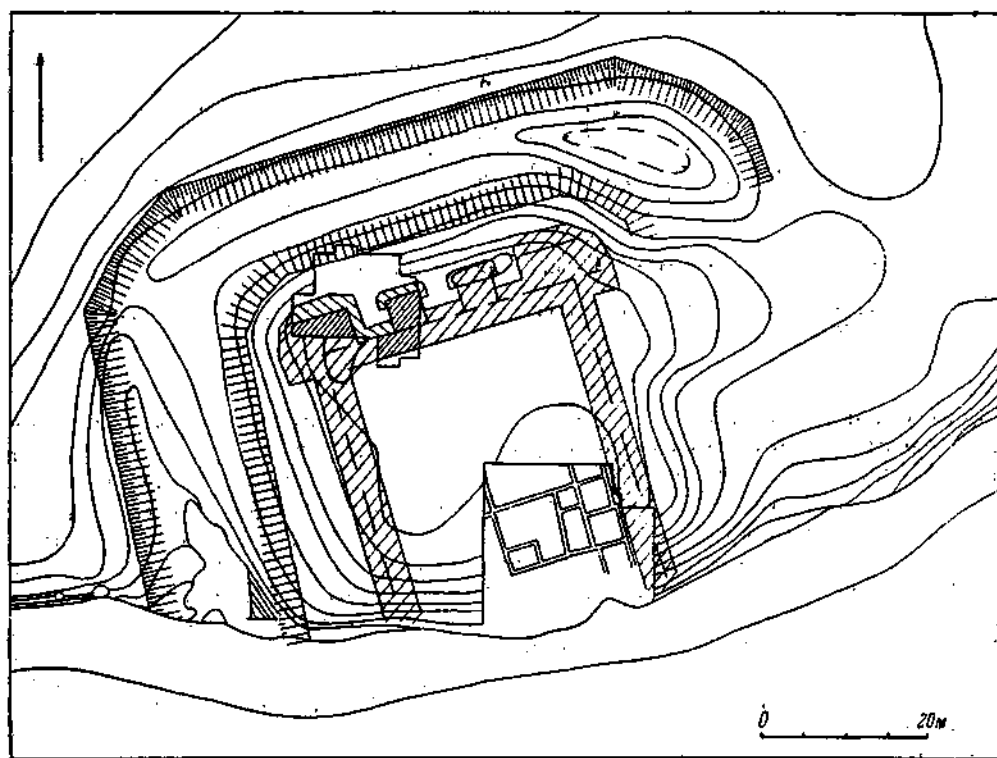

Рис. 34. Тарпанчи. План подиескифской крепости.

во время сильного пожара, происшедшего в результате вооруженного нападения. Об этом, в частности, говорят находки трехгранных бронзовых наконечников стрел, залетевших в проходы между помещениями; причем в некоторых случаях по их положению *in situ* можно было установить направление полета стрелы. Внезапное нападение, закончившееся полным разгромом и разрушением всего сооружения, не позволило его обитателям завершить фортификационные работы и превратить усадьбу в крепость. Кто же были последними обитателями и защитниками усадьбы непосредственно перед ее гибелью — первоначальные ее владельцы, жители Калос Лимена, или же захватившие ее незадолго до последнего трагического события скифы? Два основных обстоятельства заставляют нас склониться в пользу последних. Прежде всего, бросающееся сразу в глаза сходство приемов фортификации с остальными скифскими городищами Северо-Западного Крыма, в первую очередь, и Нижнего Поднепровья — во вторую. Затем, строительство оборонительных сооружений было начато (и закончено) со стороны, обращенной к Калос Лимену, т. е., как это подсказывает логика событий, с наиболее вероятной стороны ожидаемого нападения противника. Усадьба, находящаяся на ближайших подступах к Калос Лимену, будучи превращенной в крепость, могла стать великолепным опорным пунктом для осаждающих город. Таким образом, наиболее вероятным представляется, что, овладев усадьбой у бухты Ветреной, скифы попытались превратить ее в крепость, но не успели завершить фортификационные работы. И гибель ее, следовательно, произошла скорее всего во время ответного контрудара греческого (калос-лименского?) отряда. Если эта усадьба — образец начальной стадии создания скифских крепостей Северо-Западного Крыма, хорошо показывающий основу их образования, каковой, по-видимому, всегда являлась какая-либо греческая постройка, то раскопки городищ «Чайка», Южно-Донузлавского и Тарпанчи открыли вполне законченные конструкции фортифика-

Рис. 35. Крепостная стена позднескифской крепости на городище Тарпанчи.

ционных сооружений. На анализе крепостных сооружений городища Тарпанчи мы остановимся подробнее.

Оборонительная система городища Тарпанчи. С напольной стороны крепость окружал ров, за которым прямо к северу располагались ныне уничтоженные зольники, а к востоку и западу — два крупных поселения. Рельеф показывает, что въезд внутрь крепости находился со стороны Восточного поселения (рис. 34, ср.: рис. 9, 4).

Ров. Исследовался на двух участках — северном и прибрежном юго-западном. Он, вырыт в лессовидном суглинке и в поперечном сечении имел корытообразную или, точнее, ладьевидную форму со слегка заостренным дном. Ширина рва по верху 11—12 м, по дну — ~ 5 м. Глубина от уровня поверхности времени его сооружения составляет ~ 4.5 м. Крутизна скатов ~ 50°. Внутренний со стороны крепости откос облицован камнем, очевидно, для того, чтобы укрепить скат от размыва и предупредить запыление рва.

Стена и башни первого строительного периода. Крепостная стена на северном участке городища отстоит от верхней кромки откоса рва на 10 м, а башни соответственно на 5—6 м. Стена и башни возведены без фундаментов. Материалом для строительства служил местный известняк, частично взятый из разобранных построек предшествующего поселения, частично добытый, очевидно, на месте. Постройка велась в технике бутовой кладки из необработанного или слегка подтесанного камня на глиняном растворе. Стена на раскрытом участке сохранилась на высоту 1.7—1.8 м. Ее толщина в основании составляет 2.8 м, по верху 1.55 м. Наружный и внутренний облицовочные панцыри аккуратно сложены из постелистых камней с частичной подтеской, внутренность между ними забутована мелким камнем на глине. Стена слегка сужалась кверху. Ее наружный панцирь имеет легкий наклон внутрь, внутренний — практически вертикален. Квадратные башни, пятиметровые в поперечнике, выступают перед стеной на 4—4.4 м от ее основания и сохранились на высоту до 2.3 м (башня II). Расположены они на чрезвычайно близком расстоянии одна от другой: всего 4 м (рис. 35). Построены башни особенно тщательно в технике двуслойной бутовой кладки из очень хорошо подобранного и подогнанного камня. Их строго вертикальные стены имеют толщину 0.8—0.9 м. Интересна конструкция основания башни II, выявленная после частичной разборки противотаранного пояса второго строительного периода, закрывавшего нижнюю часть кладки (рис. 36). Основание башни имеет цоколь, сложенный из крупных плит (особенно крупны угловые

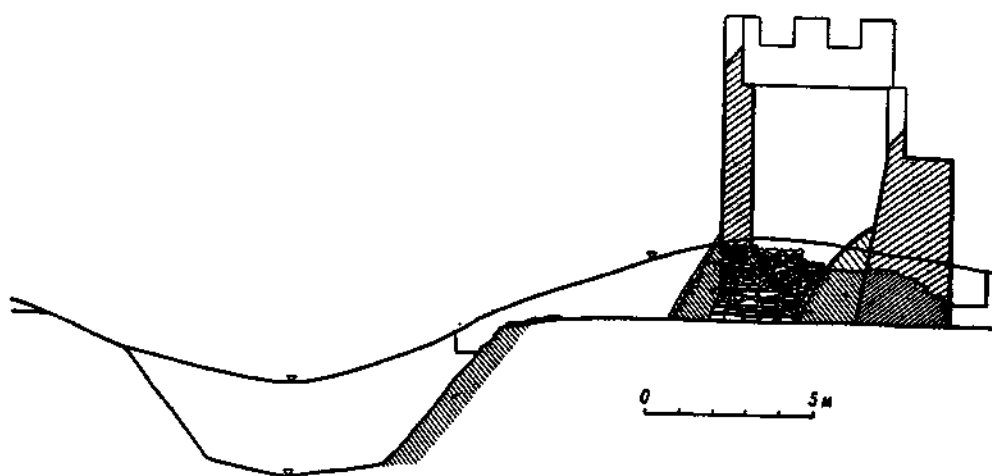

Рис. 36. Оборонительная система городища Тарпанчи. Реконструкция.

камни). Его высота 0,95—1 м. Лицевая поверхность кладки цоколя, обращенная к напольной стороне и рву, пирамидальна. Такая конструкция цоколя встречается в скифском фортификационном искусстве впервые. Вероятно, и фланговая башня I была такой же в основании, но ее нижняя часть полностью закрыта противотаранным поясом второго строительного периода. Необходимо здесь же заметить, что если бы кладка башен сохранилась всего на высоту до 0,8 м, как это чаще всего бывает в археологической практике, то у нас возникло бы ложное представление о том, что форма башни была пирамидальной.

Противотаранный пояс (II строительный период). Вскоре после сооружения стен и башен первого строительного периода вся линия обороны была обнесена дополнительному противотаранным поясом, конструктивно тождественным рассматриваемому выше противотаранному поясу белаяусской башни, но отличающимся от него техникой кладки и использованным материалом. Здесь сразу же бросается в глаза «варварский», подражательный характер кладки. Противотаранный пояс крепостных сооружений на городище Тарпанчи сложен из гораздо более крупных камней, чем стена и башни первого строительного периода. Ряды кладки выдержаны, но каждый последующий ряд отступает от подстилающего в среднем на 10—20 см, так что образуется ступенчатая наклонная поверхность, наклоненная в среднем под 60° к горизонту. Чтобы ликвидировать такую ступенчатость, наружная поверхность утолщения была обмазана толстым слоем глины. Оплывшая глиняная облицовка выявлена у подножья утолщения в процессе раскопок. Как и стены первого строительного периода, противотаранный пояс сложен без фундамента; его основание положено на тот уровень поверхности, который существовал к началу строительства. Противотаранный пояс, пристроенный к промежутку стены между башнями, имеет толщину в основании 1,75 м и сохранился на высоту до 1,6 м. Угол наклона его плоскости составляет в среднем $\sim 54\text{--}55^\circ$, но наружная поверхность кладки слегка выпукла, так что представляла собой, будучи обмазанной глиной, некое подобие вала перед стеной. Противотаранный пояс западной фланговой башни городища (башня I) особенно мощен; он опоясывает ее низ таким образом, что в плане основание прямоугольной башни стало многоугольным. Толщина его в основании различна с разных сторон башни: с боковой восточной — 1,1 м, с северной фронтальной — 1,9—2 м, на углу с фронтальной стороны достигает 2,35 м. Такое различие толщин противотаранного пояса логически объяснимо: ведь в чрезвычайно узком промежутке между башнями нельзя развернуть никакого стенобитного орудия, и поэтому не было никакого смысла

особенно беспокоиться об усилении внутренней боковой поверхности башни. Боковая сторона соседней башни II вообще не укреплялась подобным поясом вне сомнения по той же причине. Вместе с тем фронтальная сторона была самой уязвимой и нуждалась в особенной защите. Башня II, как говорилось, была укреплена противотаранным поясом только с фронтальной стороны. Сохранился он почти на полную высоту — до 2 м. Толщина его в основании от основания цоколя башни I строительного периода равна 1.2 м, от вертикальной плоскости собственно башни соответственно 1.55 м. Угол наклона внешней стороны кладки составляет 60°.

Хронология и датировка. Стена и башни первого строительного периода возведены на поверхности слоя предшествовавшего их сооружению херсонесского поселения. Как говорилось выше (гл. II), слой нижнего стратиграфического горизонта суммарно датируется концом IV—III — началом II в. до н. э. Это позволяет думать, что крепость возведена во II в., по-видимому, вряд ли позже его середины, так как находки характерных для этого времени «мегарских» чаш зафиксированы только в слое, уже связанном с существованием скифской крепости. Перед стеной был устроен большой склад зерна, погибший, вероятно, во время нападения на крепость [Щеглов, 1963, 1967a]. В начале работ на этом участке я предположительно связывал гибель зернохранилища со вторым походом Диофанта [Щеглов, 1963]. Дальнейшие раскопки внесли существенные уточнения и заставили меня отказаться от этого предположения, не отказываясь, впрочем, вообще от вероятности осады крепости войсками Диофанта. Оказалось, что зернохранилище примыкало к башням I строительного периода и, таким образом, предшествовало сооружению дополнительного противотаранного пояса. Основание последнего лежит в слое зерна (башня I); множество обуглившихся зерен пшеницы и ячменя встречается в остатках глиняной облицовки между камнями кладки лицевой стороны дополнительного пояса. Установлено также, что северная сторона зернохранилища перерезана рвом, верхние камни облицовки внутреннего ската которого также перекрывают слой зерна. Следовательно, перед первоначальной крепостью никакого рва не существовало; а находилось ровное открытое пространство, на котором и было устроено зернохранилище с легким навесом. Между I и II строительными периодами стен, а также сооружением рва прошел сравнительно небольшой промежуток времени (глинобитная поверхность склада зерна не подправлялась ни разу). Отсюда следует, что зафиксированное пожаром нападение на крепость не может быть синхронизировано со вторым походом Диофанта, а произошло раньше, вскоре после ее сооружения. Скорее всего, это можно предположительно связать с одной из экспедиций херсонесского отряда (может быть, организованного на этой же территории) в период первоначальной борьбы Херсонеса со скифами за земли Северо-Западного Крыма. Была ли взята крепость в результате осады — неизвестно (вероятнее всего, нет), но остается достоверным факт, что сразу же после нее начаты были новые фортификационные работы, усилившие оборонительную систему дополнительными сооружениями. Строительство противотаранного пояса — в первую очередь — и рва с несомненной очевидностью показывает, что в осаде применялись стенобитные машины. Сооружение противотаранного пояса и рва велось, очевидно, одновременно — зерно еще лежало на поверхности. Именно этим, а также тем, что оборонительные стены уже существовали, и должно объяснить отсутствие здесь земляного вала, обычного для большинства других скифских крепостей, где — как на Южно-Донузлавском городище, например, — копка рва предшествовала возведению стены.

По-видимому, в конце II в. до н. э. крепость подверглась по крайней мере еще одной осаде, во время которой она была взята. Об этом свидетельствует слой пожара внутри ее, прослеженный в южном обрыве клифа городища, и красноречиво говорит бронзовый трехгранный наконечник стрелы, воткнувшийся в щель между камнями противотаранного пояса башни II. Эту осаду, очевидно, и можно было бы связать со временем второго похода Диофанта.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГРЕЧЕСКОГО И СКИФСКОГО КРЕПОСТНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ВОЕННОГО ДЕЛА

Анализ и сопоставление рассмотренных памятников военного строительства между собой и с другими аналогичными сооружениями позволяют сделать несколько заключений более общего характера, касающихся определенных вопросов греческой и «варварской» фортификации, выходящих за пределы исследуемой территории.

Прежде всего это относится к так называемым «пирамидальным» башням, давно и хорошо известным в окрестностях Херсонеса на Гераклеяском полуострове. Сейчас твердо установлено, что они являлись неотъемлемой составной частью укрепленных сельскохозяйственных усадеб [Блаватский, 1953; Стржелецкий, 1961]. И в старых, и в новых работах — везде подчеркивается, как наиболее примечательная особенность гераклеяских башен, что их «стены постепенно сужались кверху, что придавало башням характерную пирамидальную форму» [Блаватский, 1953; ср. его же, 1954; Стржелецкий, 1961]. Укрепленные греческие дома в виде башен-пирамид известны для того же времени: в Арголиде их детально исследовал Л. Е. Лорд [Lord, 1938], но они ничего общего не имеют с первоначальным видом гераклеяских башен. Я имел возможность обследовать сохранившиеся до нашего времени руины башен усадеб на Гераклеяском полуострове. Оказалось, что те башни, остатки которых пирамидальны, имеют два строительных периода. В первом их стены обычной толщины (от 0,65 до 1,1 м) были строго вертикальны. Во втором же основания башен обнесены дополнительным противотаранным пирамидальным поясом, по характеру кладки и углу сужения совершенно тождественным противотаранному поясу белаяусской башни¹³ (рис. 37, 1—2). В связи со сказанным возникает необходимость пересмотреть и вопрос о «варварском» характере дополнительных поясов. В. Д. Блаватский, исходя из крупноблочности кладок, предположил, что «здесь, возможно, сказались в известной мере и строительные навыки тех кадров рабочей силы, которыми располагали херсонесцы, соорудившие свои усадьбы, а таковыми в первую очередь, следует думать, были рабы таврского происхождения» [Блаватский, 1953, с. 163]. Предположение об использовании рабов-тавров в строительстве вряд ли может вызвать какие-либо возражения. Но предположение о воздействии таврской строительной техники в данном случае на греческую не может быть обосновано: мегалитические стены укреплений и убежищ горного и южнобережного Крыма, обычно связываемые с деятельностью тавров [Шульц, 1959; Лесков, 1965; ср. Блаватский, 1954], не являются аналогией, так как и стиль, и техника, и характер кладки у них иные.¹⁴ Мысль В. Д. Блаватского сначала в предположительной, а затем в категорической форме развивал С. Ф. Стржелецкий [1961]. Но в противовес первому исследователю он высказал мнение, «что тип усадеб, сложенных по правилам строительной техники тавров, наряду с усадьбами, построенными в великолепной древнегреческой строительной манере, свидетельствует не о зависимости хозяев от строительных навыков их рабов-тавров, а о привычках, вкусах, традициях самих хозяев» [там же, с. 162, прим. 1]. Но из раскопок самого С. Ф. Стржелецкого очевидно, что особенно сильно укрепленная усадьба надела 26 (в приведенной фразе он ее имеет в виду) построена поспешно на месте более ранней разрушенной. Следовательно, применение крупных блоков с менее тщательной их отделкой и подгонкой более правдоподобно объяснить не столько привычками, вкусами и традициями хозяев, сколько необходимостью срочного возведения укрепленной усадьбы-крепости

¹³ Например, башни усадеб на надлах 7, 26, 31, башня «пирамидальная» усадьбы 33 и др.

¹⁴ Кроме того, принадлежность некоторых стен строительному делу тавров подвергается обоснованному сомнению и связывается со средневековым периодом [см. Фирсов, 1967; ср.: Лесков, 1965].

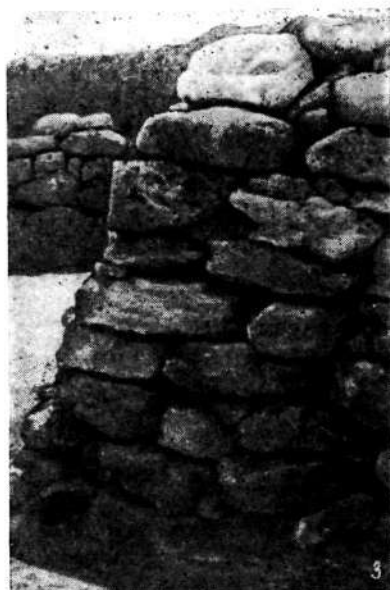
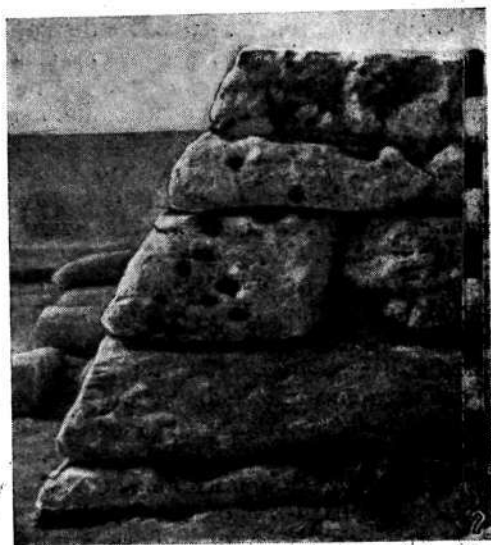
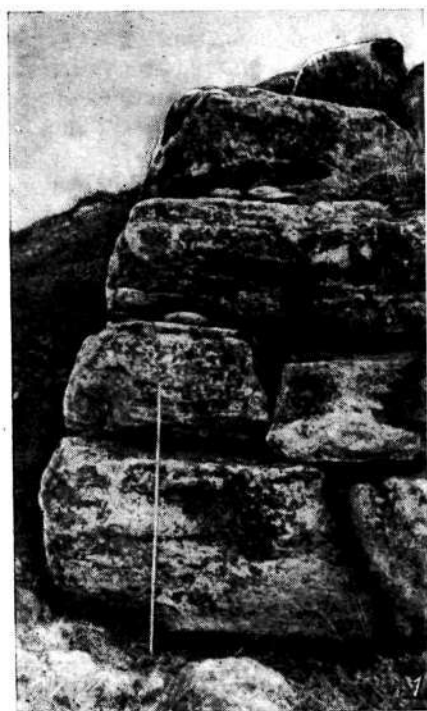

Рис. 37. Противотаранные пояса.

1 — усадьба надела 31 на Гераклейском полуострове; 2 — Беляус; 3 — Тарпанчи.

в тревожное время II в. до н. э. (напомню, что вскоре усадьба была сожжена и разрушена), когда у хозяев и строителей не было, по-видимому, ни времени, ни средств для тщательной обработки и укладки блоков. Это тем более относится к созданию противотаранных поясов вокруг башен. Связей с таврской строительной техникой, таким образом, не прослеживается, а тем более в Северо-Западном Крыму.¹⁵ Отсюда отпадает и предположение С. Ф. Стржелецкого о возможности видеть в хозяевах укрепленной усадьбы херсонесского надела тавров.

Строительство противотаранного пояса вокруг беляусской башни, перестройка усадьбы 26-го надела возле Херсонеса, обнесение других башен усадеб на Гераклеяском полуострове дополнительными пирамидальными утолщениями относятся к одному времени — периоду скифо-херсонесских войн. Факт массового создания противотаранных поясов именно в это время заставляет сделать вывод, что скифы достаточно хорошо знали принцип действия стенобитных орудий, что в их войске они были и что они применяли их при осаде крепостей. Не случайно утолщаются и городские стены Керкинитиды.

Перейдем, однако, к скифским крепостям. На топографическую близость городищ Северо-Западного Крыма так называемым «малым» городищам Нижнего Поднепровья указывалось выше. В настоящее время можно говорить и о тождественности их крепостных систем: и те и другие включают в себя характерные элементы оборонительных сооружений, которые были перечислены в начале предшествующего раздела. Все это заставляет объединить их в одну группу, отличающуюся по ряду особенностей топографии и устройству оборонительных рубежей от позднескифских городищ Центрального и Юго-Западного Крыма, хотя между ними — особенно в конструкции крепостных стен — есть много общего. Внутрикрымские городища, несомненно, выделяются в локальную группу памятников Малой Скифии [Дашевская, 1954; Высотская, 1968а; 1972]. Городища же на Нижнем Днепре и в Северо-Западном Крыму — это укрепленные или неукрепленные поселения с центральной небольшой крепостью, своеобразным «акрополем». Типологически чрезвычайно близки им — несмотря на различие использованного материала — укрепленные поселения с подобными крепостями-цитаделями из сырцовых кирпичей на Таманском полуострове, возникающие в I в. до н. э. [Сокольский, 1963] Позднескифской фортификации нижнеднепровских и крымских городищ посвящено немало специальных работ [Раевский, 1968; там же подробная библиография]. Поэтому достаточно сопоставить систему обороны городища Тарпанчи с крепостными сооружениями двух памятников: городища Казацкого на Нижнем Днепре и крепости Батарейка II на Таманском полуострове. Крепостные стены и башни Казацкого городища, последованные В. И. Гошкевичем [1913], являются ближайшей, но более огрубленной параллелью оборонительным сооружениям городища Тарпанчи. Здесь, так же как и на Тарпанчи, стена имеет два строительных периода: основной и дополнительная пристройка противотаранного пояса. Размеры стен и башен чрезвычайно близки. Впереди стены Казацкого городища шел ров с коническим дном (ширина ~7 м, глубина ~3 м). Противотаранный пояс имел ту же конструкцию, что и на Тарпанчи, но угол наклона его меньше и сложен он не так монументально. Дополнительный пояс крепостной стены Тарпанчи гораздо ближе стоит к противотаранному утолщению оснований башен на Беляусе и херсонесских усадьбах на Гераклеяском полуострове, нежели пояс стены и башен Казацкого городища (рис. 37, 3).

Крепость на поселении Батарейка II в азиатской части Боспора, исследованная Н. И. Сокольским [1967], так же как и Тарпанчи, прямоуголь-

¹⁵ Кроме домов примитивной кладки на горе Кошка [Шульц, 1957], мы не знаем примеров каменного жилого строительства у тавров. На синхронных Херсонесу таврских поселениях Юго-Западного Крыма известны только землянки (Инкерманское и у пос. Поворотное).

ная в плане, с размерами примерно 40×60 м ($40 \times 45 - 50$ м — Тарпанчи), имела шесть башен: на углах и посередине длинных сторон. Рва вокруг нее не было. Стены и башни сложены из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте и имеют 2 строительных периода. В I возведена основная стена, без сужения кверху; во II периоде к ней пристроен дополнительный противотаранный пояс из сырцовых же кирпичей, но того же типа, что и рассмотренные выше.

Сырцовые оборонительные стены III в. до н. э. на высоком каменном основании были на Неаполе скифском [Карасев, 1950]. Крепостные стены из сырцовых кирпичей, шедшие по валу, зафиксированы на внешней линии обороны Знаменского городища [Граков, 1954], а также на городищах Батарейка I [Сокольский, 1963а] и Петуховка [Сивилы, 1952; Есипенко, 1951]. Б. Н. Граков [1954], а затем и Н. И. Сокольский [1963а] совершенно обоснованно считают сырцовую кладку заимствованной из греческой строительной техники.

Сопоставление крепостей, расположенных в обширной зоне степной полосы Причерноморья, позволяет выявить варварские и греческие элементы, лежащие в основе туземной крепостной архитектуры. К первым, возможно, относятся: обычай создания рвов и валов, строительство крепостной стены по верху вала, легкое сужение стен кверху, а также облицовка откосов рва и вала для предупреждения их от размыва и оползания [ср.: Шрамко, 1962]. К элементам, заимствованным из греческого строительства или появившимся вследствие его опосредствованного туземной средой воздействия, можно, вероятно, отнести употребление сырцовой кладки; подражание так называемой «логово-тычковой» кладке [Раевский, 1968]; сооружение дополнительных противотаранных поясов определенной конструкции; размеры башен; попытки возведения вертикальных стен и башен в сырцовой и каменной кладке; и, наконец, сам факт строительства крепостных стен и башен, разумеется, в варварской переработке. Более того, нам представляется, что и сама идея строительства крепостей рассмотренного типа появилась в результате существовавших примеров, которыми были греческие укрепленные сооружения. На это указывает, кроме отмеченных особенностей, весь внешний облик, планировка и размеры их, стремление к регулярности внутренней планировки [ср.: Вязьмитина, 1962], сопоставимые с теми же признаками античных укрепленных усадеб и небольших укреплений наподобие «Чайки». В тактике строительства позднескифских крепостей Северо-Западного Крыма проявилась неизвестная до сего времени особенность, позволявшая скифам быстро и сравнительно легко строить свои опорные укрепленные пункты, превращая в крепости захваченные греческие постройки, если даже последние и не были укреплены, как это мы видели на примере сельской загородной усадьбы возле Калос Лимена. Нет ничего удивительного в том, что именно крупные усадьбы и небольшие укрепления явились прототипом скифских и, вероятно, боспорских крепостей, «акрополей», или цитаделей укрепленных и неукрепленных поселений. Постоянное соприкосновение и взаимопроникновение различных элементов варварской и греческой культуры Причерноморья общезвестно. Поэтому можно предполагать, что формирование негреческой крепостной архитектуры было следствием синтеза и переработки в местной среде греческих и варварских элементов.

К ВОПРОСУ О ХЕРСОНЕССКИХ ΤΕΙΧΗ

Термин *τείχη* встречается в двух херсонесских документах: присяге [IOSPE, I^a, 401] и декрете в честь Диофанта [IOSPE, I^a, 352]. В присяге термин употребляется трижды в тех местах, где идет перечисление пунктов, которые необходимо всемерно охранять. Сюда входят город (имеется в виду Херсонес), Керкивитида, Калос Лимен, дру-

где *τείχη* и остальная *χώρη*. Во втором документе *τείχη* названы один раз — в перечне боевых дел Диофанта, который сначала взял Керкинитиду, затем *τὰ τεύχη*, а потом приступил к осаде Калос Лимена. Большинство современных исследователей переводят это слово как «укрепления», предполагая, что под ним надо понимать какие-то безымянные херсонесские укрепления, находившиеся, скорее всего, в Северо-Западном Крыму, захваченные скифами, а затем отвоеванные обратно во время второго похода Диофанта. Однако остается еще далеко не ясным конкретное приложение термина *τείχη* в херсонесских надписях. Первый важный шаг в этом направлении сделан О. Д. Дашевской [1964а]. Ею проведена разграничительная черта между укреплениями присяги и укреплениями надписи в честь Диофанта. Действительно, *τείχη* декрета — это фактически совсем не те *τείχη* присяги, а крепости скифов, выросшие на месте греческих укреплений. Но понятие херсонесских *τείχη* остается по-прежнему нераскрытым. Ведь в Северо-Западном Крыму существовало два рода укрепленных поселений хоры Херсонеса. К первым относятся сравнительно крупные укрепленные пункты, ко вторым — укрепленные усадьбы, в том числе дома-башни. Кроме *τείχη*, для обозначения понятия «укрепление», «крепость» в херсонесских документах употреблялся также термин *φρούριον*. Он стал известен из опубликованной Э. И. Соломоник надписи II в. до н. э., в которой сообщается о выступлении некоего чествуемого лица против скифской крепости Напит [Соломоник, 1964, № 1]. Страбон, описывая события этого времени, называет скифские крепости Палакий, Хабеи и Неаполь, построенный якобы Скилуром и его сыновьями, *τὰ φρούρια* [VII, 4, 7]. Да и вообще он не пользуется словом *τείχη* для обозначения укрепления,^{15а} а применяет два других: *φρούριον* и *ἐρωμάτιον*, причем главным образом первое. Так, проход из Колхиды в Иберию прегражден *πέτρας καὶ ἐρούμασι καὶ ποταμοῖς* [XI, X, 4]. Колхидская крепость Сарапаны в одном случае — *φρούριον* [XI, 3, 4.], в другом — *ἐρωμάτιον* [XI, 2, 17]. Митридатовы укрепления к востоку от Трапезунта — *τὰ φρούρια* [XII, 3, 28]; они служили казнохранилищами, и при этом одним из наиболее значительных укреплений было местечко (*χωρίον*) Синория, выстроенное на границах Великой Армении. Другие авторы также предпочитают употреблять термин *φρούριον*,^{15б} слово *τείχη* в значении «крепость», «укрепление» встречается редко [ср., например, Ptol. Geogr. III, 5, 4; V, 8, 8]. Если в херсонесском декрете о выступлении против Напита и у Страбона скифские крепости названы *τὰ φρούρια*, то в декрете в честь Диофанта они обозначены как *τὰ βασίλεια Χαβαίος καὶ Νεάν Πόλιν* (стк. 13), *τὰ βασίλεια τῶν Σκόθων* (стк. 20), а укрепления Северо-Западного Крыма, расположенные между Керкинитидой и Калос Лименом, в том же декрете называются *τὰ τεύχη*. Можно предположить, что здесь мы встречаемся, по-видимому, либо с широким употреблением синонимов в государственных документах, либо в терминах надо видеть юридический оттенок, показывающий, что именно эти *τὰ τεύχη* херсонесцы считают своими (в отличие от скифских *φρούρια* и *βασίλεια*) независимо от того, принадлежат ли они в данный момент Херсонесу или нет. В тексте присяги, во всяком случае, такой правовой смысл содержится: клянущийся обязуется не предавать Херсонес, Керкинитиду, Калос Лимен, прочие укрепления и остальную территорию, «которую херсонесцы владеют или владели, или, по Жебелеву [1953, с. 230], — «управляют или управляли» (подчеркнуто нами, — А. Ш.).

Как уже отмечалось, укреплениями особого рода были укрепленные сельские усадьбы, широко распространенные в эллинистическом мире.

^{15а} Кроме VII, 4, 7: *τὸ τῶν Χερροννησιτῶν τεύχος*.

^{15б} У более поздних авторов см., например, *φρούριον Ἀλέκτορος* в Борисфенитской речи Диона Хрисостома [XXXVI, V, II, 49]; Арриан так называет цитадель Фасиса [PFEux, 12] и заброшенное укрепление у местечка Афины, к востоку от Трапезунта [PFEux, 6].

Простейшим их типом являлась жилая башня, дом-башня (πύργος). Традиция строительства жилых башен сохранилась в Греции и других балканских странах вплоть до нового времени.¹⁷ Но чаще всего усадьбы представляли собой мелкие укрепления, состоявшие из башни, к которой примыкал обнесенный оградой двор, внутри последнего могли находиться различного рода хозяйственные помещения [Ср.: Von, 1930; Young, 1956; Pečirka, 1973]. Однако наиболее совершенный тип укрепленной усадьбы — это соединение крепостной башни и дома с развитым планом; т. е. именно то, чем являются херсонесские сельские усадьбы. Кроме однобашенных усадеб, которые в некоторых случаях, как полагал Д. П. Димитров [1958], могли сохранять название πύργος, известны двубашенные διπυργία [ср.: Стржелецкий, 1961, с. 164; Grimal, 1939, p. 48] и четырехбашенные (тетрапυργία) архитектурные комплексы [Rostovtzeff, 1911; 1923; Grimal, 1939. Ср.: Liddell—Scott, s. v.], которые действительно были небольшими крепостями и могли в случае необходимости выдержать серьезную осаду. Последнее хорошо иллюстрирует раздел рассказа Плутарха о Евмене, в котором говорится, что для того, чтобы отобрать имения и захватить находившиеся в них усадьбы — ἐπαύλεις καὶ τετραπυργίας — у прежних владельцев, потребовалось применение стенобитных машин [Plut., Eum., 8].

Сельские укрепленные усадьбы назывались не только техническими терминами, отражавшими конструктивное решение построек, типа πύργος, διπυργία, τετραπυργία, но имели в различных местах и другие названия: греческие αὐλή, ἐπαυλία; хеттское τῶρις; семитское βᾶρις; смешанное πυργόβαρις (Rostovtzeff, 1928, 1941. См. также s. v. Liddell—Scott]. М. И. Ростовцев первоначально переводил эти термины как fortified country house or villa [Rostovtzeff, 1911, 1923], но позднее стал называть их manorhouse or castle [Rostovtzeff, 14, САН, VII, 1928 и во всех последующих работах]. А. Б. Рановичем показана несостоятельность последнего толкования, но вместе с тем неверна и предложенная им самим попытка отождествления указанных терминов с варварскими укрепленными городами, в которых были каменные или кирпичные дома [Ранович, 1950]. Автор полностью игнорировал археологические материалы, которые в данном случае ставят общепринятый перевод (т. е. сельский укрепленный дом, укрепленная усадьба, fortified countryhouse) на твердую почву. Большинство из перечисленных терминов, известных по сообщениям античных авторов и из эпиграфических документов, являются синонимами; при этом такие понятия, как например, «неукрепленная усадьба» (αὐλή) и «укрепленная усадьба» (ἐπαυλία), могут выражаться через любой из этих терминов или третий (βᾶρις). Взаимозаменяются также понятия «укрепленная усадьба» (βᾶρις) и «укрепление», «крепость» (πυργόβαρις). С другой стороны, такие слова, как πυργόβαρις, πύργος, имеют двойной смысл: первое могло обозначать и укрепленную усадьбу и крепость; второе — дом-башню, просто башню (боевую, сигнальную и т. д.), укрепленную усадьбу и опять же укрепление, крепость [ср.: Liddell—Scott, а также Rostovtzeff, 1923; Grimal, 1939; Димитров, 1958]. В русском языке, например, слова «дом», «двор», «усадьба», «хозяйство», «дым», «поместье» могут быть синонимами понятия «усадьба, состоящая из жилого дома, двора и хозяйственных построек». Исходя из изложенного, можно предполагать, что термин τειχὴ мог применяться к любому укрепленному населенному пункту, расположенному на территории херсонесской хоры, в том числе, по-видимому, к укреплениям, представлявшим собой небольшие крепости, и к изолированно стоявшим на наделах укрепленным усадьбам, а также к Керкинитиде, Калос Лимену, «старому» (παλαιά) Херсонесу Страбона, да, вероятно, — если исходить из контекста присяги, и к самому Херсонесу.

¹⁷ Где они носят название πύργο, кула [см.: Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. 1968].

ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА КЕРКИНИТИДЫ И КАЛОС ЛИМЕНА

Планировка города и тип домов ранней Керкинитиды остаются невыясненными из-за крайне слабой исследованности территории городища. То же самое относится и к последующим периодам. Однако по опубликованным М. А. Наливкиной материалам раскопок [Наливкина, 1955, 1957] можно предполагать, что планировка Керкинитиды не позднее начала V в. до н. э. была уже скорее всего регулярной, построенной по так называемой «гипподамовой» системе, а городские дома имели прямоугольный план и возводились из камня и сырцовых кирпичей на невысоких каменных цоколях. В 1952 г. М. А. Наливкина в раскопе II, заложенном в центральной части городища, открыла южное помещение такого дома, ориентированного под некоторым углом к линии С-Ю. Здание построено на песчаном грунте. На полную высоту сохранился невысокий (0,4 м) цоколь,¹⁸ толщиной 0,35 и 0,40–0,45 м, сложенный из мелкого плоского камня и морской гальки в технике двуслойной постелистой кладки на глиняном растворе. Верхняя плоскость цоколя выровнена под сырцовую кладку стен. Раскопанное помещение с глинобитным полом и очагом в углу в плане почти квадратное, с поперечником ~3 м. Датировка дома рубежом VI—V вв. до н. э. [Наливкина, 1955; 1957] по находкам в заполнении и на полу представляется несколько заниженной, так как эта дата не подкрепляется материалами из слоя (обломки пухлогорлых хиосских амфор, на которые опирается автор, не могут быть отнесены ко времени ранее V в.). Вместе с тем не исключено, что строительство дома произошло раньше, чем датируется обнаруженная в нем керамика и что подобные дома могли возводиться если и не с самого начала существования города (что тоже вполне вероятно), то вскоре после его основания.¹⁹ Направление планировочных осей дома V в. совпадает с направлением улиц IV—II вв. до н. э., выявленным раскопками Л. А. Моисеева и М. А. Наливкиной. По хранящимся в архиве ЛОИА чертежам Л. А. Моисеева можно предполагать, что город был разделен сетью продольных и поперечных улиц на прямоугольные кварталы (рис. 24). Продольные улицы шли с СЗ на ЮВ примерно под углом ~40° к направлению на С. Ориентация улиц, проложенных под некоторым углом к сторонам света, как известно, характерна для многих городов, построенных в «гипподамовой» системе [ср., например, Gerkan, 1924; Robinson, Graham, 1938; Castagnoli, 1956; Adamesteanu, 1967], в том числе и для Херсонеса. Таким образом, можно предполагать, что при новом размахе городского строительства в Керкинитиде — практически полной перестройке города во второй половине—конце IV в. до н. э., после подчинения его Херсонесу (см. гл. II), — по-видимому, была сохранена старая ортогональная планировочная структура, возможно, восходящая к начальному периоду существования города. Однако неизвестной остается величина кварталов и характер их застройки. Не раскопано также ни одного городского жилища целиком. Но по раскопанным Л. А. Моисеевым и М. А. Наливкиной строительным остаткам IV—II вв., представлявшим части нескольких домов, можно заключить, что, по-видимому, так же как и в Херсонесе этого времени, существовала сплошная застройка кварталов. Стены домов с подвалами и мощеными дворами возводились в технике квадратной кладки из местного известняка. Широко использовалась обработка квадров рустом. Уже го-

¹⁸ М. А. Наливкина цоколь ошибочно называет стеной.

¹⁹ На Березани, в Ольвии, а также в Пантикалее и некоторых других боспорских городах известны дома VI в. до н. э. с сырцовой кладкой на каменных цоколях [Гайдукевич, 1940; Блаватский, 1957; Gajdukevič, 1971; Копейкина, 1975]. На Березани ортогональная планировка появляется в середине—третьей четверти VI в. [Копейкина, 1975]. Возводятся небольшие прямоугольные дома с сырцовыми стенами на низких каменных цоколях (которые Л. В. Копейкина ошибочно называет фундаментами).

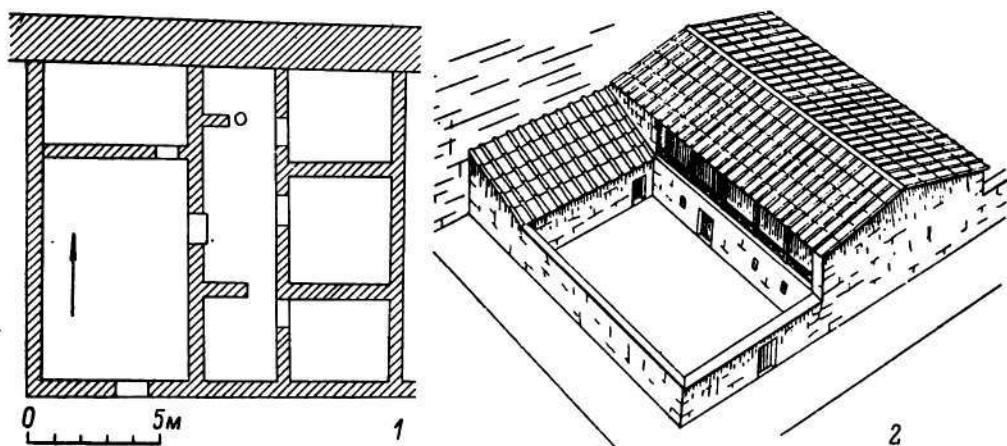

Рис. 38. Калос Лимен. Городской дом IV—III вв. до н. э.

1 — план (по М. А. Наливкиной, с реконструкцией автора), 2 — вариант реконструкции.

ворилось о прямом воздействии херсонесской строительной техники и архитектуры на городское строительство Керкинитиды со времени ее подчинения Херсонесу [Наливкина, 1959, 1963, 1963а]. Не исключено, что в Керкинитиде могли работать херсонесские мастера. На возможное существование в городе переселенцев из Херсонеса указывают и материалы некрополя Керкинитиды (см. гл. II).

Открытые на Черноморском городище строительные остатки [Наливкина, 1957; Bernhard, 1959] и наблюдения над его топографией позволяют предполагать, что Калос Лимен был построен по единому плану и имел аналогичную херсонесской ортогональную систему планировки [Щеглов, 1967а]. Тип калослименского дома второй половины—конца IV—II в. до н. э., чрезвычайно близкий херсонесским городским усадьбам, исследовавшимся Г. Д. Беловым в северном районе города [Белов, 1948, 1955, 1956; Белов и Стржелецкий, 1953], известен по раскопанному М. А. Наливкиной дому у северной крепостной стены [Наливкина, 1957]. Дом, занимавший участок ~170 кв. м, состоял из 7 помещений и небольшого дворика (рис. 38, 1). Анализ его архитектурно-планировочной композиции в сочетании с опубликованными М. А. Наливкиной материалами раскопок и сопоставлении с домами других греческих городов этого времени дали возможность обосновать возможный вариант его реконструкции [Щеглов, 1976, 1976а] (рис. 38, 2). Это — обычная городская усадьба рядовой семьи греческого города. Простота и скромные размеры, небольшое количество комнат при относительной стабильности типичного архитектурно-планировочного решения — вот ее характерные черты. Такие и подобные им дома, по-видимому, составляли основную массу жилой застройки Калос Лимена, Херсонеса, а также других греческих городов рассматриваемого периода, и принадлежали среднему свободному сословию городского населения. Если учитывать аналогичные херсонесской плотности застройки, среднюю величину участков, отводимых под дома, и блоки-кварталы, а также среднее соотношение жилой и общественной застройки (~5 : 1), характерное для городов с регулярной планировкой, можно гипотетически рассчитать, что в Калос Лимене было, по-видимому, не более 100—150 домов такого типа, как и исследованная М. А. Наливкиной усадьба у крепостной стены.

Численность городского населения. В. Д. Блаватский [1949, 1953], исходя из площади городов, предположил, что в Херсонесе жило 10 000—15 000, Керкинитиде — 3000—5000 и Калос Лимене — 1200—2000 человек. С. Ф. Стржелецкий [1956] считал, что население Херсонеса и его округа на Гераклеяском полуострове составляло 20 000 человек. Однако в этих

расчетах не принималось во внимание примерно постоянное соотношение между территорией, отводившейся в городах с регулярной планировкой под массовую жилую застройку и выделявшейся для общественных нужд (~5 : 1). Если же за исходные данные принять известные ныне площадь и плотность застройки Херсонеса в конце IV—II вв. до н. э. и ввести указанную константу, то можно предположить, что число его жителей колебалось примерно около 8000—10 000 человек. Соответственно, общее количество населения Калос Лимена, вероятно, составляло около 800—1000 человек, а что касается Керкинитиды, то надо думать, что там все население вряд ли превышало 1800—2000 человек.

НЕУКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ХЕРСОНЕССКОЙ ХОРЫ

Основным типом греческого дома на территории херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму была укрепленная или неукрепленная сельская усадьба с характерной для построек такого рода планировкой. Сюда относятся и сельские неукрепленные усадьбы, и дома-башни, располагавшиеся на наделах в окрестностях Керкинитиды и Калос Лимена (см. подробнее в гл. IV и с. 61 сл.), усадьбы, далеко отстоявшие от крупных населенных пунктов (например, Ойрат, Панское III), и усадьбы, сгруппированные в крупные поселки (Панское I, Южно-Донузлавское).

Поселение Панское I. Особенно выделяется поселение, располагавшееся на северо-западном побережье Тарханкутского полуострова, у Ярылгачской бухты, в 10 км к северо-востоку от Калос Лимена [Щеглов, 1968а, 1970, 1976. Информацию о раскопках см. в АО, начиная с 1969 г.]. Оно занимало площадь 4 га, имело регулярную планировку и состояло из группы крупных зданий, ориентированных углами почти по сторонам света (рис. 17). Сельских поселений такого рода до сих пор не было известно не только на территории хоры античных государств Причерноморья, но и во всем Средиземноморье эллинистического времени. Одна усадьба (У 6), как показали раскопки, представляла большую квадратную постройку со сторонами 34,5×34,5 м, занимавшую площадь ~1200 кв. м (рис. 39—40). По размерам и плану здание У 6 наиболее близко исследованной С. Ф. Стржелецким усадьбе херсонесского надела 25 на Гераклеяском полуострове [Стржелецкий, 1961; Дуфкова, Рејќка, 1970; Рејќка, 1973]. Его стены, толщиной 0,45 и 0,5 м, были сложены из сырцовых кирпичей двух размеров (20×40 и 40×40 см при толщине 8÷9 см) на каменных цоколях высотой 0,1—1 м, или без цоколей. Наружные стены здания, вероятно, были глухими. Расположенные на юго-западной стороне дома широкие (4 м) ворота вели на внутренний хозяйственный двор площадью ~600 кв. м, в центре которого находился вырубленный в известняках прямоугольный колодец. По сторонам двора размещались помещения. Все выходы из них были обращены только в сторону двора. Первоначально 24 помещения вокруг двора располагались в 1 ряд, но затем, в результате развития хозяйства, с юго-западной и юго-восточной сторон двора, а также в его северном углу постепенно возвели второй ряд помещений, что увеличило их число в первом этаже до 35. Вдоль северо-восточной и частично юго-восточной сторон двора, по-видимому, шел навес на деревянных столбах. Основания лестниц, следы обрушившихся потолочных перекрытий и другие данные указывают на то, что дом был двухэтажным. По развалу сырцовых стен можно установить его высоту, составлявшую ~6 м. Некоторые помещения с очагами были изолированными. Вход в них вел только со двора. Другие же объединялись в изолированные блоки, состоявшие из 2,3 и более помещений, соединенных между собой входами и одним общим выходом во двор. В западном углу здания 2 помещения были заняты общими для всей усадьбы святилищами.

Рис. 39. План здания 6 на поселении Панском I.

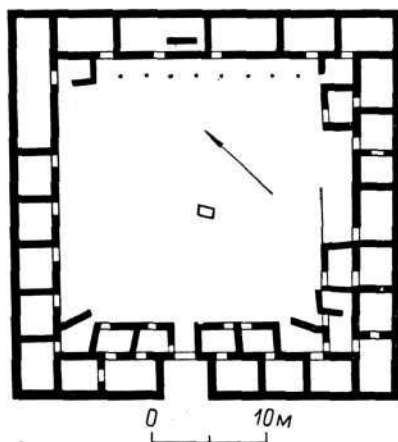

Рис. 40. Юго-западная сторона здания 6 на поселении Панском I.

Одно из них посвящено земледельческим божествам. В нем находились терракоты, изображающие, по-видимому, Деметру и Кору, чернолаковая чаша с посвящением Сабазию, терракотовый алтарик и т. д. Другое святилище с каменным алтарем и известняковым рельефом с изображением стоящего Геракла, а также керамическим сосудом типа ситулы с лигатурой НР (регр-градно), нанесенной красной краской на его поверхности, очевидно, было посвящено этому герою. Расположение помещений, а также набор вещей позволяют предполагать, что в здании жило несколько «коллективов», скорее всего — семей. Их количество к моменту гибели дома насчитывалось, по-видимому, ~12—15. Некоторые из них, возможно, выделяются более высоким имущественным и, быть может, социальным положением. На это косвенно указывает как количество и наиболее удобное расположение помещений, ими занимаемых, так и относительно более богатый набор вещей. Какие социальные и экономические взаимосвязи существовали между отдельными коллективами, сказать весьма сложно. Ясно одно, что все обитатели принадлежали одному хозяйству, входившему в состав херсонесского сельского поселения. Обращает на себя внимание значительный процент лепной керамики в материале раскопок, представленной главным образом посудой нижнеднепровских форм и единичными сосудами с врезным гребенчатым орнаментом. Основные культы обитателей дома связаны с двумя главными отраслями производства: зерновым хозяйством и виноградарством. Это находит подтверждение и в другом материале. При раскопках обнаружены различные сельскохозяйственные орудия, груз винного пресса; в здании были крупные склады амфор — в одном из них хранилось зерно (см. с. 108). Описанное здание погибло в сильном пожаре в пределах первой трети—первой половины III в. до н. э., вероятно, во время одного из скифских набегов в начальный период скифо-херсонесских войн.

Дом на Южно-Донузлавском поселении. Крупная однобашенная сельская усадьба раскрыта О. Д. Дашевской в 1960—1968 гг. [Дашевская, 1961, 1964а, 1967а, 1972]. По-видимому, к ее архитектурно-планировочной композиции приложим термин *κάρυς*. Основной частью усадебного комплекса, имевшего замкнутый план, был хорошо укрепленный дом-башня, расположенный в восточном углу усадьбы. Толщина его стен достигала 0,9 м, а размеры плана 9,3×6,6 м, что соответствует размерам башен на некоторых усадьбах в окрестностях Херсонеса [Стржелецкий, 1961]. К башне примыкал двор, по сторонам которого размещались помещения различного назначения. Как и большинство сельских усадеб, ориентация этого комплекса направлена углами по сторонам света. Здание было построено на месте предшествующего ему зернохранилища в конце III в. до н. э. [Дашевская, 1972] и погибло во II в. до н. э. Его руины стали ядром скифской крепости: вокруг него был выкопан ров, а к внешним стенам присыпан вал.

Землянки. Кроме домов описанного типа, на поселениях Тарханкутского полуострова известны землянки и полуземлянки. Профиль землянки с вертикальными бортами зачищен в 1965 г. в глинистом клифе (рис. 41, 1) поселения Владимировка в урочище Чеголтай. Землянка впущена в грунт на глубину 1,75 м. Длина ее по обрезу 7,1 м. У северного борта устроено небольшое возвышение, вероятно лежанка. Вырезанное в материковой глине, оно приподнято над полом на 0,3 м и имеет ширину ~1 м. Глинобитный пол землянки состоит из двух слоев плотной обмазки, толщиной в 7 и 3 см. Кровля жилища, вероятно, несколько поднималась над поверхностью земли и была земляной. Рухнув, она создала нижнюю часть засыпи над полом. После гибели землянки образовавшаяся не ее месте яма, по-видимому, долгое время служила местом свалки золы и мусора. В заполнении над полом встречены куски саманных жаровен, обломки лепных нелощенных горшков, херсонесских и сивоцских амфор. Материал позволяет датировать землянку IV—III вв. до н. э.

Полуземлянка того же времени, с ладьевидным профилем, со слегка скошенными бортами, открыта на Восточном селище Тарпанчи (рис. 41, 2).

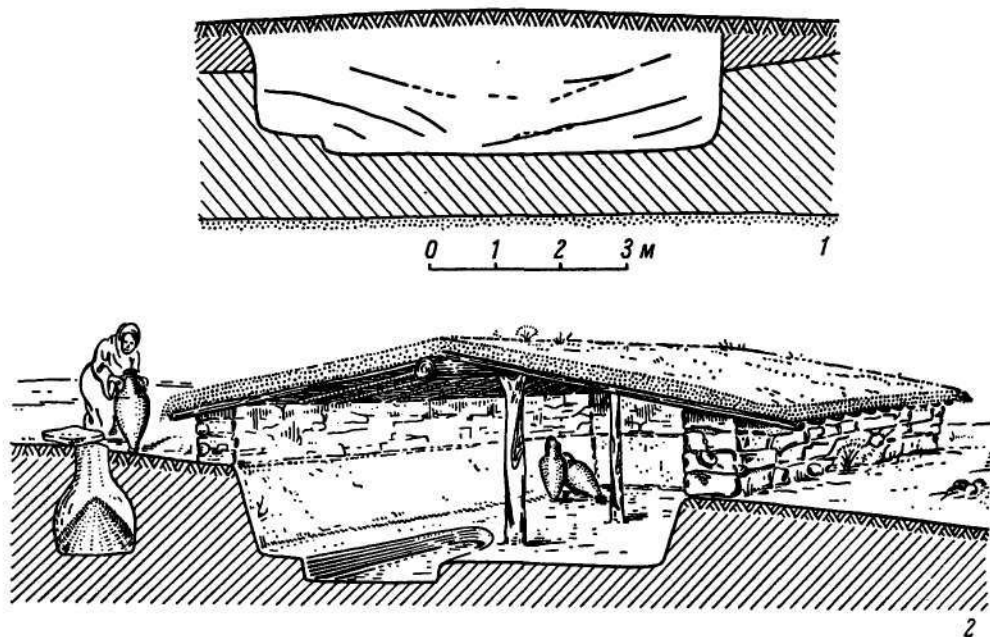

Рис. 41. Землянка на поселении Владимировка (1) и реконструкция полуземлянки на поселении Тарпанчи Восточное (2).

Она врыта на глубину 1.35 м от древней поверхности. Длина ее по верху ~6 м, по дну — 4.75 м. Пол обмазан глиной. В нем у западного края сделано углубление 1.55 м в поперечнике, при глубине 0.2 м, заполненное чистой золой с мелкими древесными угольками (очаг). Жилище имело невысокие наземные стены, сложенные из бутового камня. Кровля, вероятно, была земляной. Возле жилища в материковую глину была врыта грушевидная яма глубиной 1.15 м с зольно-мусорным заполнением. Полуземлянка на Восточном поселении Тарпанчи находилась на самой его окраине. Поселение примыкало к греческому укреплению, скорее всего к укрепленной усадьбе. Ближе к укреплению зафиксированы следы каменных домов, попадаются обломки черепицы. Два типа построек — каменные дома в центральной части и землянки на окраине — могут, по-видимому, косвенно говорить о двух различных социальных, а может быть, и этнических группах населения, которое жило в деревнях, тяготевших к тому или иному херсонесскому укреплению. Возможно, это были жилища зависимого или полузависимого земледельческого населения, которое жило на территории херсонесской хоры. Но землянки, как известно, обычны и для приднепровского, и для крымского варварского населения.

ЖИЛИЩА ПОЗДНЕСКИФСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Основным типом жилища в скифских укрепленных поселениях Северо-Западного Крыма был каменный дом. Остатки построек II в. до н. э. — первых веков н. э. исследовались на «Чайке», Южно-Донузлавском городище и Тарпанчи. Выходы на поверхность кладок стен, принадлежавших каменным строениям, заметны на всех без исключения поселениях. Как в планировке и внутреннем устройстве зданий, так и в основных технических приемах строительства открытые раскопками жилые дома во всех трех упомянутых пунктах дают сходную картину, что позволяет говорить об единстве архитектуры скифских поселений Северо-Западного Крыма. Основные ее черты выражаются в следующем. Планировку

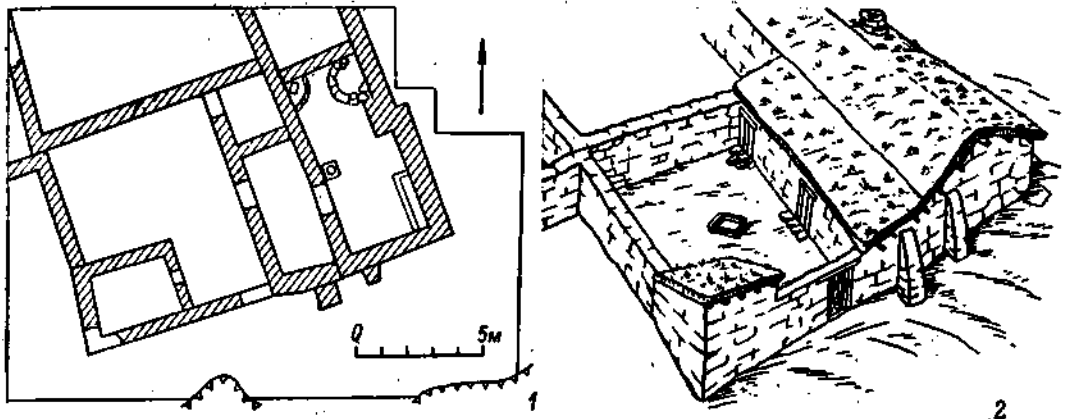

Рис. 42. «Дом с контрфорсами» на городище Тарпанчи.

1 — план, 2 — вариант реконструкции.

в общем можно назвать регулярной. Она наследует (конечно, со многими изменениями) главный принцип планировки предшествующих поселений и укреплений херсонесской хоры. Прямоугольные в плане дома, но гораздо меньших размеров и обычно соединенные в блоки, ориентированы в соответствии со старой планировкой, т. е. углами примерно по сторонам света. Так как площадь укреплений со II в. до н. э. уменьшилась, застройка стала значительно более тесной.²⁰ Большие изменения претерпел тип отдельного дома. В отличие от крупных эллинистических усадеб, стоявших на поселениях херсонесской хоры, с обширными внутренними дворами и большим числом помещений различного назначения, теперь строятся небольшие хозяйства. Они состоят, как правило, из дома с двумя-тремя комнатами и маленького хозяйственного дворика. Так, позднескифский дом на городище Тарпанчи почти в 3 раза меньше усадьбы III—II вв. до н. э. на Южно-Донузлавском городище и в 7—9 раз меньше усадеб на поселении Панское I. Архитектурный облик домов позднескифских крепостей в целом очень близок домам Нижнеднепровских поселений. Сказанное касается в равной степени и многих основных особенностей конструктивно-планировочной схемы, и внешнего вида построек, и оформления интерьеров. Одновременно планировочное решение дома на городище Тарпанчи, например, сохраняет черты, присущие планировке эллинистических греческих домов. В этом примере, очевидно, можно видеть синтез греческих и негреческих архитектурно-планировочных композиций, а также строительных приемов и навыков. По-прежнему дома возводились из местного известняка в технике бутовой кладки на глиняном растворе. Но техника кладки стала более небрежной, резко отличной от эллинистической. Не так тщательно подбирался камень, не производилась его регулярная подтеска, укладка рядов стала менее строгой. В связи с этим средняя толщина стен увеличилась от 0.45—0.5 до 0.5—0.75 м. Черепица для покрытия крыш не употреблялась совсем. Кровли были земляными. Широко применялась глиняная облицовка стен, а в отдельных случаях и потолок. Стены белылись. Дерево, скреплявшееся коваными железными и медными гвоздями, шло на устройство перекрытий, дверных коробок и полотниц дверей. Полы — земляные и глинобитные. Очаги в домах делались двух типов: открытые и с вытяжными трубами (наподобие камина).

²⁰ И. В. Яценко установила, что скифское поселение, сформировавшееся вокруг руин греческого здания III в. до н. э., было разделено узкими улицами на кварталы с густой застройкой; открыта также небольшая площадь (~170 кв. м) [Яценко, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974, 1975; Яценко, Попова, 1976].

«Дом с контрфорсами». Образцом типичной усадьбы для рассматриваемого времени может служить «Дом с контрфорсами» — хозяйство первых веков н. э., раскрытое на юго-восточном участке городища Тарпанчи [Шеглов, 1965]. Дом существовал с неоднократными достройками и перестройками довольно долгое время. В процессе раскопок выявлено 7 основных строительных периодов, по которым прослеживается как постепенно, в течение примерно полутора веков, формировался архитектурный ансамбль усадьбы. Дом последнего строительного периода занимал участок в 135 кв. м и состоял из собственно дома с тремя помещениями и небольшого дворика с хозяйственной постройкой в углу. (рис. 42). Обращает на себя внимание планировочная композиция этой небольшой усадьбы, в принципе повторяющая планировку рядовых греческих домов предшествующего времени (ср., например, дом Калос Лимена — с. 79, рис. 38). Такое сходство, по видимому, следует объяснять сильным воздействием греческой архитектуры на формирование позднескифского домостроительства.

Хорошая сохранность описываемого комплекса позволила обосновать реконструкцию жилища (рис. 42). В южном углу дворика (площадь ~40,5 кв. м) была хозяйственная постройка (~7,5 кв. м), возле входа в которую стояло известняковое корытце-поилка. Из дворика два входа вели в небольшое изолированное хозяйственное помещение (~5 кв. м) и переднюю проходную комнату дома (~11 кв. м). В ее южном углу находилась очажная яма, а на глинобитном полу лежали раздавленные амфоры и лепная посуда. Внутреннее помещение — самое большое по площади (22,7 кв. м). Пол глинобитный, стены обмазаны глиной и побелены. У входа стояла большая каменная ступа. В восточном углу — узкая «лежанка», по сторонам которой, под полом, были совершены погребения младенцев в амфорах. Посредине помещения — грушевидная яма, закрытая каменной крышечкой. Северный угол занимала круглая печь с лепной «жаровней» внутри. В западном углу находился жертвенник, состоявший из полукруглой каменной оградки, внутри которой стоял известняковый прямоугольный алтарь. Керамический комплекс из помещения состоял из краснолаковой, простой кружалной и лепной посуды [Шеглов, 1965].

Юрты. Помимо каменных жилых домов, на поселениях Северо-Западного Крыма с рубежа н. э., а может быть — и несколько раньше, получил распространение новый тип жилища — круглая юрта. Известны две юрты. Одна из них открыта раскопками П. Н. Шульца на городище Кара-Тобе [Шульц, 1937, 1941], вторая — О. Д. Дашевской на Южно-Донузлавском городище [Дашевская, 1967]. Обе они датированы I в. н. э. Не исключено предположение, что юрты могли появиться в Северо-Западном Крыму вместе с кочевым сарматским населением. Известно, что сарматы участвовали в политической жизни Херсонеса и Скифского царства, а следовательно и Северо-Западного Крыма, по крайней мере с III в. до н. э., где их присутствие зафиксировано в первых веках н. э. и другими археологическими источниками (керамика, знак, надгробные стелы). Юрта же, как тип жилья, — признак кочевого образа жизни. Таким образом, по типам жилья можно предполагать, что на рубеже и в начале н. э. в Северо-Западном Крыму жило как оседлое земледельческое, так и кочевое скотоводческое население. Последнее, вероятно, отгоняло на лето скот в глубь степей, а зимники устраивало на прибрежных поселениях.

Глава IV

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. ПРОМЫСЛЫ

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ НА ХОРЕ ХЕРСОНЕСА

Городские земли. 1. *Калос Лимен*. Следы оград древних земельных участков в окрестностях Калос Лимена впервые были отмечены А. И. Шмаковым [1844]. Он писал, что «вокруг этой бухты (Черноморской, — А. Ш.) видны остатки каких-то правильных оград или заборов (по-татарски: хора) различной длины и ширины, от 20 до 60 саженей (т. е. около 43 и 128 м, — А. Ш.). Время сравнило их с землей, но не могло истребить образовавшихся полос из камней, которые некогда составляли те ограды». Далее А. И. Шмаков отмечал, что «на полосах (оградах наделов, — А. Ш.) видно несколько возвышений или бугров, имеющих по одной и более сажен перпендикулярной высоты», в которых он признал развалины зданий. Как подтвердилось позднее, они действительно являлись руинами загородных усадеб.

За прошедшие со времени наблюдений А. И. Шмакова почти 140 лет следы размежевания вокруг городища Калос Лимен были почти полностью уничтожены. Тем не менее Тарханкутской экспедиции в 1963—1966 гг. удалось выявить остатки системы древних наделов, что позволяет в настоящее время в общих чертах представить устройство сельскохозяйственной территории этого херсонесского городка [Щеглов, 1967; см. также: La città e il suo territorio, 1968; Wąsowicz, 1969, 1972]. Земледельческая территория Калос Лимена простиралась по сторонам бухты, полукольцом окружая город (рис. 43—46). Она занимала общую площадь около 6 кв. км и частично была защищена с востока, со стороны открытых равнинных просторов Тарханкутского полуострова, искусственным ограждением. В 2,5 км к востоку от Калос Лимена — за пределами размежеванной территории — сохранился вал. В настоящее время он сильно распахан и едва выделяется на поле, имея менее полуметра высоты. Однако сверху он виден очень отчетливо (рис. 44). Коренные уроженцы пос. Черноморского, среди которых вал носит название «Баркан», утверждают, что он еще лет пятьдесят назад представлял высокую каменную насыпь, прикрытую дерном, и тесный камень из него брался на строительство. Сейчас остатки вала представляют собой сплошную каменную полосу, являющуюся, несомненно, остатками стены толщиной в основании 1,3—1,5 м. Стена начиналась от берега моря примерно в 1 км к северо-востоку от крайних восточных наделов Калос Лимена и шла в направлении на юг-юго-восток почти строго параллельно границам размежевания. Через 1,1 км стена поворачивала под тупым углом к югу. Остатки ее были прослежены еще на 700—800 м. По словам старожилов, «Баркан» был виден до современной дороги на с. Межводное, но весь слагавший его камень удален при обработке почвы. Таким образом, прочность этой оборонительной стены, ограничивавшей с востока земледельческую округу Калос Лимена, составляла более 2 км. Были ли в стене башни, выяснить не удалось. С южной и западной сторон земледельческая

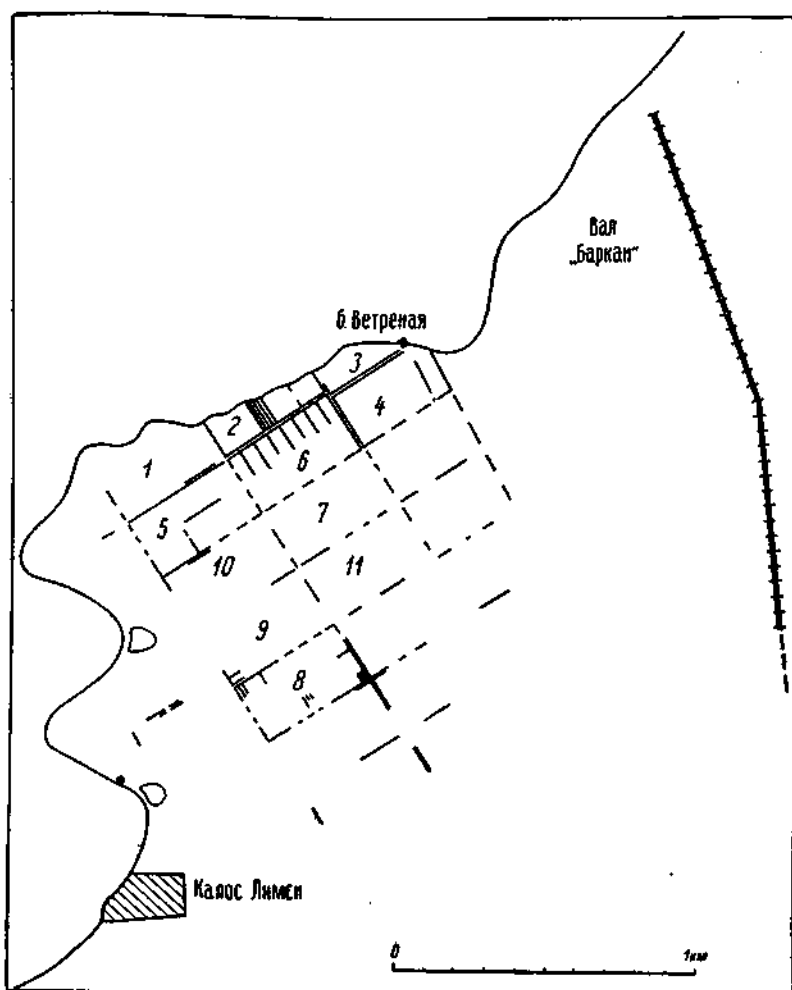

Рис. 43. Следы земельных наделов в окрестностях Калос Лимена.

территория, вероятно, не была защищена — никаких следов оборонительной стены или вала здесь не обнаружено; вместе с тем местные жители точно и согласованно указывают место, где заканчивался «Баркан».

Собственно размежеванная на наделы сельскохозяйственная округа Калос Лимена, устанавливаемая на основании остатков межевых оград, мест расположения загородных усадеб, а также находок керамики и монет простиралась в радиусе не более 1.5 км от стен города и занимала площадь не более 4.5 км² (т. е. около 450 га). Вся она была разделена сетью параллельных, пересекающихся строго под прямыми углами дорог (рис. 45) на 40–60 отдельных земельных участков прямоугольной формы и равной величины (с незначительными отклонениями в отдельных случаях). Ширина дорог везде выдержана одинаковой — около 6–6.5 м, что соответствует ширине дорог между наделами херсонесской городской округи на Гераклеийском полуострове, а также ширине продольных улиц Херсонеса. Направлены дороги под некоторым углом к линии С–Ю (60 и 330° соответственно), так что разделяемые ими наделы получали ориентацию углами по сторонам света. Подобная ориентация наблюдается также и на остальной территории херсонесской хоры, а также на хоре Метапонта в Лукании [Schmiedt, 1961; Adamesteanu, 1967; Uggeri, 1969]. Дороги — как продольные (ЮЗ–СВ), так и поперечные (ЮВ–СЗ), — проложены на равном расстоянии одна от другой, что и обеспечивало одинаковую величину нарезаемых земельных

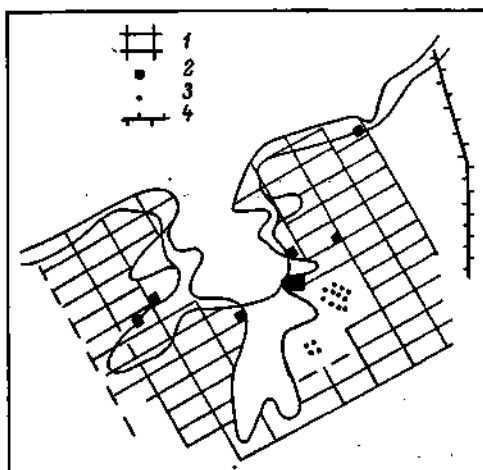
Рис. 44. Вал «Баркан».

Рис. 45. Древняя дорога между наделами.

Рис. 46. Схема размежевания земельной территории Калос Лимена. 1 — наделы; 2 — усадьбы; 3 — курганы; 4 — вал «Баркан».

участков, вытянутых в длину с ЮЗ на СВ. Ширина наделов везде постоянна: около 210 м, длина около 420 м. Только в прибрежной зоне из-за неровной линии берега наблюдаются отклонения от этой нормы. Средняя площадь земельных наделов колебалась в пределах 7—9 га, причем нормой, очевидно, была площадь около 8.8 га. Это в два раза больше, чем средняя площадь наделов «старого» Херсонеса Страбона на Маячном полуострове (их площадь составляла около 4.4 га) и в три раза меньше, чем наделы херсонесской городской округи на Гераклеийском полуострове (около 26.5 га). Соотношение сторон и площадей стандартных наделов «старого» Херсонеса, Херсонеса и Калос Лимена выглядит так:

Город	Размеры стандартного надела (в м)	Соотношение сторон	Площадь стандартного надела (в га)	Соотношение площадей
«Старый» Херсонес	210 × 210	1 : 1	4.4	1
Калос Лимен	210 × 420	1 : 2	8.8	2
Херсонес	420 × 630	2 : 3	26.5	6

Кратное соотношение величины стандартных наделов на сельскохозяйственных территориях трех херсонесских городов, очевидно, является показателем единого принципа размежевания городских земель и единой системы мер, употреблявшейся при разбивке земельных участков. Однако остается неясным вопрос: почему в каждом из трех названных городов существовала своя норма площади стандартного надела и от чего она зависела? В случае со «старым» Херсонесом Страбона, наделы которого имели наименьшую площадь, это можно объяснить тем, что вся сельскохозяйственная территория занимала только Маячный полуостров, и его размеры, таким образом, предопределяли наряду с количеством семей поселенцев величину отдельного надела. Вероятно, то же самое можно отнести и к Херсонесу, городские земли которого располагались на Гераклеийском полуострове, имеющем природные границы [ср. : Стржелецкий, 1961, с. 47 сл.]. Но окрестности Калос Лимена, чрезвычайно близкие по геолого-почвенным и геоморфологическим условиям к Гераклеийскому и Маячному полуостровам, представляли собой открытое неограниченное пространство, позволявшее осваивать обширную территорию. Этого, однако, не произошло. Земельные наделы здесь, как мы видели, значительно уступают по площади херсонесским пригородным участкам. По-видимому, кроме наличия свободной земли, действовали какие-то другие неучтенные факторы, регулировавшие величину стандартных земельных наделов города. Сопоставим площади городов, их размежеванных сельскохозяйственных территорий и количество наделов на городских землях (см. таблицу на с. 90).

Приведенные цифры дают возможность предполагать, что вряд ли случайно примерно постоянное отношение количества земельных наделов к 1 га территории собственно города. По-видимому, существовала какая-то зависимость между величиной города, а следовательно, количеством его на-

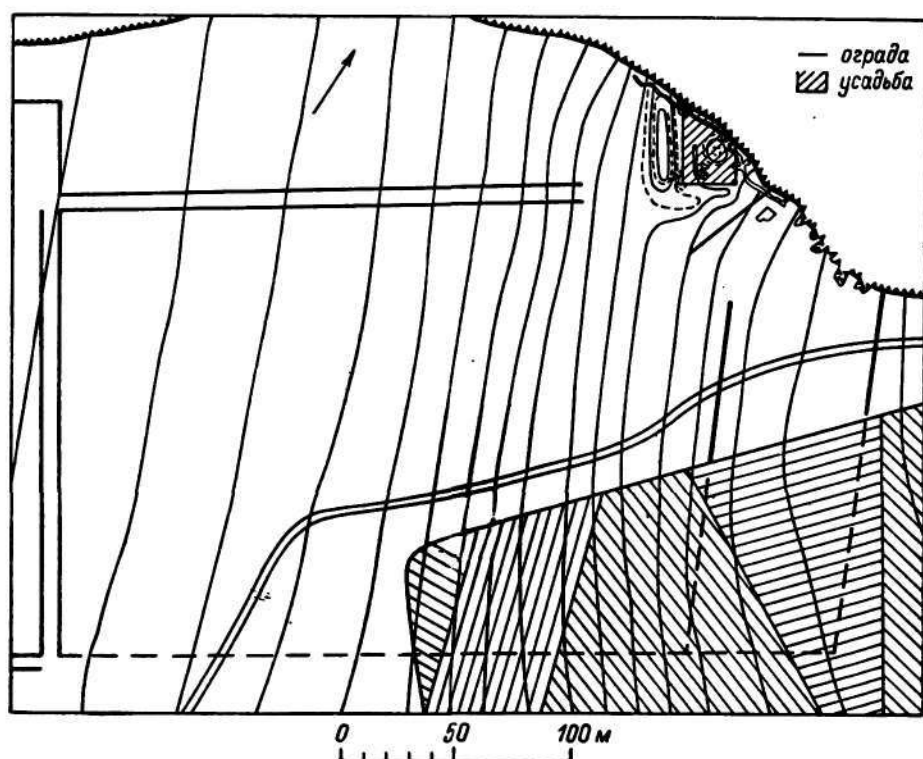

Рис. 47. Земельный надел и усадьба у бухты Ветреной.

Город	Площадь хоры (в га)	Общее число наделов	Площадь города (в га)	Количество земли на 1 га территории города (в га)	Число наделов на 1 га территории города
Херсонес	10000	360 ÷ 380	30—35	285—330	10—13
Калос Лимен	450	40 ÷ 60	4.2	107	9.5—14
«Старый» Херсонес	360	80 ÷ 100	9*	40	9—11

† * Учитывается только застроенная территория «старого» Херсонеса.

селения, и реальной возможностью освоения определенной сельскохозяйственной округи. Если общая сумма наделов определялась числом жителей города, имевших право на владение собственным участком за городом, то величина отдельного стандартного надела на землях городской округи регулировалась, очевидно, не только наличием свободной земли, но и экономическим потенциалом города, выразившимся в способности последнего обрабатывать ту или иную территорию.

Довольно убедительные расчеты С. Ф. Стржелецкого [1961] по пяти наделам херсонесской городской округи показывают, что средняя норма рабочей силы, необходимой для обеспечения хозяйства, составляла примерно 0.8—1 человека на 1 га. Учитывая сходные условия между городскими землями Херсонеса и Калос Лимена, можно считать эту норму общей для обоих городов. В таком случае, при средней величине стандартного надела Калос Лимена в 8.8 га, количество необходимой рабочей силы на нем вряд ли превышало 7—10 человек, а на всех наделах размежеванной городской округи — примерно 300—600 человек.

Каждый надел со всех сторон был окружен оградой, сооруженной из камня, собранного при очистке участка. Толщина оград, сложенных насухо, равнялась обычно 1—1.2 м. Внутреннее пространство надела разде-

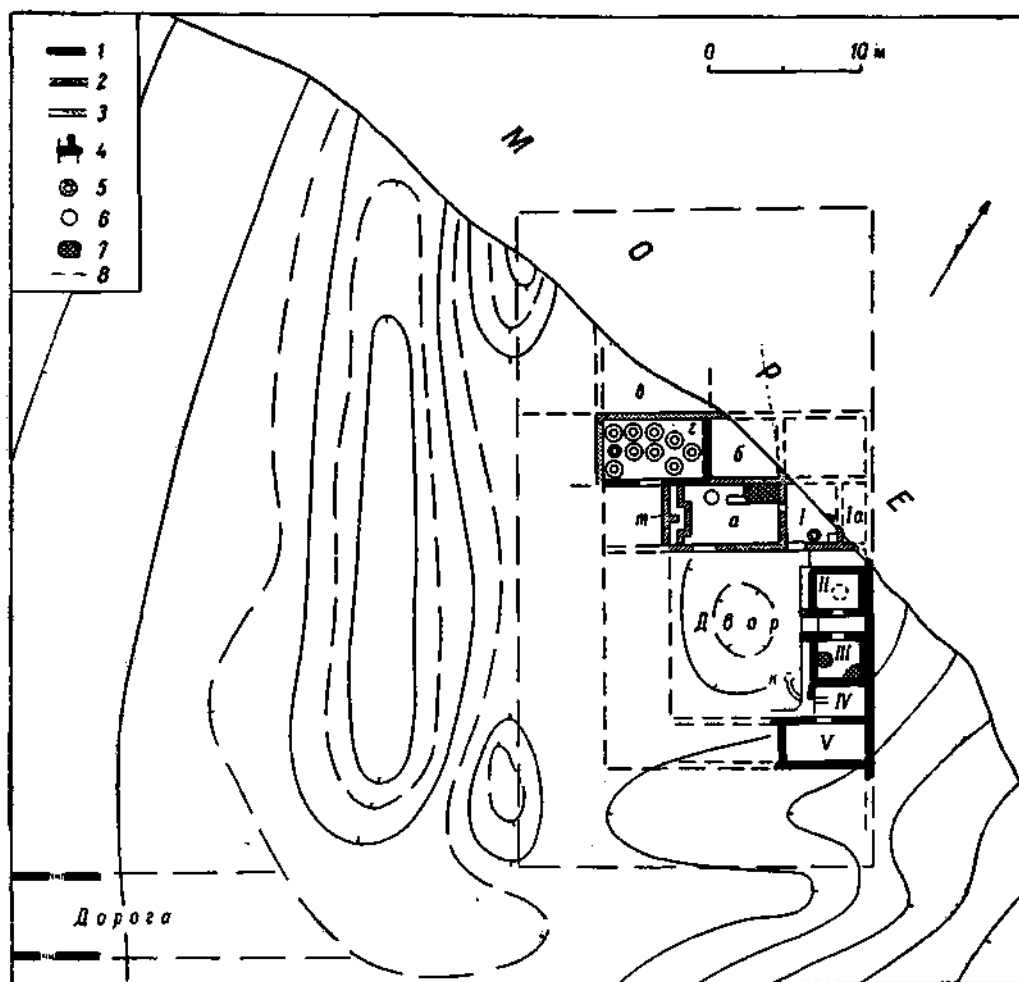

Рис. 48. План усадьбы у бухты Ветреной.

1 — сырцовые стены на высоком каменном цоколе; 2 — сырцовые стены на низком каменном цоколе; 3 — сырцовые стены; 4 — стилобат и павильон навеса; 5—6 — пифосы; 7 — очаги; 8 — реконструируемые и нераскрытые части усадьбы.

лялось такими же оградами на отдельные поля различной величины, очевидно предназначавшиеся под разные культуры. На отдельных участках внутри наделов в ряде случаев распознаются следы виноградного плантажа того же типа, что и на Гераклейском полуострове.

Приведем описание трех наиболее сохранившихся наделов.

Четвертый — крайний северо-восточный надел на городских землях находится у бухты Ветреной (рис. 43 и 47). В плане имеет форму трапеции с параллельными длинными сторонами и несколько скошенной северо-восточной стороной. Размеры $335-362 \times 200$ м, площадь 6.97 га. В северо-восточной части каменной оградой выделен участок шириной 65 м и площадью ~ 1.3 га. На остальной территории надела стен внутренней размежевки нет. Не обнаружено также плантажных стен виноградников, поэтому назначение полей остается неясным. Отсутствие каменных межевых стен и стен плантажа объясняется тем, что в данном месте залегает довольно мощный карбонатный почвенный слой, избавлявший от необходимости очистки поля и затрат на сооружение стенок. На наделе у бухты Ветреной можно было ограничиться лишь возведением ограды вокруг всего надела, да и то из мелкого камня, удаленного с участка.

Рис. 49. Кладовая с шифосами на усадьбе у бухты Ветреной.

Шестой — соседний с наделом № 4 (рис. 43). Размеры 210×420 м, площадь 8.82 га. Разделен продольной стенкой на две половины, шириной по 105 м каждая. Северо-западная половина надела в свою очередь разбита на 8 равных участков по 0.55 га каждый (52.5×105 м). Разделены они между собой каменными оградами 0.6 м толщины. На участках выявляются следы виноградного плантажа. Внутренняя планировка юго-восточной половины надела разрушена, но по сохранившимся обрывкам стен и остаткам плантажа можно предполагать, что она повторяла планировку северо-западной стороны надела. Такая же система внутреннего размежевания наделов зафиксирована на Гераклейском полуострове [Стржелецкий, 1961].

Восьмой надел: ширина 210 м, длина около 415—420 м; площадь 8.7—8.8 га. Сильно разрушен и застроен современными постройками. Сохранились остатки внешней ограды и местами участки виноградников. В восточном углу надела хорошо выделяются следы усадьбы, в плане квадратной, размерами около 25×25 м (рис. 43).

Тарханкутской экспедицией в окрестностях Калос Лимена зафиксировано всего 6 усадеб двух типов: прямоугольные дома и круглая башня (о ней см. с. 62). Вероятно, их существовало больше, но, по-видимому, не на каждом наделе стояла усадьба. Небольшие размеры хоры города, незначительная удаленность наделов от городских стен позволяли владельцам участков в большинстве случаев обходиться без постройки специального загородного дома.

Одна из наиболее хорошо сохранившихся усадеб исследовалась Тарханкутской экспедицией [Щеглов, 1967, 1976. Ср. также *La città e il suo territorio*, 1968; *Wąsowicz*, 1972; *Peřirka*, 1973]. Она стояла в восточном углу почти полностью разрушенного абразией надела № 5 у бухты Ветреной. Здание представляло прямоугольную постройку размерами 40×25 —30 м, ориентированную в соответствии с направлениями сторон надела углами по сторонам света, и имела характерный для раннеэллинистических сельских усадеб [ср. *Peřirka*, 1973] замкнутый план: вокруг центрального двора в один и два ряда располагались помещения различного назначения (рис. 48). Стены здания, сложенные из сырцовых кирпичей, были возведены на каменном цоколе, высотой до 1.1 м при толщине 0.4 и 0.5 м. Пола в большин-

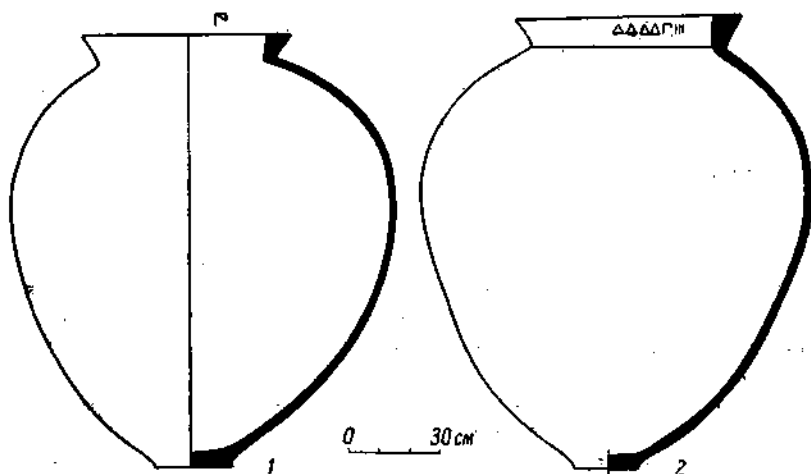

Рис. 50. Синопские пифосы из усадьбы у бухты Ветреной.

стве открытых помещений глинобитные, в одном (предполагаемая домашняя баня) пол вымощен однотонной морской галькой и в одном имел гравийную вымостку. Кровля состояла в основном из синопской, в меньшем числе гераклейской и единичных экземпляров херсонесской черепицы, а также плоской черепицы восточноионийского типа, производство которой было налажено и в северопричерноморских центрах — на Боспоре и в Ольвии [ср. Керамическое производство и античные керамические материалы, 1966, с. 38 сл., 52 сл., табл. 28, 40]. Синопская и гераклейская черепица были приобретены, вероятно, при строительстве дома крупными партиями, о чем свидетельствует однородный состав клейм.¹

Из открытых помещений наибольший интерес для характеристики хозяйства представляет кладовая. В помещении площадью 24,6 кв. м в пол были вкопаны 10 пифосов синопского производства (рис. 49—50). На венцах 9 из них вырезаны в акрофонической системе цифровые обозначения: от 47 до 55 единиц.² На глиняных крышках этих пифосов нанесены пальцем по сырой глине буквы К и ЕΙ, видимо, метки мастеров, их изготовлявших. Десятый пифос, вдвое меньших размеров, цифровых обозначений не имеет, но на его венце отгиснуто клеймо астинома Эскина (второе имя — Посейдоний), а на крышке — монограмма. Предположение, что цифровые метки на венцах обозначали емкость сосудов в амфорах [Щеглов, 1967], подтверждено конкретными измерениями и расчетами [Николаенко, 1974]. Знаки, очевидно, вырезались в мастерской³ после обжига сосудов и их практического измерения стандартными амфорами центра производства, в данном случае синопскими, емкостью около 21 л. Вместимость каждого крупного пифоса с обозначением емкости составляет немногим более 1000 л, колеблясь в небольших пределах⁴ в соответствии с указанным на венце количеством амфор. Измеренная емкость меньшего, клейменого, пифоса около 485 л, что практически точно соответствует 12½ аттических метрета (150 хоев), или 25 синопским стандартным амфорам, равным половине аттического метрета [о стандарте синопской амфоры см.: Брагинский, 1976, 1977].

¹ Из найденных более 120 клейм 88% принадлежит синопским астиномам Омфалику, Посейдонию и Диофанту и только 12% составляют гераклейские энглифические клейма с именами Гераклида, Гестия и Герсона. Среди синопских преобладают клейма Омфалика (80% от всех синопских), а среди гераклейских — с именем Гераклида. На херсонесской черепице обнаружено только 1 клеймо агоранама Аполлония, сына Пасида.

² 5 пифосов обозначены цифрами 47, 1 — 48, 2 — 50 и 1 — 55.

³ На это косвенно указывает и крупный «лапидарный» шрифт глубоко врезанных литер.

⁴ Емкость пифоса с меткой 48 на венце = 1065 ± 50 л, с меткой 50 = 1030 л.

Вероятно, не случайно этот пифос, изготовленный более тщательно, чем все остальные, и покрытый снаружи светлым ангобом, не имел специально вырезанных цифровых обозначений емкости, а был снабжен астиномным и монограммным клеймами, что само по себе представляет исключительную редкость [о клеймах на пифосах см.: Тахтай, 1940]. Можно предполагать, что клейма удостоверяли соответствие принятому в Синопе стандарту емкости пифоса, и в таком случае дополнительных цифровых обозначений не требовалось. Существование на Фасосе стандартных пифосов, форма и размеры которых устанавливались государством, зафиксировано надписями [Daub, 1926; Lang, 1952] ⁵, и это служит дополнительным аргументом в пользу гипотезы, что пифосы определенного государственного стандарта должны были существовать также и в Синопе. В данном случае, по всей видимости, и был обнаружен один из таких сосудов.

Вместимость всех пифосов в кладовой составляла 463 синопских амфоры, или — при учете фактической емкости, несколько превышающей расчетный стандарт, — примерно 9500—9700 л. В семи сосудах хранилось зерно — пшеница; обугленные остатки ее обнаружены на дне. В трех остальных (двух больших и одном малом), судя по налету виннокислой извести на стенках и находке нескольких зернышек винограда на дне, находилось вино. Таким образом, емкости были рассчитаны примерно на 7000—7300 л зерна и 2500 л вина (соответственно — 341 и 122 амфоры). Пожалуй, нет оснований сомневаться в том, что такая вместимость реализовалась на практике и, следовательно, полученные величины отражают как основные направления хозяйства (зерновое и винодельческое), так и объем производства главных видов сельскохозяйственной продукции.

Комплекс материалов из усадьбы позволяет датировать время ее постройки 2-й половиной — последней третью IV в. до н. э. [Щеглов, 1967]. По-видимому, размежевание сельской округи Калос Лимена производилось в близкое время, вероятно, несколько раньше строительства усадеб. Учитывая материалы из наиболее раннего стратиграфического горизонта Калос Лимена можно предполагать, что освоение земледельческой территории, т. е. раздел ее на наделы, осуществлялось одновременно с основанием города. 40—60 наделов — это, по-видимому, соответствует количеству семей, составивших основное ядро поселенцев, основавших Калос Лимен.

Материалы показывают, что усадьба у бухты Ветреной была сожжена в пределах первой половины III в. до н. э. Та же судьба, очевидно, постигла и другие усадьбы, на что, например, указывают состав и условия находок, о которых писал А. И. Шмаков, разрушенная в то же время круглая башня с кольцевой оградой на берегу Черноморской бухты, а также подъемный материал из других усадеб и с территории наделов. Очевидно, земледельческая округа Калос Лимена подверглась единовременному разгрому на начальном этапе скифо-херсонесских войн.

2. *Керкинитиды*. Поиск следов размежевания в окрестностях Керкинитиды не проводилось. Археология XIX в. не ставила перед собой таких задач, а уже с начала XX в. эти работы не могли быть осуществлены практически, так как округа Керкинитиды оказалась занятой застройкой современной Евпатории. И все же существует некоторое количество фактических данных, которые в самых общих чертах позволяют реконструировать организацию пригородных земель этого города.

В 1880 г. П. О. Бурачков неподалеку от Бюк-Мойнакского озера зачислил остатки довольно крупной постройки, вероятно, одной из загородных усадеб. При описании ее он отметил, что от открытого сооружения отходят «весьма заметные следы улицы (курсив наш, — А. Ш.) шириной в 3 сажени» [Бурачков, 1881, с. 242], т. е. около 6.4 м. В другом месте автор говорит уже о нескольких таких «улицах»: «Признаки улиц показывают, что они направлялись к самым возвышенным точкам» [там же]. Очевидно, нет ни-

⁵ М. Ланг убедительно реконструировала такой пифос.

какого сомнения, что замеченные исследователем «улицы» — не что иное, как дороги между наделами сельской территории Керкинитиды. Известно, что в первых описаниях Гераклеийского полуострова дороги между херсонесскими наделами часто принимались за улицы древнего Херсонеса. «Все проеханное мною сюда пространство от Георгиевского монастыря, верст на 10, усеяно правильно расположенными *улицами* (курсив наш, — А. Щ.)», — писал П. Сумароков [1803, с. 208]. Подобно тому, как он считал, что город Херсонес занимал почти весь Гераклеийский полуостров, П. О. Бурачков полагал, что все пространство от Евпаторийского Карангина до Бююк-Мойнакского озера было занято тремя поселениями. Измеренная П. О. Бурачковым ширина дороги совпадает с шириной дорог между наделами в окрестностях Херсонеса и Калос Лимена. По-видимому, участок дороги длиной 12.8 при ее ширине 6.4 м был раскрыт Н. Ф. Романченко в 1897 г. в 25 м от берега Бююк-Мойнакского озера и в 21 м к югу от сельской усадьбы, исследовавшей им в 1895 г.⁶ Дорогу ограждали каменные стены (ограды смежных наделов), толщиной 0.53 м. П. О. Бурачков на значительной территории между городищем Керкинитиды и Мойнакскими озерами видел «полосы и гряды» из камня, шедшие в разных направлениях, т. е. остатки древней межевой системы. Очень схематично он нанес их на план, приложенный к его статье [Бурачков, 1881]. Несколько позже Н. Ф. Романченко составил, по его словам, подробную археологическую карту той же местности,⁷ на основе которой вычерчен план, помещенный в нескольких работах [Романченко, 1894, 1896, 1907]. На плане Н. Ф. Романченко там, где отмечал «полосы и гряды» из камня П. О. Бурачков, более точно нанесены межевые стены, делившие землю на сеть участков (рис. 51). Общее направление межей, как и на пригородных землях Херсонеса и Калос Лимена, ориентировано под некоторым углом к линии С—Ю: примерно под 345°. Так же ориентированы и усадьбы, находившиеся в ближайших окрестностях города (о них см. ниже). Итак, можно заключить, что сельскохозяйственная территория Керкинитиды была организована таким же образом, что и городские земли Херсонеса и Калос Лимена, т. е. разделена сетью пересекающихся дорог на систему наделов. К сожалению, нет никаких данных, чтобы судить о величине отдельного стандартного надела и их общем количестве. Однако если принять во внимание указанное выше отношение количества наделов к 1 га площади города, то можно предположить, что земледельческая округа Керкинитиды могла быть разделена приблизительно на 70–120 участков (территория города составляла около 8 га).

Некоторое представление о величине хоры города можно получить из топографии известных сельских усадеб, которые располагались к западу от Керкинитиды, между нею и Бююк-Мойнакским озером, в радиусе ~ 3 км от стен города. Вероятно, пригородные земли распространялись и в восточном направлении, там, где сейчас находится старая часть Евпатории. Земельные наделы существовали, по-видимому, и к западу от Мойнакского озера, что косвенно подтверждается находкой клада медных херсонесских монет IV—III вв. до н. э., кувшинчик с которыми был вмурован в грубо сложенную стенку [Гилевич, 1970]. Находки подобных кладов того же времени и в такой же ситуации известны и на земельных наделах городской округи Херсонеса [Гилевич, 1969]. Но входили ли земли, расположенные к западу от Мойнакского озера, в сферу Керкинитиды или укрепления на городище «Чайка», сказать невозможно.

Впервые одну из сельских усадеб Керкинитиды возле Бююк-Мойнакского озера частично зачистил П. О. Бурачков [1881], однако назначения постройки он не понял. Части двух усадеб — по несколько помещений — и небольшую прямоугольную постройку, по-видимому, представлявшую собой дом-башню (*πύργος*), раскрыл Н. Ф. Романченко [ОАК за 1895 г.;

⁶ Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 1896/73, л. 34.

⁷ Там же, л. 27. — Оригинал карты не сохранился.

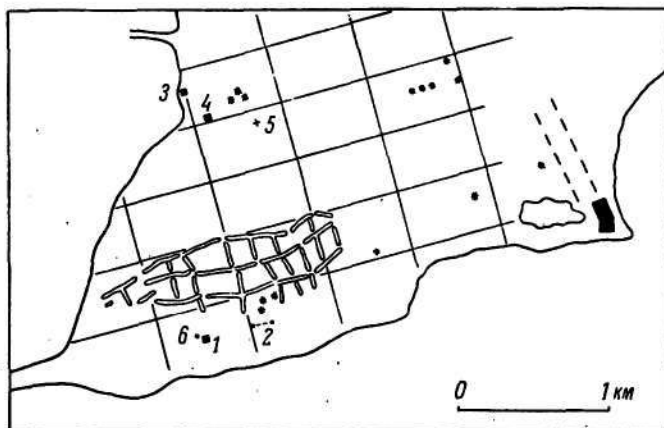

Рис. 51. Остатки земельных наделов в окрестностях Керкинитиды (по Н. Ф. Романченко с дополнениями автора).

1—6 — усадьбы.

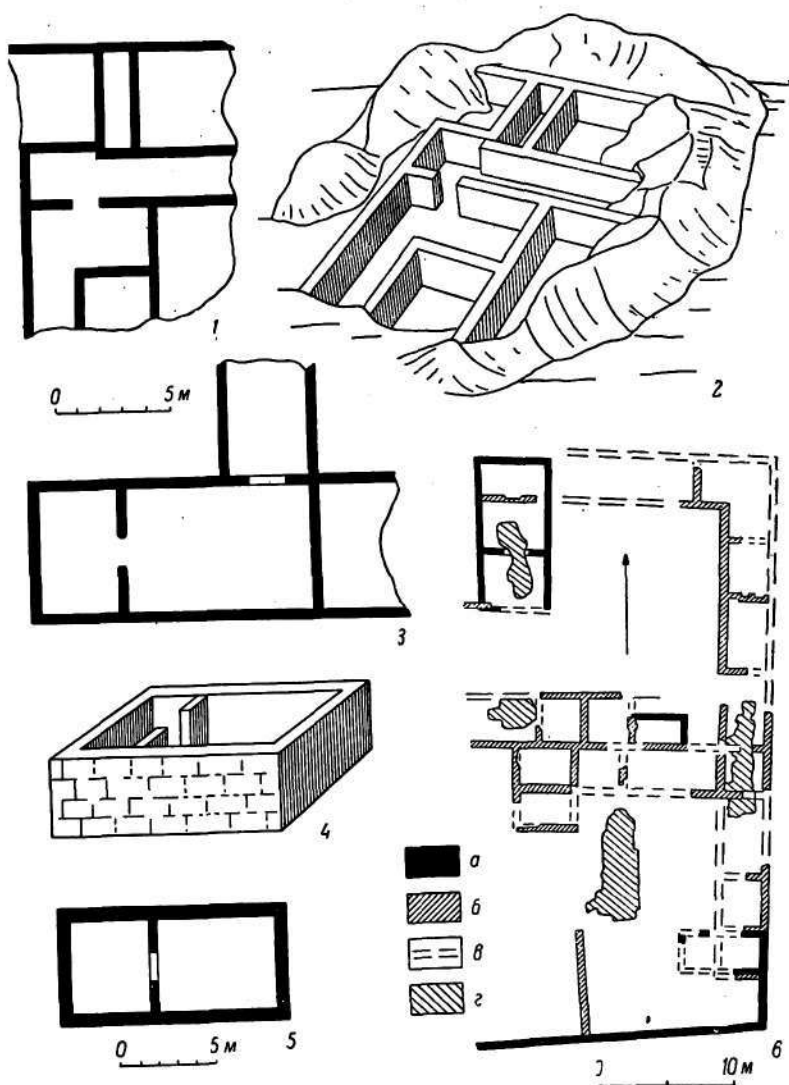

Рис. 52. Усадьбы в окрестностях Керкинитиды.

1—5 — по Н. Ф. Романченко; 6 — усадьба 2 у Вьюк-Мойнакского озера. Раскопки Л. А. Моисеева.
 а — I строительный период; б — II строительный период; в — несохранившиеся стены; г — вымостки.

Рис. 53. Усадьба 2 у Биок-Мойнакского озера. Раскопки Л. А. Моисеева.

ОАК за 1897 г.; Романченко, 1896, 1907]. Материалы раскопок и следы пожаров показывают, что эти постройки погибли не позднее II в. до н. э. Еще две усадьбы в том же районе раскапывались Л. А. Моисеевым в 1917—1918 гг. [Моисеев, 1918]⁸. Особенно интересны результаты исследования огромной, по-видимому, неукрепленной усадьбы 2 (рис. 52—53). Здесь выявлено два строительных этапа. Детальная планировка и время постройки ранней усадьбы остались невыясненными: от нее сохранились только отдельные обрывки стен. К северу от них открыты основания стен еще одной постройки, размерами 12×6 м, сложенной из «квадров значительной величины». Автор раскопок обратил внимание, что это здание абсолютно идентично раскрытому Н. Ф. Романченко в 1897 г. в том же районе. По-видимому, это тоже был *πύργος* — дом-башня. Планировка обеих построек аналогична башне усадьбы, раскрытой О. Д. Дашевской на Южно-Донузлавском городище. Ранняя усадьба была полностью разобрана в IV в. до н. э. [Моисеев, 1918], и на ее месте построена новая с сохранением общей ориентации старой. Раскопана только восточная часть здания второго периода. Длина его составляла 40—43 м. Усадьба, в плане прямоугольная, состояла из двух частей с большими внутренними дворами, вокруг которых шли помещения шириной около 3 м (рис. 52). Планировка обычна для сельских усадеб,

⁸ Там же, Р 1, № 730, инв. № 5596, 5605; фотоархив ЛОИА 0.327.

что отметил и автор раскопок, сравнивая ее с загородными домами на Маячном полуострове. По данным Л. А. Моисеева, постройка погибла в пожаре в конце II в. до н. э. Проверить эту дату невозможно, так как не сохранился материал раскопок, но по общей ситуации в данном районе можно предполагать, что гибель произошла раньше, ибо скифская крепость на городище «Чайка» возникает не позже середины II в. Еще одна усадьба близ Керкинитиды, исследованная П. И. Филонычевым, а затем М. А. Наливкиной [Наливкина, 1952, 1953, 1957], — круглая башня с остатками каких-то пристроек или оград (о ней см. выше, с. 62), построенная еще в IV в. до н. э., погибла, судя по найденному здесь материалу и кладу херсонесских медных монет в краснофигурном гутосе IV—III в. до н. э., не позже III в. до н. э.

Таким образом, в окрестностях Керкинитиды, на ее городских землях, существовали усадьбы двух типов: прямоугольные или круглые пирги — дома-башни и крупные усадьбы развитого плана, с внутренними дворами. Сходную картину, как мы видели (за исключением прямоугольных башен), дает и округа Калос Лимена. Но в отличие от последней, усадьба 2 Л. И. Моисеева позволяет считать, что на городских землях Керкинитиды загородные дома существовали и до подчинения ее Херсонесу, а следовательно, и размежевание сельскохозяйственной территории города должно было произойти в период автономии Керкинитиды. Перестройка усадьбы 2 в IV в. до н. э., очевидно, соответствует времени возникновения укрепления на городище «Чайка» и может быть связана каким-то образом с подчинением города Херсонесу. Не исключено, что в этот период могло произойти и перераспределение земельных участков. Гибель земледельческой территории Керкинитиды, следы пожаров и разрушений на усадьбах, несомненно, связаны со скифо-херсонесскими войнами и захватом города скифами.

Организация остальных земель херсонесской хоры. Следы древнего размежевания, выявленные работами Тарханкутской экспедиции на разных участках прибрежной зоны Северо-Западного Крыма вблизи населенных пунктов херсонесской хоры, в большей части настолько фрагментарны, что не позволяют выяснить ни количество, ни величину отдельных участков. Но, несмотря на почти полную разрушенность межей, совокупность накопленных фактов позволяет в основных чертах восстановить структуру земельного кадастра Херсонеса в его северо-западных владениях.

На мощных каштановых суглинистых почвах следы древнего размежевания сохраняются плохо даже на не культивированных позднее землях, так как границы полей и наделов обозначались не оградами из камня, которого в этих местах нет, а, по-видимому, неглубокими канавами или невысокими земляными валиками. Способ ограждения участков канавами, как известно, обычен и существовал во многих местах античного мира. Археологически он зафиксирован, например, на хоре Метапонта в Лукании, а для более позднего времени в Тунисе и других районах [см. Schmiedt, Chevallier, 1960]. Сооружение земляных насыпей (χῆμα) в эллинистическом Египте, окружавших участки (περίχωρα) или деливших их поперек (διάχωμα), засвидетельствовано текстами папирусов [см., например, Schnebel, 1925]. Очевидно, оба вида межевых оград, выявленные как с помощью аэрофото съемки в Евпаторийском районе и на южном побережье Тарханкутского полуострова, так и в результате наземного обследования местности (окрестности Ярылгачской и Черноморской бухт), использовались в Северо-Западном Крыму не только в период его вхождения в состав хоры Херсонеса, но и в последующее время, когда эта территория отошла к скифам. Маломощные и каменистые почвы, подстилающиеся известняками, и аналогичные почвам Гераклеяского полуострова в окрестностях Херсонеса требовали значительных усилий в обработке. Такие земли расположены частично в окрестностях Калос Лимена, в урочище Джангуль и в районе мыса Ойрат. Только благодаря сложной и трудоемкой системе мероприятий для повышения их плодородия и очистки участков от камня до наших дней на не затронутых современной пахотой землях в более или менее хорошем состоянии

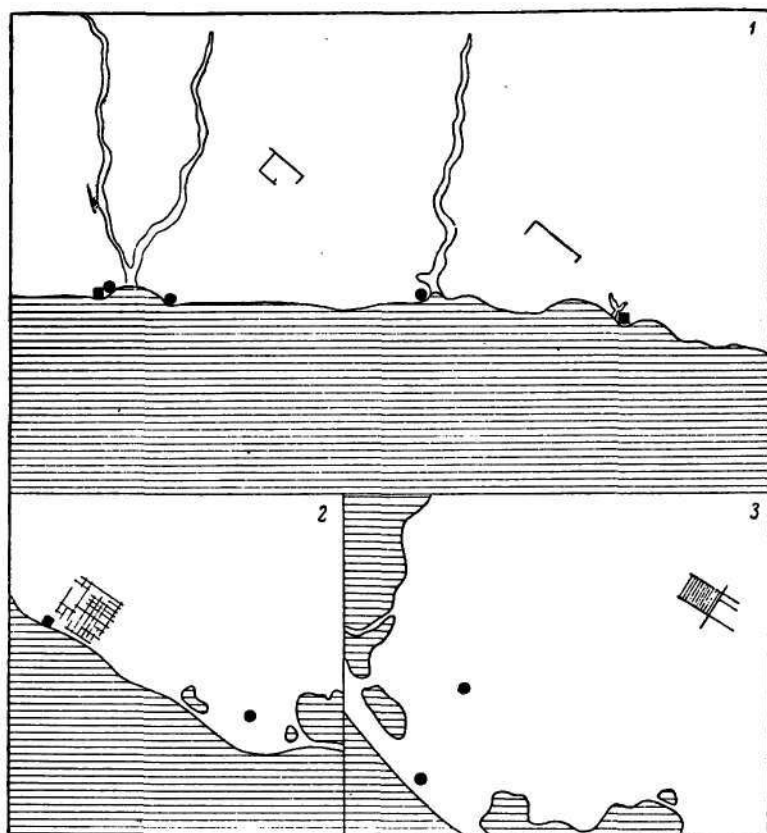

Рис. 54. Следы земельных наделов в районе городищ Кульчужского — Тарпанчи (1); Аирчи (2); сел Поповки — Крыловки (3). Схемы.

сохранились остатки каменных оград наделов или плантажных стен, возводившихся из удаленного с полей камня.

Все зафиксированные наземной разведкой или обнаруженные в результате дешифрирования аэрофотоснимков следы в виде обрывков межевых стен, ограждавших отдельные поля и наделы, как говорилось (с. 53), имеют правильную ортогональную планировку и ориентацию, соответствующую ориентации систем наделов на пригородных землях Херсонеса и Калос Лимена. Наделы располагались вблизи населенных пунктов, независимо от типа поселения, либо примыкая к ним, либо находясь на некотором удалении, но нигде они не отстоят далее 2—4,5 км от линии берега (район Окуневки—Лазурного и Поповки—Крыловки). Обычно же они обнаруживаются в зоне 1—1,5 км ширины вдоль морского побережья (например, Ойрат, Акчи-Сарай, Аирчи, Джангуль). Система межей, просматривающаяся на площади около 50—53 га (~670—700×730—750 м) и расположенная к востоку и северо-востоку от поселения Аирчи у с. Витино, выявлена К. В. Шишкиным по аэрофотосъемке. Межи начинаются непосредственно от поселения (судя по размерам, это была, по-видимому, отдельная усадьба) и, пересекаясь под прямым углом, делят территорию на прямоугольные участки размерами примерно по 100—120×50—55 и ~50×60 м, т. е. примерно на обычную величину полей внутри наделов на городских землях (рис. 54, 2). Вся система ориентирована углами по сторонам света. Общая площадь, разделенная на поля, соответствует приблизительно величине двух обычных наделов херсонесской городской округи или, соответственно, шести наделам Калос Лимена и двенадцати «старого» Херсонеса. Один надел размерами 310—320×550—575 м выявлен К. В. Шишкиным в 4,5 км к северо-востоку от

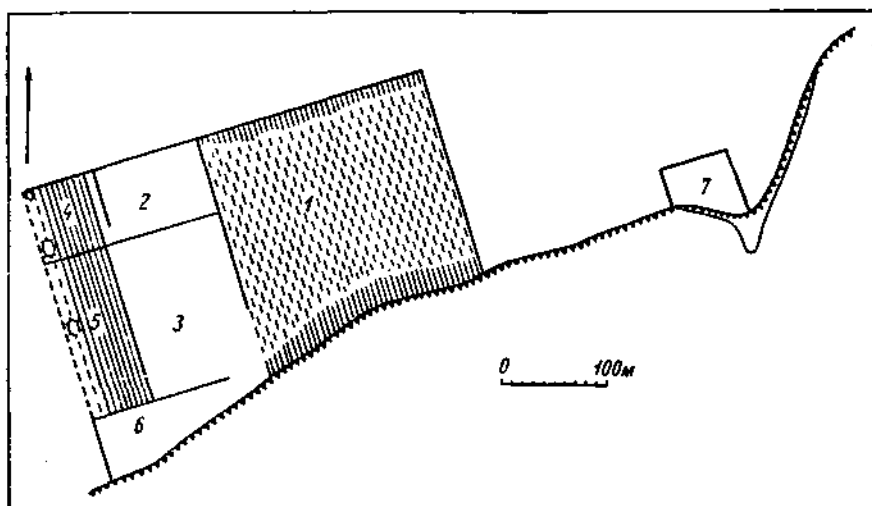

Рис. 55. Земельный надел и усадьба у мыса Ойрат.

1—6 — участки (1, 4, 5 — виноградники); 7 — усадьба.

Южно-Донузлавского городища (рис. 54, 3). Он ориентирован по длине с северо-запада на юго-восток и разделен на поперечные поля шириной около 50—53 м каждое. К востоку от него заметны следы еще одного надела, по-видимому, такой же величины, но с несколько иной внутренней разметкой. Сильно разрушенный земельный участок, подобный предыдущим как по площади; так и по ориентации сторон, находился между поселениями Окуневка I и Лазурное (Джага-Кульчук), в 1,5 км от берега моря (рис. 54, 1). Незначительные остатки его межевых стен едва-едва улавливаются на поверхности почвы. В уникальной сохранности дошел до наших дней надел у мыса Ойрат, расположенный рядом с крупной сельской усадьбой, время постройки которой датируется по материалу 2-й половиной—концом IV в. до н. э. (рис. 55). Территория этого строго прямоугольного надела была нарезана на 6 участков различной величины. 3 из них занимали виноградники. Современная площадь надела составляет около 9 га, но, учитывая скорость абразии берега в районе мыса Ойрат (см. с. 19), можно с достаточной долей уверенности реконструировать его первоначальную величину — около 13 га. Участок у мыса Ойрат, имеющий все основные черты внутреннего устройства херсонесских городских наделов на Гераклейском полуострове и участков в окрестностях Калос Лимена, подробно опубликован [Щеглов, Маликов, 1963; Щеглов, 1965, 1977; см. также: Wasowicz, 1972], поэтому его описание я опускаю.

По остаткам размежевания можно предполагать, что возле поселений, являвшихся отдельными укрепленными или неукрепленными усадьбами, такими как у мыса Ойрат, или Марьино I, находилось только по одному наделу. Поселения, состоявшие из группы крупных усадеб, типа Панского I или Южно-Донузлавского, очевидно, владели территорией, размежеванной на систему участков. Тот же принцип распределения земли, похоже, существовал и у третьего типа населенных пунктов (см. с. 54), представлявших собой комплекс из укрепленного и неукрепленного поселений. На это указывают следы межевых стен, проложенных в ортогональной системе близ городищ и поселений Тарпанчи и Джан-Баба. Однако ни величины отдельных наделов, ни их количества установить здесь нельзя.⁹

⁹ Как были организованы земли укреплений типа «Чайки» — неизвестно, но можно предполагать, что их устойство вряд ли отличалось от установленного принципа размежевания. Так, к северу от Кульчукского городища выявлены остатки земельного надела того же типа, длиной 850 м (рис. 54, 1 сл.).

Открытые в прибрежной зоне между Керкинитидой и Калос Лименом остатки размежевания показывают, что, в отличие от окрестностей городов, где земля нарезалась на стандартные участки, примерно равной величины, величина отдельных наделов на остальной территории была подвержена большим колебаниям. Но если сравнить между собой площади земельных наделов рассмотренного района и площади наделов на городских землях, приняв за единицу величину наименьшего стандартного надела на Маячном полуострове, то выясняется, что они находятся в кратном соотношении:

Локализация наделов	Площадь надела (в га)	Кратность
«Старый» Херсонес	4.4	1
Калос Лимен	8.8	2
Надел у мыса Ойрат	13	3
Надел в р-не Лазурного—Окуевки I	18	4
Надел в р-не Южно-Донулавского поселения Херсонес	18	4
Херсонес	26.5	6
Аирчи	53	12

Отсюда следует, что на всей территории хоры Херсонесского государства (а не только в окрестностях подчиненных Херсонесу городов, как это умозрительно предполагал В. Д. Блаватский [1953, с. 25, 29, 62]) была принята единая система размежевания, базировавшаяся на единой системе мер [Щеголов, 1971 — ср. 1977]. Херсонесская полисная система организации сельскохозяйственной территории во всем исследуемом районе, не зависящая от типов поселений, может рассматриваться как показатель существования обязательного и строго регламентированного государственного контроля за распределением земли, осуществлявшегося Херсонесом, а следовательно — о полной экономической и политической зависимости от последнего населения Северо-Западного Крыма. Развивая эту гипотезу далее, необходимо признать, что все типологически разные поселения (в том числе и те, которые по своему характеру и материалу могут считаться варварскими или со смешанным греко-варварским населением — см. гл. II) были специально организованы полисом с целью непосредственной эксплуатации аграрной территории. Это достаточно хорошо подкрепляется излагающимися фактами (см. гл. I—III), особенно — топографией поселений и ее взаимосвязью с природными факторами, а также совокупностью материалов I стратиграфического горизонта.

ОРГАНИЗАЦИЯ АГРАРНОЙ ТЕРРИТОРИИ ПОЗДНЕСКИФСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Как была организована земледельческая территория Керкинитиды и Калос Лимена после захвата их скифами, неизвестно. Разрушенные в предшествующий период, загородные усадьбы не восстанавливались. Система межевых оград наделов хотя и оставалась в общем, по-видимому, в прежнем виде, но использовались ли и как использовались сами участки — археологическим путем установить не представляется возможным. На некоторых наделах в окрестностях Калос Лимена в сборах попадались отдельные образцы керамики рубежа и первых веков н. э.; на наделе 7 зафиксирован факт разборки плантажных стен (не датированный материалом). Но связано ли все это с последующей сельскохозяйственной деятельностью скифов или нет, утверждать нельзя.

По материалам аэрофотосъемки можно предполагать, что херсонесская система размежевания земель, прилегавших к другим поселениям Северо-Западного Крыма, была полностью уничтожена вместе с населенными пунктами и впоследствии заменена другой. Так, например, ортогональная сеть межей возле поселения Аирчи перекрыта внешними ограждениями ниже-

Рис. 56. Схема огражденной территории у городища и поселений Тарпанчи.

днепровского типа, которые могут быть отнесены только к возникшей здесь скифской крепости. Такие же линии внешних ограждений зафиксированы и возле других скифских крепостей: Тарпанчи (рис. 56), Джан-Баба, Владимировка.

К. В. Шишкин, изучая топографию поднескифских городищ на Нижнем Днепре по крупномасштабной аэрофотосъемке, установил, что прилегающая к поселениям территория внутри внешних оград была разделена на серию мелких участков неправильной формы [Шишкин, 1966] и предположил, что они являлись скорее всего земельными наделами. Принимая во внимание относительно правильную планировку застроенной части городищ, установленную аэросъемкой, наземными разведками и раскопками, а также то обстоятельство, что территория, на которой обнаружены указанные участки, не имела построек (что проверено раскопками на Гавриловском городище), можно считать, что предположение К. В. Шишкина наиболее вероятно. А если это так, то вполне допустимо, что аналогичные участки могли существовать и на огражденных землях, окружавших скифские поселения Северо-Западного Крыма, типологически близкие Нижнеднепровским городищам. Косвенным подкреплением сказанному служат размеры примыкавших к населенным пунктам огражденных земель в сопоставлении их величины с площадью самих поселений и пересчете общей площади земельных угодий, приходящейся на 1 га застроенной части поселения. Как видно из приведенных ниже данных, эта величина для трех поселений, на которых выявлены внешние ограждения, остается постоянной и составляет около 40—50 га.

Поселение	Общая площадь поселения (в га)	Огражденные земли (в га)	Приходится земли на 1 га поселения (в га)
Аврчи	0.5	25—26	50
Джан-Баба	0.5	25	50
Тарпанчи *	3	120	40

* Городище и два неукрепленных поселения (восточное и западное) составляли единый населенный пункт.

Напомним, что в предшествующий период на 1 га территории Калос Лимена приходилось около 100 га размежеванных земель. Означают ли полученные в таблице цифры, что общая площадь возделываемых земель в Северо-Западном Крыму сократилась после его перехода к скифам, сказать нельзя, так как данных для сравнения все же недостаточно, особенно это касается предыдущего этапа. С другой стороны, перечисленные городища составляют более $\frac{1}{3}$ известных здесь скифских крепостей. Маловероятно, чтобы земельные угодья в других аналогичных поселениях могли иметь другую структуру. На это указывают и следы внешних ограждений у Владимирского поселения. Вероятно, о сокращении обрабатываемой территории у городища Аирчи после возникновения скифской крепости на месте херсонесского поселения свидетельствует то, что прилегающая к городищу первоначальная ортогональная система межей составляла $50 \div 53$ га против $25 \div 26$ га огражденных позднее земель.

ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР

Основными сельскохозяйственными культурами Северо-Западного Крыма, как показывает совокупность полученных археологических материалов, были зерновые и виноград, возделыванию которых особенно способствовали благоприятные для них почвенно-климатические условия (см. гл. I).¹⁰ Первое место, бесспорно, занимало выращивание злаковых. Не случайно в текст херсонесской присяги включен специальный параграф, регламентирующий вывоз и торговлю хлебом, поступавшим с «равнины». Производство зерна на «равнине», как следует из упомянутого места присяги, имело особо важное значение для экономики херсонесского полиса, и уже поэтому можно было предполагать, что оно являлось главной отраслью сельского хозяйства Северо-Западного Крыма. Вероятно, такая же ситуация сохранилась и в последующий — скифский период истории района. Рассмотрим эти положения на твердой почве археологических фактов.

Зерновые культуры I. Палеоботанические материалы. Массовые находки обуглившихся зерен злаковых происходят из всех четырех раскапывавшихся поселений на Тарханкутском полуострове (Беляус, Тарпанчи, усадьба у бухты Ветреной на землях Калос Лимена, Панское I),¹¹ а также из городища «Чайка». Наиболее ранние комплексы, содержащие зерно, датируются в пределах первой четверти-первой половины III в. до н. э. (зерно в пифосах на усадьбе у бухты Ветреной и из усадьбы У6 на поселении Панском I). К рубежу III—II вв. относится находка обугленных зерен в раздавленных амфорах, обнаруженных в греческом здании, сооруженном в III в. на месте предшествовавшего херсонесского укрепления на городище «Чайка» [Яценко, 1971]. По-видимому, к рубежу III—II или первой половине II в. до н. э. принадлежит зерно из ямы в одном из помещений беляусской башни [Дашевская, 1969].¹² Наконец, ко II в. до н. э. (вероятно, не ранее его середины) следует относить запасы зерна — пшеницы и ячменя, — открытые у стен скифской крепости на городище Тарпанчи и лежавшие двумя кучами на глинобитном полу зернохранилища [Щеглов, 1961; 1963; 1967a]¹³. Таким об-

¹⁰ Пшеница и виноград и в настоящее время — две ведущие культуры Северо-Западного Крыма.

¹¹ Недавно к ним прибавилась находка злаковых на поселении Владимирова (Масляны) в урочище Чеголтай (раскопки В. А. Латышевой) [Ягушевич, 1976].

¹² Судя по находке на ее дне горла родосской амфоры с клеймом, датированным Пергамским комплексом.

¹³ С датировкой, основанной на стратиграфии и археологическом комплексе, резко не совпадают датировки по C^{14} , проведенные в разных лабораториях [Бутомо, 1963; Фирсов, 1976]; правда, они не совпадают и между собой. Вот эти даты (все они опубликованы без учета поправок в соответствии с кривой Зюсса):

РУЛ-314	1480 ± 55	TIn-2	1975 ± 50	СОАН-232	1790 ± 25
TIn-2A	1670 ± 50	ИМСОАН-27	1680 ± 60	СОАН-232 а	1790 ± 40
				СОАН-232 (ЛГУ)	1800 ± 60

разом, находками представлены 2 хронологических этапа истории Северо-Западного Крыма — второй и третий (см. гл. II). Для последнего этапа палеоботанические материалы в массовом количестве пока не обнаружены. В нашем распоряжении не имеется опубликованных детальных анализов всех перечисленных образцов. Но и из того что есть, можно сделать определенные заключения. По устному сообщению И. В. Яценко, обугленное зерно из раскопок здания III в. до н. э. на городище «Чайка» было пшеницей. Обугленный материал из заполнения ямы в белаусской башне, по приведенному О. Д. Дашевской [1969а, с. 89] определению Н. А. Кирьяновой, состоял главным образом из мягкой пшеницы со значительной примесью проса и единичными зерновками ржи. Пробы зерна из Тарпанчи исследовались мною, комиссией ВИР¹⁴ и З. В. Янушевич [1976]. Проба 1959 г., по моему подсчету, содержала мягкую пшеницу — *Triticum aestivum* L. — 89.5%, ячмень — *Hordeum* sp. — 9.5% и сорнополевую рожь — *Secale cereale* L. — 1%. Следующая проба взята с того же участка из раскопок 1960 г. По заключению комиссии ВИР видовой состав ее такой же (количественный состав не устанавливался), в севообороте была озимая и яровая культура. Кроме того, в образце выявлены единичные зерна сорняка гречишки вьюнковой — *Polygonum convolvulus* L. Третья проба из тех же раскопок состояла, по определению З. В. Янушевич, в основном из пшеницы, представленной двумя видами, мягкой — *Tr. aestivum* и карликовой — *Tr. compactum* Host., и определенной ею как популяция *Tr. aestivo-compactum* — 98.0%, пленчатого многорядного ячменя — *H. vulgare* L. — 1.5%, сорнополевой ржи — *S. cereale* — 0.5%, а также единичных зерновок ячменя голозерного — *H. vulgare* L. и бутылковидного — *H. lagunculiforme* Vacht. s. str. Семян сорных растений не обнаружено. Предварительный просмотр обугленного материала из пифосов на усадьбе у бухты Ветреной показал, что в кладовой хранилась мягкая пшеница со значительной примесью зерновок ржи. Два образца из раскопок здания У6 на поселении Панском I, исследованные З. В. Янушевич [1976], оказались чрезвычайно близкими как по видовому, так и по количественному составу. Первая проба была взята из раздавленной херсонесской амфоры, находившейся в складском помещении 3 вместе с другими амфорами и небольшим пифосом, в которых хранилось зерно. Обугленное зерно представляло смесь из ржи, форма и размеры зерновок которых близки к виду сорнополевой ржи, и пшеницы *Tr. aestivo-compactum*. Основным компонентом в образце является рожь. В количественном отношении она составляет 81.9%, остальные 18.1% представлены пшеницей. В примесях выделены единичные зерновки пленчатого многорядного ячменя, несколько зерновок типа *Tr. durum* Desf. (твердой пшеницы) и по одной зерновке пшеницы-однозернянки — *Tr. monococtum* L. и двузернянки — *Tr. dicocctum* Schrank. Семена сорняков отсутствуют. Второй образец находился в лепном котле, стоявшем на полу пом. 13. Его состав: рожь типа сорнополевой *S. cereale* — 72.6%, пшеница *Tr. aestivo-compactum* — 27.4%, ячмень пленчатый многорядный — единичные зерновки, ячмень голозерный — 2 зерновки, зерновки типа *Tr. durum* — 3 шт. и одна зерновка, напоминающая однозернянку. Семян сорных растений нет. Оба последних образца впервые в причерноморском материале дали столь высокое содержа-

Такую же картину (омоложение примерно на 3 столетия) дали результаты радиоуглеродного анализа зерна из закрытого, твердо и бесспорно датированного комплекса здания У6 на поселении Панском I (ЛЕ-919). Чем объяснить такое устойчивое омоложение дат C^{14} для материалов III и II вв. до н. э. из изучаемого района — не берусь судить. Это дело специалистов по радиохронологии. К сожалению, в своей книге Л. Ф. Фирсов [1976], вероятно не разобравшись в археологическом материале, не привлек тот материал, в частности из раскопок 1966 г., который противоречит его интерпретации, и в результате предложил искаженную и неаргументированную историческую реконструкцию.

¹⁴ В нее входили М. М. Якубцинер, В. Н. Лысов, М. И. Руденко, Н. Р. Иванов, З. А. Лузина и Т. А. Орехова.

ние ржи (~ 73—82%) в посевах пшеницы для начала первой половины III в. до н. э.¹⁵

Изложенные материалы позволяют сделать ряд выводов. Главной зерновой культурой, возделывавшейся на той части хоры Херсонеса, которая находилась в Северо-Западном Крыму, была мягкая пшеница, или, по З. В. Янушевич, популяции из мягкой и карликовой пшениц — *Tr. aestivo-compactum*. Популяции *Tr. aestivo-compactum* характерны и для посевов этого же времени на наделах в ближайших окрестностях Херсонеса, на Гераклейском полуострове [Янушевич, 1976], а также, если исходить из приводимых И. Т. Кругликовой материалов, на Боспоре 2-й половины III в. н. э. (поселение Семеновка) и, видимо, более раннего периода — I в. до н. э. (сельскохозяйственная усадьба под Мирмекием, где найденное обугленное зерно состояло из *Tr. vulgare* L. и *Tr. compactum* с примесью *S. cereale*) (Кругликова, 1975). Мягкая пшеница *Tr. vulgare*, *Tr. aestivum*, как одна из важнейших хлебных культур, известна в находках на античных памятниках Крыма и Северного Причерноморья вообще начиная с VI в. до н. э. [Флякбергер, 1940; Никишин, 1948; Анфимов, 1951; Кирьянов, 1962; Кругликова, 1975; Янушевич, 1976]. Ведущее значение в севообороте Северо-Западного Крыма популяции *Tr. aestivo-compactum* сохраняли и после того, как эта территория перешла к скифам, во всяком случае на протяжении II в. до н. э. Что касается предположения братьев Котт, основанного на сообщении Теофраста о яровой и озимой понтийской пшенице [Theophr., VIII, 4, 5] о том, что яровая понтийская пшеница была твердой пшеницей [Cotte et Cotte, 1912], то оно не подтверждается всей совокупностью конкретного археологического материала рассматриваемого времени, происходящего из различных памятников Северного Причерноморья. Реальное присутствие *Tr. durum* в посевах, насколько мне известно, засвидетельствовано только для IV в. н. э. раскопками Н. И. Сокольского в азиатской части Боспора (поселение Батарейка I) [Кирьянов, 1962]. Поэтому вывод И. Т. Кругликовой о том, что данные Теофраста о твердой пшенице подтверждаются находками на боспорских поселениях, противоречит приводимому ею же фактическому материалу, синхронному сообщению древнего автора. По-видимому, яровые и озимые посевы в северопонтийском регионе [ср.: Theophr., VIII, 4, 5—6], в том числе и в Крыму, выполнялись в основном мягкой пшеницей или популяциями *Tr. aestivo-compactum*, происхождение которых, вероятно, надо связывать с Кавказом [ср. Янушевич, 1976]. Существование яровых и особенно озимых посевов в Северо-Западном Крыму как в «херсонесский», так и в «скифский» периоды можно предполагать по результатам анализа палеоботанического материала. Практикование яровых посевов во II в. до н. э. косвенно подтверждается наличием в зерне семян сорняка *Polygonum convolvulus* L., обычно сопутствующего яровым посевам на старопашотных землях (Тарпанчи). На многолетние озимые посевы в начале—первой половине III в. до н. э. на старопашотных почвах (в почвенно-климатических условиях Северо-Западного Крыма они могли давать более высокие урожаи по сравнению с яровыми посевами) указывает преобладание сорнополевой ржи в образцах из поселения Панского I. У нас нет достаточных данных о преобладании посевов яровых над озимыми после перехода Северо-Западного Крыма в руки скифов, и общем балансе озимых и яровых культур в севообороте.

Особое значение для истории культурных растений имеет находка зерен злаковых на поселении Панском I, происходящих, очевидно, из одного урожая. Абсолютное количественное преобладание в данной популяции сорнополевой ржи (до 82%)¹⁶ по предположению З. В. Янушевич, могло произойти в том случае, если рожь, первоначально лишь засорявшая посевы

¹⁵ Еще более высокое содержание ржи — до 90—95% — отмечено в пробах из Владимировки (Маслины) [Янушевич, 1976].

¹⁶ См. прим. 15.

пшеницы, в озимых посевах на старопашотных землях постепенно переселила пшеницу и заняла господствующее положение [Янушевич, 1976]. Засорение посевов пшеницы небольшим количеством сорнополевой ржи (1—1,2%) отмечается в археологических материалах Северного Причерноморья постоянно на протяжении всей античной эпохи. Везде, начиная с VI в. до н. э., она присутствует как сорняк, сопутствующий пшенице. До настоящего времени начало введения ржи в севооборот как самостоятельной культуры на юге Восточной Европы, зафиксированное рядом находок значительных количеств чистого зерна в Танаисе и других поселениях на Нижнем Дону [Шелов, 1972], а также на городище Алма-Кермен в Юго-Западном предгорном Крыму [Высотская, 1961, 1972], можно было относить к первым векам н. э. Находка из поселения Панского I не только на несколько столетий вглубь отодвигает начальный этап выхода ржи в чистую культуру, но фиксирует и сам процесс превращения ее из сорнополевой в самостоятельное культурное растение.¹⁷ Таким образом, можно предполагать, что Северо-Западный Крым входил в область, в которой положено начало выведению культурной ржи. Этот ареал, по-видимому, включал в себя территории Северного Кавказа, Нижнего Дона и Крыма [ср. Менабде, 1948; Вавилов, 1967; Шелов, 1972; Кругликова, 1975; Янушевич, 1976]. Однако процесс выхода ржи в чистую культуру, протекавший в начале—первой половине III в. до н. э. на херсонесской хоре в Северо-Западном Крыму, был прерван вторжением скифов, сопровождавшимся разгромом сельских поселений и их земледельческой территории. Население возникших позднее скифских укрепленных поселений, судя по находкам из Тарпанчи и, возможно, Беляуса, снова вырабатывало типичные и для предшествующего периода чистые популяции мягкой пшеницы, или *Tr. aestivo-compactum*, в которых сорнополевая рожь присутствовала в виде незначительной примеси.

Производившаяся в Северо-Западном Крыму пшеница была сравнительно мелкой, как и вообще вся северопонтийская [Блаватский, 1953]. По Теофрасту [VIII, 4, 5], понтийская пшеница характеризовалась легковесностью. Плиний, описывая сорта пшеницы, взвозившейся в Рим, сообщает, что «самой легкой будет галльская пшеница, а также ввозимая из Херсонеса, модий которой не превышает двадцати фунтов, если вешать очищенным зерном» [Plin., NH, XVIII, 66]. На основании данных Плиния А. Жарде определил, что вес 1 гл пшеницы из Галлии и Херсонеса равнялся 74 кг [Jardé, 1925]. Экспериментальным путем установлено, что 1 л обугленного зерна из Тарпанчи должен был весить до биологического сгорания в среднем ~ 747 г, а следовательно 1 гл весил ~ 74.7 кг. Этим не только подкрепляется правильность расчетов А. Жарде, но и предположение, что Плиний, говоря о Херсонесе, имел в виду скорее всего Крымский полуостров, а не другой одноименный центр производства хлеба (например, Херсонес Фракийский).

Второй хлебной культурой, выращивавшейся в Северо-Западном Крыму, был ячмень. Отсутствие находок зерен ячменя в чистом виде на поселениях херсонесской хоры позволяет предполагать, что его посевы были крайне незначительны, но, судя по постоянным примесям зерновок ячменя в пшенице, они, по-видимому, должны были существовать. Это еще раз подтверждает, что пшеница, требующая лучшей земли, чем ячмень [Theophr., VIII, 9, 1], на хоре Херсонеса в рассматриваемой области была монокультурой. Удельный вес ячменя в севообороте, вероятно, увеличивается в последующий период, на что указывает находка большого количества зерна у стен скифской крепости на городище Тарпанчи, но он по-прежнему остается второстепенной культурой по отношению к пшенице. По-видимому, в малых количествах высевалось просо. Как говорилось выше, довольно много зерновок проса обнаружено только на Беляусе. На поселении Панском I в одном из раз-

¹⁷ «Если земледелец не вмешивается в процесс борьбы форм, то рожь весьма успешно и успешно размножается в популяциях мягких пшениц и сравнительно в короткий срок (3—5 лет) способна занять основной фон популяции» [Менабде, 1948].

Рис. 57. Железный наральныйник начала III в. до н. э. из поселения Панское I.

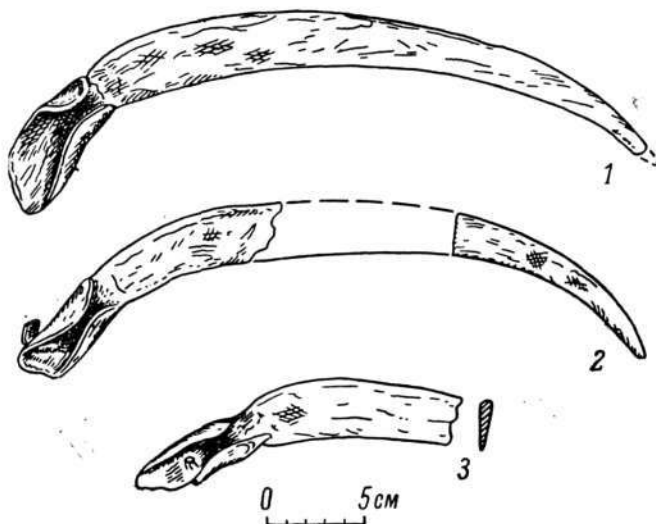

Рис. 58. Железные серпы начала III в. до н. э. из поселения Панское I.

давленных сосудов найдено немного просяной муки или каши (?).¹⁸ Не исключено, что удельный вес посевов проса, которое, как известно, характерно для скифского земледелия, мог увеличиться в севообороте со времени захвата территории Северо-Западного Крыма скифами.

Признаки, указывающие на существование посевов на старопашотных землях, одновременно могут служить косвенным основанием для предположения, что и в «херсонесский», и в «скифский» периоды на изучаемой территории применялась двупольная система земледелия. По мнению С. Ф. Стржелецкого [1951, 1961] и В. Д. Блаватского [1953], по двупольной системе велось полевое хозяйство в ближайших окрестностях Херсонеса. Однако если гипотеза об использовании двупольной системы на херсонесской хоре хорошо согласуется с практикой греческого полеводства, то предположение о существовании указанной системы на следующем хронологическом этапе вступает в противоречие с установившимся мнением о том, что у скифов скорее всего доминирующей была переложная система земледелия [Слободин, 1952; Возникновение и развитие земледелия, 1967]. Это противоречие, возможно, объясняющееся конкретно-исторической ситуацией данного региона, может быть снято только дополнительными исследованиями.

2. *Обработка хлебного поля, посев и уборка урожая.* Пахота на херсонесских землях в Северо-Западном Крыму производилась при помощи тяжелого грядильного рала. Первый в Причерноморье (а насколько нам известно, и в Средиземноморье) образец такого орудия, датирующийся концом IV—первой третью III в. до н. э., найден на поселении Панское I (рис. 57). Собственно, сохранились только металлические части рала, но так как они лежали *in situ*, рало довольно легко может быть реконструировано.¹⁹ Его внешний вид наилучшим образом передает бронзовая статуэтка из Ареццо [Gow, 1914], которая относится к VI в. до н. э. Рало этого типа, как полагают, позволяло

¹⁸ Определение З. В. Янушевич.

¹⁹ Это должно быть предметом отдельного исследования.

регулировать глубину вспашки и, следовательно, давало возможность осуществлять глубокую пахоту [ср.: Reiskeg, 1897; Сергеенко, 1958]. Посев, вероятно, производился вручную. Судя по чистоте анализированного зерна от диаспор сорняков, можно предполагать, что поля тщательно пропалывались. Жатва велась серпами. Железные серпы, найденные при раскопках поселения Панское I, имеют слабо загнутое лезвие (длина 29—30, ширина 3 см), плавно заостряющееся к концу, и незамкнутую втулку, обжимавшую деревянную рукоять, которая дополнительно крепилась железной заклепкой или гвоздем (рис. 58). И. Т. Кругликовой опубликован обломок аналогичного серпа, происходящего из поселения Холм А близ Киммерика и датированного примерно тем же временем [Кругликова, 1958, 1975]. По-видимому, серпы с втулками были распространены в Херсонесе и на Боспоре в IV—III вв. Опубликованный Н. В. Анфимовым [1951, с. 148 сл., рис. 1, 1] и В. Д. Блаватским [1953, с. 111, рис. 39] «меотский серп» IV—III или III—I вв. [ср. Блаватский, 1953, с. 111] из могильника около станции Елизаветинской на Кубани в действительности является стригилем. В ближайших окрестностях Херсонеса земледельческие орудия IV—III вв. до н. э. пока не обнаружены. Упомянутая А. Л. Бертье-Делагардом находка лемехов и серпов (формы их неизвестны) на окраине Гераклеяского полуострова, у д. Карань [Бертье-Делагард, 1906], очевидно, в сгоревшей усадьбе, как показала А. М. Гилевич на основании изучения монет, относится, вероятно, к концу II в. до н. э. [Гилевич, 1973; ср.: Блаватский, 1953, с. 106 — V—II вв.]. Железное орудие, найденное Н. М. Печенкиным на Маячном полуострове и опубликованное С. Ф. Стржелецким [1961], точно не датируется. Таким образом, все достоверные находки херсонесских сельскохозяйственных орудий указанного времени происходят из Северо-Западного Крыма.

Формы сельскохозяйственных орудий следующего этапа (применявшихся для обработки почвы и уборки урожая) из опубликованных материалов мне не известны. Находка обломка серпа на Южно-Донузлавском городище [Дашевская, 1961] не датирована автором. В раскопках Тарханкутской экспедиции на скифском городище и поселениях Тарпанчи и на других памятниках они обнаружены не были. Можно только предполагать по аналогии с другими памятниками Северного Причерноморья, что их формы претерпели некоторые изменения.

3. *Хранение и переработка.* На поселениях херсонесской хоры зерно хранилось в ямах, амфорах и пифосах. Хранение хлеба в ямах, которые по сообщению италийских агрономов назывались в ряде мест сирами, было широко распространено на периферии античного мира [ср.: Varr., I, 57, 2; Colum., I, 6, 15; Plin., XVIII, 306], в том числе и среди причерноморских греков и варваров. Ямы грушевидной формы выкапывались на тех поселениях, где материк слагался мощными четвертичными глинами и суглинками, например, на южном побережье Тарханкута (Тарпанчи, Беляус, Кульчукское, Джан-Баба) и некоторых памятниках Евпаторийского района (Аирчи, Южно-Донузлавское). Наиболее ранние хозяйственные ямы (IV в. до н. э.), вырытые еще до постройки каменных усадеб, открыты на Южно-Донузлавском городище [Дашевская, 1967, 1972]. Там же, где маломощные почвы подстилаются известняками, зерно хранилось в помещениях, в амфорах (Панское I, «Чайка») и пифосах (усадьба у бухты Ветреной, Панское I, возможно, «Чайка»). На усадьбе у бухты Ветреной и в здании У6 на поселении Панском I для этого были отведены специальные складские помещения. В последнем случае, как установлено раскопками, склад амфор с зерном помещался на втором этаже, по-видимому, для лучшей вентиляции и просушки запасов [ср., например, Varr., I, 57, 3; Colum., I, 6, 16]. В последующие хронологические этапы на скифских поселениях Северо-Западного Крыма засыпка зерна в ямы оставалась основным способом хранения хлеба. Открытое наземное хранилище, как говорилось (с. 71, 103), раскапывалось у стен скифской крепости на городище Тарпанчи. Оно представляло собой утрамбованную

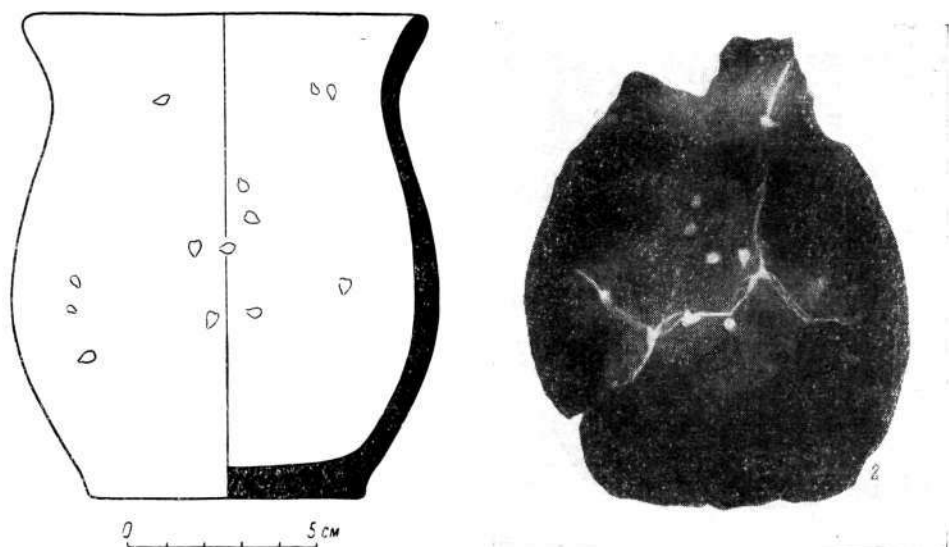

Рис. 59. Лепшой сосуд (1) и отпечатки семян винограда в его стенках (2). Рентгенография.

глинобитную площадку (на ней сохранились отпечатки следов босых ног), перекрытую легким навесом из наката тонких жердей, обмазанных сверху глиной и дополнительно покрытых слоем земли или дерном. На полу двумя кучами лежали пшеница и ямень. Вероятно, это был временный склад, куда хлеб свозился сразу после уборки и обмолота и где зерно выдерживалось какое-то время. Такой обычай, надо думать, существовал и в предшествующий период. О нем писал Теофраст: «Пшеницу и некоторые другие сорта ячменя жнут наотзелень, потому что зерно лучше молоть, пока оно не пересохло. Пшеницу и ячмень ссыпают в кучи, считая, что в куче они скорее нальются, а не сморщатся» [Theophr., VIII, II, 3—4]. В комментарии к переводу цитированного места М. Е. Сергеевко отмечает, что «это ни на чем не основанное убеждение в одинаковой мере разделялось и греческими, и итальянскими земледельцами» [Теофраст, 1951, с. 496, прим. 94]. По-видимому, сюда можно прибавить и скифов.

Для размола зерна использовались привозные прямоугольные жернова возвратно-поступательного действия, изготовленные из кристаллических пород — широко распространенный в эллинистическом мире тип мельниц. Их обломки и целые экземпляры найдены практически на всех исследованных памятниках Северо-Западного Крыма в слоях разного времени. Но в стратиграфических горизонтах I в. до н. э. — первых веках н. э. они встречаются во вторичном использовании, часто как строительный материал. В слое II в. до н. э. на городище Калос Лимен найден круглый жернов из местного известняка. Его диаметр около 40 см. На всех этапах истории поселений в домашнем хозяйстве использовались каменные ступы различных размеров, часто обнаруживаемые в помещениях как греческих, так и скифских домов.

Виноградарство и виноделие. 1. Палеоботанические материалы. Первые отпечатки семян винограда в степном Крыму выявлены с помощью рентгенографии лепшого сосуда из хозяйственной ямы № 2, находившейся на примыкающем непосредственно к городищу краю западного поселения Тарпанчи и относящейся к нижнему стратиграфическому горизонту (конец IV—первая половина II в. до н. э.) [Щеглов, 1961, 1961а]. Они были применены в глину (или попали туда случайно) при изготовлении сосуда (рис. 59). По определению А. М. Негруля семена относятся к культурному винограду *Vitis vinifera* L. По типу они полностью совпадают с зер-

нами, найденными на Гераклейском полуострове во время раскопок С. Ф. Стржелецким усадьбы надела № 25 [Негруль, 1960; Стржелецкий, 1961]. Однако в последнее время З. В. Янушевич [1976] выделила в тех же материалах из окрестностей Херсонеса семена дикого лесного винограда *Vitis sylvestris* Gmel. Обугленные виноградные косточки были обнаружены на дне трех пифосов, в которых хранилось вино, на усадьбе у бухты Ветреной в окрестностях Калос Лимена (см. с. 94). З. В. Янушевич, отмечая, что форма и размеры семян из этой усадьбы и Тарпанчи однотипны, полагает, что они все же близки к примитивным формам, по-видимому, взятым из местного крымского дикорастущего *Vitis sylvestris*, и что такая же картина наблюдается и на Гераклейском полуострове. Вероятно, что здесь, как и на хоре Ольвии, где семена винограда были найдены при раскопках поселения Захисова балка [Штителмак, 1956], происходило скрещивание местного дикорастущего винограда с завезенными культурными сортами [ср. Негруль, 1960; Янушевич, 1976]. Так или иначе, но описанные палеоботанические материалы из Тарханкутского полуострова позволяют достаточно уверенно предполагать, что культура винограда в Северо-Западном Крыму пришла в вполне сложившемся виде из окрестностей Херсонеса во второй половине — конце IV в. до н. э., в период освоения херсонесцами этой территории, и — как будет показано ниже — в дальнейшем выращивание винограда продолжалось, по-видимому, и тогда, когда земли этого района перешли к скифам, вплоть до окончательного прекращения жизни на поселениях.

2. *Устройство плантажа.* Остатки виноградных плантаций выявлены в окрестностях Калос Лимена и у мыса Ойрат на землях, каменистые почвы которых аналогичны почвам Гераклейского полуострова. Поэтому и агротехнические приемы, практиковавшиеся здесь, были такими же, какие наблюдаются в ближайших окрестностях Херсонеса и подробно описаны С. Ф. Стржелецким [1961]. Соответственно и затраты необходимого труда для подготовки и последующей обработки подобных участков выше, чем на легкообрабатываемых почвах, составлявших основную часть культивировавшейся территории в Северо-Западном Крыму (см. с. 23 сл.). Так, для очистки всей площади надела у мыса Ойрат от камня и сооружения оград и плантажных стен потребовалось удалить из почвы и уложить в стены более 5.5 тыс. куб. м камня, на что надо было затратить как минимум более 1100 человек-дней, или 3—4 месяца самой напряженной работы для 10 человек [Щеглов, 1977]. Вынутый камень шел на постройку оград участков, а также стен виноградного плантажа, которые одновременно являлись своеобразными конденсаторами влаги, передающими ее затем корневым системам растений. Как и на наделах близ Херсонеса, на Тарханкуте плантажные стены прокладывались через весь участок параллельными рядами через каждые 2 (наделы Калос Лимена, участок у мыса Ойрат), 3.5 (Калос Лимен) или 5 (Ойрат) метров (рис. 60—61). Наиболее распространенная толщина плантажных стен 0.5—0.6 м. Обычная для Гераклейского полуострова толщина в 1 м встречается только на двух участках надела у мыса Ойрат. Плантажные стены складывались из 1—2 рядов камня, уложенного плашмя, и, за редкими исключениями, не превышали 0.1—0.2 м в высоту (рис. 61). Можно предполагать, что на плодородных мощных каштановых почвах и черноземах, подстилающихся глинами и суглинками (например, на южном побережье Тарханкутского полуострова), землю под виноградники обрабатывали ямками, подобно тому, как это делалось в Херсонесе [Стржелецкий, 1961] и Помпеях [Jashemski, 1968, 1970, 1973, 1973a] на участках с плодородным и мощным почвенным слоем. Раскопками С. Ф. Стржелецкого на различных участках херсонесских виноградников на Гераклейском п-ве показано, что виноградные кусты высаживались квадратным способом с расстоянием между их центрами 1.4 м (расстояния между краями лунок, имевших диаметр ~ 0.4÷0.5 м, составляли ~ 1—1.1 м). Это позволяло выращивать около 5000 кустов на 1 га [Стржелецкий, 1961]. Тот же способ посадки практиковался и на остальной территории хоры Херсонеса в Северо-Западном Крыму и, очевидно, как наи-

Рис. 60. Плантаж на наделе у мыса Ойрат. Общий вид.

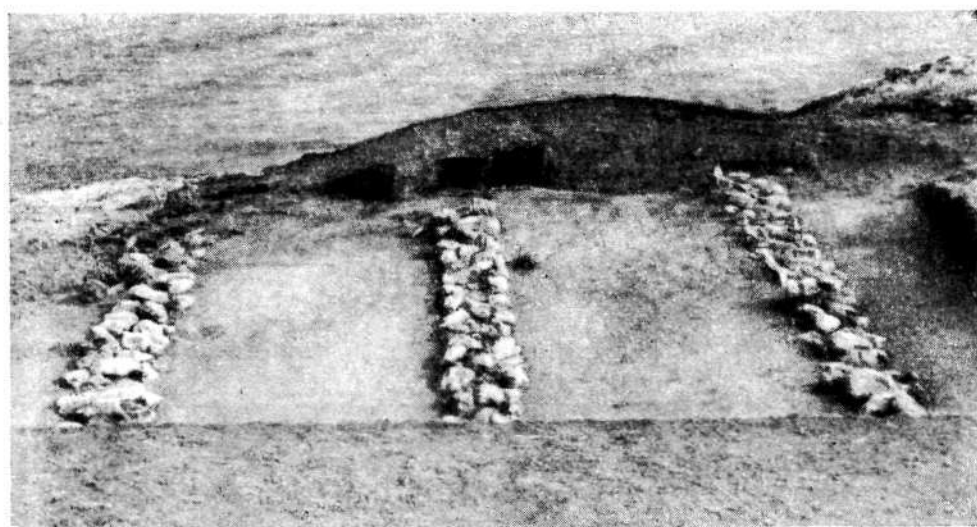

Рис. 61. Плантажные стены виноградника на наделе у мыса Ойрат.

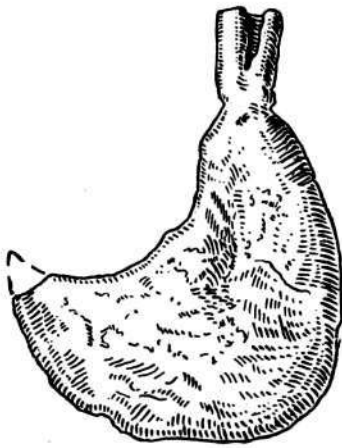

Рис. 62. Виноградарский нож из городища «Чайка». Железо.

более рациональный²⁰ был вообще широко распространен в античном мире. На превосходно раскопанном почти полностью В. Яшемски винограднике в Помпеях выявлена аналогичная система посадки с расстоянием между кустами ~ 1.2 м [Jashemsky, 1970, 1973, 1973a].

3. *Другие данные.* Виноградные плантации существовали и возле других поселений. Об этом можно судить по относящимся к разному времени находкам виноградарских ножей, целых и фрагментированных, употреб-

лявшихся при формовке лозы (рис. 62): на городище «Чайка» [Карасев, 1965] и Южно-Донузлавском городище [Дашевская, 1967]. Первый из них датируется IV—III вв. до н. э., второй — началом н. э. Пока неизвестно, были ли крупные стационарные винодельни в городах и на других поселениях Северо-Западного Крыма (подобные винодельням на усадьбах Гераклеяского п-ва и Мирмекия), но переносные давилки существовали, судя по находкам тарапанов на Южно-Донузлавском городище и Беляусе [Дашевская, 1967, 1969]. Тарапан из Беляуса относится к I в. н. э. В здании У6 (Панское I) обнаружен груз винного пресса, правда во вторичном использовании в закладе 1-й половины III в. до н. э. Все изложенное позволяет прийти к выводу, что культура винограда и связанное с ней виноделие существовали в Северо-Западном Крыму на протяжении всего рассматриваемого периода.

Урожайность и объем производства. При попытках определения урожайности и объема производства сельскохозяйственных продуктов необходимо отдавать отчет в том, что все построения базируются на довольно зыбкой основе — решаемая задача имеет множество неизвестных. Труднее всего говорить о производстве хлеба. Площадь посевов зерновых неизвестна. Их средняя урожайность — тоже. Сообщение Страбона о том, что в равнинном степном Крыму поле, вспаханное любым плугом, *τρίαχοντα γούβ ἀποδίδωσι* [Strabo, VII, 4, 6], несмотря на все попытки толкования, все же остается дискуссионным [ср.: Guiraud, 1893; Billard, 1928; Блаватский, 1953; Gajdukevič, 1971; Стржелецкий, 1961; Кругликова, 1975]. Урожайность виноградников и выход вина с них тоже неизвестны. Попытки применить, даже с оговорками, сведения римских агрономов об урожайности итальянских виноградников к Северному Причерноморью [Блаватский, 1953; Стржелецкий, 1961] не могут быть признаны успешными; не годятся они впрочем и для расчетов, относящихся к Италии в целом [Щеглов, 1977]. Говоря о Боспоре, Страбон отмечает, что лоза здесь давала мелкие грозди и ее на зиму прикапывали [Strabo, II, 1, 16], поэтому кусты, возможно, формировались «врасстилку» [Блаватский, 1953; Гайдукевич, 1958]. Не исключено, что в Северо-Западном Крыму лоза могла формироваться таким же образом. Для реконструкции средней урожайности остается, следовательно, один путь — использование конкретных археологических фактов и информации о средней урожайности полей и виноградников степного Крыма в XIX—XX вв. [Щеглов, 1976, 1977].²¹ Как говорилось (с. 94), соотношение продуктов, хранившихся в кла-

²⁰ Современная норма посадки винограда в Крыму — 5102 куста на 1 га.

²¹ О том, что такие материалы допустимо использовать в историко-экономических реконструкциях для получения достаточно достоверных результатов, свидетельствуют как экспериментальные исследования В. М. Маликова, доказавшего прямую связь крымского виноградарства XIX в. со средневековым и античным виноградарством, так и расчеты Дж. Р. Мак-Гру, подкрепленные археологическими данными.

Рис. 63. Граффито на обломке чер-
нолакового сосуда V в. до н. э.
Керкинитиды.

довой усадьбы у бухты Ветреной, должно отражать их производство на наделе: до $7 \div 7.3$ тыс. л пшеницы (т. е. $\sim 5 \div 5.5$ т) и 2500 л вина. Средние нормы урожайности пшеницы в крестьянских хозяйствах степного Крыма в XIX в. колебались в пределах 8—13 центнеров с 1 га, а виноградуники Северо-Западного Крыма, учитывая современную урожайность и другие данные, могли в древности приносить доход, по-видимому, в $2000 \div 3000$ л вина с 1 га в год

[Щеглов, 1976, 1977]. Если принять эти данные за исходные, то допустимо предположить, что в условиях Тарханкута такой урожай пшеницы можно было получить с площади $\sim 5-7$ га, а выход вина примерно с $5 \div 6.5$ тыс. кустов винограда или с виноградника площадью не более 1.3 га. Полученные цифры хорошо согласуются с величиной стандартных наделов в окрестностях Калос Лимена (~ 8.8 га). Так, например, надел 4, соседний с усадьбой у бухты Ветреной (см. с. 91), разделен на два участка: в 5.7 и 1.3 га. Опираясь на приведенные расчеты, производство вина из среднего урожая на виноградниках у мыса Ойрат можно гипотетично оценить в $16500 \div 24500$ л или примерно $900 \div 1300$ херсонесских стандартных амфор [Щеглов, 1977].

О большом объеме производства зерна свидетельствует зернохранилище конца IV—III вв. до н. э. на Южно-Донузлавском городище, состоящее из нескольких десятков зерновых ям. Зерновая яма в беляусской башне имела объем ~ 30 гл и вмещала соответственно 2.25 т зерна. В раскрытой части хранилища на Тарпанчи было более 4.5 т пшеницы и ~ 270 кг ячменя. При этом надо учитывать, что раскопана лишь небольшая часть склада. По-видимому, даже приведенных материалов и расчетов, сколь бы они ни были гипотетичными, довольно, чтобы предполагать с достаточной долей уверенности о крупных масштабах производства хлеба в Северо-Западном Крыму в рассматриваемое время. Что же касается производства вина, то, вероятно, его количество вполне могло удовлетворять собственные потребности городов и поселений этого района. Излишки же его могли входить в общий торговый баланс Херсонесского государства.

На основании исследований в последние десятилетия можно говорить, что северо-западная часть херсонесской хоры стала хлебной житницей Херсонесского государства, которая, по-видимому, не только полностью обеспечивала хлебом Херсонес, но и позволила ему экспортировать его. Не случайно стремление сохранить монополию на главный продукт «равнины» прозвучало в тексте присяги. Не случайно также именно северо-западные владения Херсонеса стали первым и важнейшим объектом интересов Скифского государства. Можно думать, что именно колонизация Херсонесом земель Северо-Западного Крыма явилась одной из важнейших причин его быстрого и мощного экономического расцвета, наблюдаемого с конца IV в. до н. э., а их потеря, пагубно отразившаяся на экономике государства, сыграла немалую роль в общем упадке Херсонеса во II—I вв. до н. э.

ЖИВОТНОВОДСТВО

Остеологические материалы, добытые в процессе раскопок, позволяют судить о составе стада в различные периоды жизни поселений. На всех этапах разводился преимущественно мелкий рогатый скот (овцы, козы). Для конца IV—первой половины III в. до н. э. мелкий рогатый скот на поселении Панском I, например, составлял 81,65% от общего стада. В первые века н. э., вероятно, увеличивается поголовье крупного рогатого скота и свиней. Быки, очевидно, употреблялись во все периоды как основная тягловая сила при обработке полей и перевозках [ср.: Либеров, 1960]. Малое количество костей лошади в ранних слоях говорит о малом значении ее в хозяйстве поселений херсонесской хоры. В дальнейшем роль лошади несколько увеличивается. О земледельческо-скотоводческом характере позднекифских поселений свидетельствует большой процент в стаде свиней и коз. От домашней птицы найдены были только кости гуся (Тарпанчи, I в. до н. э.—II в. н. э.) и скорлупа куриных яиц (Панское I, IV в. до н. э.).

Остеологические данные из поселений Северо-Западного Крыма совпадают с материалами из других античных городов и поселений Северного Причерноморья как по составу стада в отдельные хронологические периоды, так и по временному его изменению.

Нет никаких конкретных доказательств вывоза из Северо-Западного Крыма продуктов животноводства, но я думаю, что его можно предполагать наряду с продуктами земледелия.

РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Добыча рыбы занимала важное место в экономике поселений Северо-Западного Крыма со времени их возникновения и до окончательного запустения. Наряду с предметами рыболовства при раскопках и зачистках на всех поселениях обнаружено большое количество костей и чешуи рыб. Они встречались во всех горизонтах культурного слоя, в засыпи помещений, в хозяйственных ямах (см. таблицу и рис. 64). Кроме рыбы, постоянны находки раковин съедобных моллюсков, огромного количества клешней и панцирей крабов; много также костей дельфинов.

Поселение	Кефаль	Карась	Камбала	Скат	Осетр	Дельфин
Владимировка	—	—	—	—	+	—
Панское	+	—	+	+	+	—
Калос Лимен	+	—	+	—	+	+
Караджинское	+	—	+	—	—	—
Джан-Баба	—	—	+	—	—	+
Тарпанчи	+	+	+	+	+	+
Лазурное	—	—	+	—	—	+
Кульчукское	—	—	+	+	—	+
Беляус	+	—	—	—	—	—
Южно-Донузлавское	+	+	+	—	—	+
Айрчи	+	+	—	—	—	+
Береговое	+	+	—	—	—	—
Кара-Тобе	—	+	—	—	—	+

Главным продуктом промысла была, несомненно, кефаль. Изучение ее чешуи из раскопок биолого-статистическим методом дало более широкое представление о ее добыче [Щеглов, Бурдак, 1965; Бурдак, Щеглов, 1966; Щеглов, 1969]. Вылавливалось преимущественно два вида кефали — сингиль (*Mugil auratus* Risso) и лобан (*M. saliens* Risso), причем в уловах количественно преобладал сингиль. Промысел был сезонным и осуществлялся примерно в те же сроки, что и сейчас, т. е. в основном весной и осенью во время миграций рыбы, когда она огромными косяками проходит вдоль берегов.

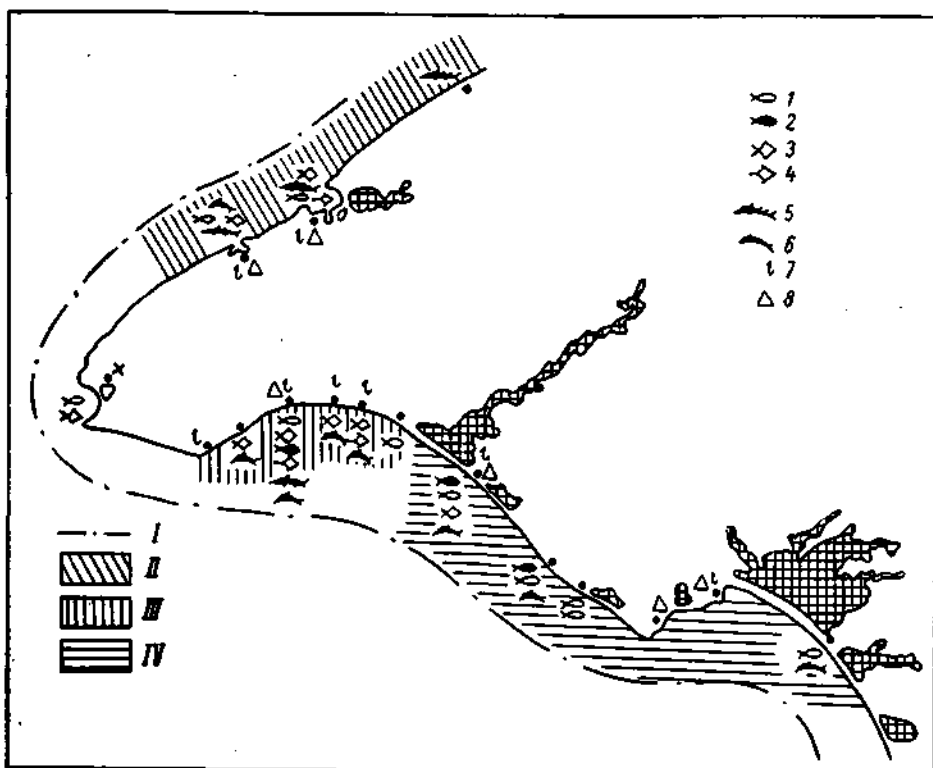

Рис. 64. Картограмма рыбного промысла по археологическим данным.

I — район добычи кефали; II — район значительного промысла осетровых; III — район значительного промысла камбалы; IV — район преимущественного промысла караса (ласкиря). Находки костей и чешуи: 1 — кефаль; 2 — карась; 3 — камбала; 4 — скат-лиса; 5 — осетр; 6 — дельфин. 7 — находки рыболовных крючков; 8 — находки грузил для сетей.

При этом осенний сезон ловли как кефалей, так и карася был более значительным. В исследованных образцах чешуи из весеннего и осеннего уловов больше всего чешуи принадлежало рыбам в возрасте трех и четырех лет. Это позволяет предположить, что промысел базировался на трех- и четырехлетках. Но такое соотношение возрастных групп в уловах говорит о значительной напряженности промысла кефалей и, следовательно, о высокой степени развития рыболовства. Сезонность и массовость промысла кефали, его интенсивность и напряженность, по-видимому, могут косвенно свидетельствовать о том, что рыба в больших количествах добывалась не только для удовлетворения собственных нужд, но и для продажи на вывоз. Возможно, в пользу этого предположения служат найденные на городище Беляус обломки херсонесской амфоры, разбитой в древности, с налипшей изнутри к стенкам сосуда чешуей кефали [Шеглов, 1969]. Не исключено, что в амфоре хранилась соленая рыба, предназначенная к отправке; правда, приготовленную таким образом кефаль, вероятно, держали в амфорах и для собственного потребления. Второе место после кефали занимала добыча морского караса (ласкиря) и камбалы. Вылавливались дельфины белобочки. Добывались моллюски — устрицы и мидии, а также крабы (*Eriphia spinifrons* L.). Для лова употреблялись сети и удочки. Часты находки рыболовных крючков и грузил для сетей, изготовлявшихся обычно из ручек амфор, обломков кровельной черепицы и камня. На месте производились также глиняные грузила пирамидальной формы. По-видимому, для ловли кефали использовались крупноячеистые сети. На это указывает полное отсутствие среди исследованной чешуи особей моложе одного года.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ПО ДАННЫМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Факт существования Керкинитиды к концу VI в. до н.э. прочно засвидетельствован сообщением Гекатея [fr. 153]. Как было показано выше (с. 30), город был основан на территории, не занятой оседлым земледельческим населением. Не известны здесь для этого времени и памятники кочевых скифов (хотя, согласно Гекатею, территория входила в состав Скифии). Такая ситуация позволяет предполагать, что колония была организована прежде всего с целью освоения прибрежных земель, а не ради посреднической торговли с варварами, хотя существование каких-то торговых контактов с кочевниками вполне вероятно и на раннем этапе.

В основном экономика ранней Керкинитиды базировалась, очевидно, на земледелии и торговле с центрами метрополии. Аграрный характер ее подкрепляется фактом существования загородных сельских усадеб. Вероятно, город рано освоил хору по крайней мере в радиусе трех километров от собственных стен. По аналогии со Страбоновым Херсонесом в Юго-Западном Крыму и Метапонтом в Лукании можно предполагать, что хора Керкинитиды с самого начала была разделена на систему наделов. На преимущественно земледельческое направление хозяйства указывает также наличие в городе культов, носящих аграрный характер, среди которых первое место занимали культы Деметры и Кибелы. Находки терракотовых изображений этих богинь, вероятно, изготовлявшихся в ионийских центрах, отмечаются М. А. Наливкиной [1959, 1970]. Немалое значение в экономике Керкинитиды имел промысел рыбы. Что касается собственных ремесленных производств, то о них пока нет никаких данных.

Керамика ранней Керкинитиды целиком привозная. Ее находками в городе и некрополе и определяется направление торговых связей этого поселения с другими античными центрами. На начальном этапе Керкинитиды была связана главным образом с ионийскими центрами, что позволяет предполагать ионийское происхождение самого города [Тюменев, 1955]. Попытки связать его с дорийской (гераклейской) колонизацией [Minns, 1913; Дашевская, 1970б] следует признать неудовлетворительными (см. с. 44 сл.). М. А. Наливкина в специальной работе, посвященной торговым связям Керкинитиды, отмечает находки хисских пухлогорлых амфор, обломков самосской посуды, терракот ионийского происхождения [Наливкина, 1959]. Большое место в торговом обороте занимали Афины; подавляющее количество чернолаковых и краснофигурных изделий, обнаруженных главным образом во время раскопок некрополя, изготовлено в Аттике [Наливкина, 1959]. Из причерноморских центров можно назвать только Ольвию по находке «дельфина» группы АРІХО, которую Л. П. Харко датировал серединой V в. до н.э. [Харко, 1964].

С конца V — начала IV в. начинается ввоз фасосских амфор. Количество фасосской продукции, вероятно, растет к середине IV в. и несколько снижается в третьей четверти столетия. В первой половине того же века поступают амфоры с «колесовидными» клеймами. Однако с начала IV в. на протяжении первых его трех четвертей главенствующее положение в торговле заняла Гераклея Понтийская, причем импорт вина в амфорах этого центра был относительно равномерным на протяжении всего рассматриваемого периода. Около середины IV в. начинается быстро растущий ввоз товаров в синопской клейменной таре [Брашинский, 1963]. Количество синопских клейм, найденных в Керкинитиде, занимает второе место после гераклейских. Кроме продукции, ввозимой в амфорах (вино, оливковое масло), Гераклея и Синопа экспортировали кровельную черепицу, находки которой, в том числе и клейменной, обычны для этого времени в Керкинитиде. В начале IV в. продолжался импорт черполаковой аттической керамики; появляются также изделия малоазиатских центров [Наливкина, 1959].

Примерно такова картина торговых связей Керкинитиды автономного периода, которые могли быть как непосредственными, так и опосредствованными (с перевалкой товаров в Ольвии, а с конца V в. и в Херсонесе Таврическом).

Что касается торговых морских путей, то на начальном этапе рассматриваемого периода (до конца V в.) они, вероятно, были каботажными и шли вдоль северо-западных и северных берегов Понта. Ближайшим торговым контрагентом и пунктом, куда могли заходить корабли, была Ольвия, существование постоянных связей с которой более чем вероятно.

С конца V в. до н.э. наблюдается определенный перелом в направлении экономических связей Керкинитиды: конийские центры торговли вытесняются понтийскими, в первую очередь Гераклеей, а затем и Синопой. Это явление, общее для всего Причерноморья, т.е. сложение единого внутрипонтийского рынка, как нам представляется, правильно объяснил И. Б. Брашинский, который считает, что стимулом к развитию широких экономических связей между понтийскими городами послужила блокада Черноморских проливов Афинами в период Пелопоннесской войны [Брашинский, 1968]. Рост черноморской торговли, освоение прямого морского пути от южнопонтийских берегов к берегам Крыма [Максимова, 1954, 1956; ср.: Гайдукевич, 1969], а также западного краткого пути, о котором говорит Псевдо-Скимн [785—786], образование в последней четверти V в. до н.э. (если эта дата верна) на юго-западной оконечности Крыма гераклейской колонии Херсонеса коренным образом отразилось не только на экономике, но и на всей дальнейшей истории Керкинитиды и всего Северо-Западного Крыма.

Именно основание Херсонеса Таврического явилось решающим фактором для направления дальнейшего пути развития Западного Крыма и в том числе интересующего нас района.

На начальном этапе существования Херсонес был небольшим городом, вероятно, со сравнительно небольшой сельской округой. Однако вряд ли верна тенденция преувеличения аграрного фактора и преуменьшения торгового, проявившаяся в работах А. И. Тюменева и С. Ф. Стржелецкого [Тюменев, 1950а; Стржелецкий, 1961; ср.: Щеглов, 1968], для раннего Херсонеса. Действительно, археологические материалы убедительно свидетельствуют об отсутствии стимулов для развития торговли Херсонеса с окружающими его таврами, регулярных торговых связей с которыми не было с самого начала [Тюменев, 1938]. Более того, можно предполагать напряженные, часто даже враждебные отношения между ними [Щеглов, 1964, 1968]. Но Херсонес стал важнейшим пунктом на пути наиболее напряженных потоков движения кораблей, что не могло не сказаться благотворно на развитии посреднической торговли [Доманский, 1965]. Поскольку под термином *εμπόριον* понимались не только специальная торговая фактория, но и всякий пункт морской торговли (RE 3532), надо думать, что Псевдо-Скилак (68) называет Херсонес около середины IV в. до н.э. *εμπόριον* именно во втором значении этого слова. Роль Херсонеса как транзитного пункта мор-

ской торговли на протяжении почти всей его истории хорошо показана А. М. Гилевич на нумизматическом материале [Гилевич, 1968].

К середине IV в. до н.э. Керкинитида, вероятно, оказывается связанной торговыми интересами более с Херсонесом, чем с Ольвией, поскольку первому необходим был хлеб, которым его не могла снабдить в достаточной мере собственная земледельческая база, а основной поток товаров шел теперь со стороны Херсонеса на север. Можно с уверенностью говорить о плаваниях гераклейских купцов со своими товарами в это время прямым путем через Черное море к Херсонесу и далее вдоль берегов Западного Крыма и Северо-Западного Крыма, через Керкинитиду, к Ольвии. Об этом свидетельствует находка остатков затонувшего корабля с грузом гераклейских амфор у оз. Донузлав [Блаватский, Петерс, 1967].

Наличие собственной земледельческой базы со специализированным виноградарско-винодельческим направлением и развитие посреднической торговли, очевидно, способствовало повышению экономического потенциала Херсонеса, который в своем развитии, надо думать, довольно быстро обогнал Керкинитиду. Не имеющий своей хлебной базы молодой полис, видимо, постоянно обращал свои взоры на плодородные земли Северо-Западного Крыма, где находилась Керкинитида, вероятно, ставшая основным и постоянным поставщиком хлеба в Херсонес.

Во второй половине—конце IV в. до н.э. в истории Западного Крыма наступил резкий перелом. Как я попытался показать во всех предыдущих главах настоящей работы на основании фактического археологического материала, во второй половине IV в. до н.э. Северо-Западный Крым, а точнее, вся его прибрежная зона, начиная от Сакского озера на юге и до Бакальской косы на севере, вместе с Керкинитидой, оказался в руках Херсонеса и подвергался усиленной колонизации. Освоение новых земель проходило в крупных масштабах (основание Калос Лимена и других укреплений). Херсонес превратился в крупный полис с обширными земельными владениями. Сам Херсонес (город) тоже вырос в несколько раз, во много раз возросла его земельная округа, охватывшая площадь в 10000 га. В городе начинают бурно развиваться ремесла: керамическое, металлообрабатывающее, красильное, каменотесное; идет интенсивное строительство жилых зданий и новой линии оборонительных стен; усиливаются монетные эмиссии; наблюдается расцвет изобразительного искусства. Ясно, что дальнейший подъем всех сторон жизни Херсонеса и колонизация Северо-Западного Крыма взаимосвязаны и обуславливают развитие всего полиса в целом. Попробуем объяснить начальный этап херсонесской экспансии.

О значении краткого морского пути в экономике города говорилось выше, но быстрый рост населения, обеспечивший экспансию, вызван был не только этим и, вероятно, не только естественным приростом, но, возможно, и новой волной переселенцев. Можно предположить, что она шла тоже из Гераклеи, но не исключен и иной поток, расположенный где-то в Западном Понте. Известна обстановка, которая сложилась там в третьей четверти IV в. до н.э. в связи с ростом могущества Македонской державы Филиппа.

В 340 г. Филипп начал осаду Византия, ход которой освещен в сочинениях Диодора [XVI], Полиена [IV, 2, 21], Плутарха [Dem, 17] и других авторов. Вполне допустимо, что в такой тревожной обстановке между 342 и 339 гг., да, пожалуй, и позднее, какие-то определенные группы жителей западнопонтских городов могли искать убежища в других городах, с которыми у них были ранее установившиеся связи. Такой прецедент, известный из Диодора [XX, 26], произошел немногим более четверти века спустя, когда из осажденной Лисимахом Каллатии тысяча граждан переселилась в Боспор, где они получили землю, разделенную на участки, и отдельный город для поселения.

Значительное увеличение населения Херсонеса позволило ему освоить территорию Гераклеяского полуострова, что, возможно, сопровождалось определенным подчинением окрестного местного населения. В пользу последнего можно привести мнение Д. М. Пипиди, который, разбирая херсонесский декрет в честь Диофанта, пришел к выводу, что полководец Митридата не подчинил окрестных тавров, а вернул их в подчинение, в котором они были раньше [Pipidi, 1959], а также группу, видимо, варварских поселений, расположенных за наделами Херсонеса на окраине Гераклеяского полуострова [Савеля, 1974; Шеглов, 1976]. Что касается предлагаемой С. Ф. Стржелецким даты размежевания херсонесской городской округи, — «рубеж IV—III вв., вероятнее, начало III в. до н. э.» [Стржелецкий, 1964], близкой к предложенной И. Н. Бороздиным (III—II вв. до н. э.) [Бороздин, 1925], то она, вероятно, завышена, на что указывает, в частности, изучение керамического материала на усадьбах [Кац, 1966]. На основании главным образом клейменных изделий В. И. Кац пришел к выводу, что строительство большинства херсонесских сельских усадеб происходило в последние десятилетия IV в. до н. э. Близкую дату (конец IV—III в. до н. э.) предлагал также Г. Д. Белов [1948], а В. Д. Блаватский отмечает в находках на одной из усадеб (раскопки 1928—1929 гг.) чернолаковую керамику IV в. до н. э. [Блаватский, 1953]. Кроме того, логика событий подсказывает, что прежде чем было проведено размежевание отдаленных территорий Херсонесского государства, должна была быть размежевана собственная сельскохозяйственная округа города.

Как теперь хорошо известно, на наделах Гераклеяского полуострова находились в основном виноградные плантации [Стржелецкий, 1961]. Нехватка хлеба (вероятно, даже острая) при сильно возросшем населении должна была определить и, очевидно, определила политику Херсонеса в отношении Северо-Западного Крыма с его плодородными равнинами. Теперь крупному городу это было сделать легче, чем несколько десятилетий тому назад.

Надо сказать, что общеполитическая обстановка, сложившаяся во второй половине IV в. до н. э. в Северном Причерноморье, чрезвычайно благоприятствовала проникновению Херсонеса в Северо-Западный Крым [Шеглов, 1967, 1968]. Это время вообще характеризуется крупными сдвигами и переменами в жизни черноморских обществ, в первую очередь в среде степного кочевого населения. Огромная держава Атея расползалась по швам, и скифам было не до греческих городов Крыма и своих подвластных территорий в Северо-Западном Крыму. Сам Атей и, вероятно, большая часть скифского войска были заняты не столь уж блестящими делами в Добрудже — своих крайних западных владениях [Iust, IX, 2]. После победы над трибаллами, о которой сообщают Фронтин [Strateg., II, 4, 20] и, видимо, Полиен [Strateg., VII, 44, I], Атей вел неудачные операции против тесневших скифов «истриан» и, как сообщает Помпей Трог в изложении Юстина, вынужден был даже обратиться за помощью к Филиппу Македонскому. Здесь, как известно, и была завязка скифо-македонского конфликта, закончившегося в 339 году победой Филиппа и смертью в бою девятилетнего скифского царя [подробнее см.: Шелов, 1965].

С востока в это же время начинается натиск сарматов [Смирнов, 1966; Шеглов, 1967; Мачинский, 1971], который также должен был отвлечь основные силы скифов от крымских дел.

Очевидно, в результате поражения скифов в 339 г. и усилившегося продвижения сарматов в степи между Доном и Днепром, скифское царство распалось, и в последней трети IV в. оно не представляло собой того могущественного образования, как несколько десятилетий тому назад, хотя и оставалось достаточно сильным. Ольвия сама испытала значительное потрясение в результате осады города Зопирионом в 331 г. [Macrob, Saturn, I, XI, 33] и даже вынуждена была обращаться за помощью к скифам. Интересы Боспора лежали в стороне от районов Западного Крыма.

Все это, на мой взгляд, позволяет понять, почему Херсонес смог подчинить себе прибрежную зону Северо-Западного Крыма [Шеглов, 1966].

Вряд ли подчинение Северо-Западного Крыма происходило мирным путем; тем более неверными кажутся предположения Л. А. Моисеева и Н. В. Пятышевой об аренде земель этой области у скифов [Моисеев, 1918; Пятышева, 1957]. Некоторый ответ на данный вопрос, а также вопрос о характере отношений между Херсонесом и Керкинитидой на раннем этапе херсонесской колонизации края дают монеты.

Еще А. Н. Зограф связал монетную чеканку Керкинитиды с непосредственным влиянием монетного дела Херсонеса. Два типа монет [Зограф, МИА, 16, табл. XXXVIII, 15, 16]: с изображением Ники на одной стороне и льва, терзающего быка — на другой, и с изображением головы богини в башенной короне — всадника, А. Н. Зограф отнес ко времени около середины IV в. до н.э. и к 340—330 гг. При этом монеты с Никой он сопоставил типологически с херсонесскими монетами, несущими изображение квадриги, управляемой Девой с факелом на одной стороне и коленопреклоненного воина на другой. Парадный характер херсонесских монет указанного типа неоднократно отмечался в работах нумизматов, указывавших, кроме того, на кратковременность и обильность выпуска [Зограф, 1927, 1951; Бертье-Делагард, 1912]. А. М. Гилевич пришла к выводу, что данные монеты и монеты Керкинитиды с Никой выпущены в одно и то же время — в начале последней четверти IV в. до н.э. и связаны эти праздничные выпуски с одним и тем же событием, а именно военной победой, как это и считал А. Л. Бертье-Делагард в отношении херсонесских монет [Гилевич, 1970]. Есть, по-видимому, все основания считать, что такой победой и был захват земель Северо-Западного Крыма, в котором самое непосредственное участие, очевидно, приняла Керкинитида.

Судя по монетной эмиссии Керкинитиды, она первоначально вошла в состав Херсонесского государства с сохранением автономии, вероятно, на правах союзного города. Но как показывает весь комплекс археологического материала, экономика и культура Керкинитиды были вскоре полностью поглощены и подчинены херсонесской.

Очевидно, вскоре после включения в состав своих владений Керкинитиды Херсонес начал проводить усиленную колонизацию всего северо-западного побережья Крыма. Мы не знаем конкретного хода этого процесса из-за полного отсутствия письменных источников, которые могли бы его осветить. Но имеющиеся сейчас в нашем распоряжении археологические материалы дают многое для его понимания и в определенной степени восполняют дефицит письменных документов.

Прежде всего совокупность фактов с несомненной очевидностью говорит об аграрном характере освоения новой территории. Необходимо отметить и такой факт, что херсонесские населенные пункты возникли на землях, не занятых оседлым земледельческим населением, т.е. практически на пустующих. Но это не значит, что недопустимо предположение об их захвате. Во всяком случае напряженность обстановки на первых порах, очевидно, сохранялась. Это явствует хотя бы из того, что Херсонесу пришлось создавать такие крупные укрепленные опорные пункты, как Калос Лимен и укрепления близ Керкинитиды (на городище «Чайка») и на Тарханкуте (Беляус, Кульчукское, Караджинское, Панское II, Владимировка). Правда, Калос Лимен — город, и он мог быть основан с целью определенного экономического ослабления Керкинитиды как самостоятельный порт. Но такие же функции могло нести и укрепление «Чайка», а также другие, например Караджинское городище. О напряженной же обстановке, сохранявшейся какое-то время, говорят и мощные башни укреплений Беляус и Панское II. Однако в дальнейшем положение, вероятно, стабилизировалось: вряд ли случайно на северной окраине хоры Херсонесского государства появляется крупное неукрепленное поселение, состоящее из группы усадеб (Панское I); неукрепленные усадьбы сооружаются в окрестностях Калос Лимена, а на

земледельческой территории Керкинитиды πόροι — дома-башни — перестраиваются в крупные незащищенные сельские усадьбы. Строительство неукрепленных сельских усадеб, отстоящих на значительных расстояниях друг от друга на обширной территории Северо-Западного Крыма, может свидетельствовать об уверенности жителей в своей безопасности, а следовательно, о каком-то периоде спокойной военно-политической обстановки в этом районе. Здесь, в Северо-Западном Крыму, по-видимому, некоторое время земельные владения были в большей безопасности, чем ближайшая земледельческая территория Херсонеса на Гераклейском полуострове, где неизвестны неукрепленные усадьбы. При этом в округе Херсонеса мощность башен окраинных усадеб особенно возрастала, ибо наделы, на которых они стояли, граничили с землями, принадлежавшими таврам. Вряд ли это может свидетельствовать о благоприятных отношениях между городом и окрестными племенами. Такое положение, сложившееся в двух частях херсонесской хоры, небезынтересно в сравнении с другими областями Греции, как материковой, так и островной. Так, мы знаем (см. гл. III), что в неспокойных IV и III вв. до н.э. строилось много укрепленных усадеб, домов-башен, просто башен и даже домов-«пирамид». Однако мирная обстановка в Северо-Западном Крыму, хотя, несомненно, способствовала в значительной мере росту благосостояния херсонесской экономики, длилась, как мы увидим ниже, относительно недолго.

Освоение земель Северо-Западного Крыма Херсонесом, вероятно, не ограничилось второй половиной — концом IV в. до н.э., но захватило и начало III в. Здесь еще раз следует остановиться на известной херсонесской надписи, вырезанной на постаменте статуи Агасикла [JOSPE, I², 313] и неоднократно комментировавшейся исследователями. Среди заслуг херсонесского гражданина значителен, что он размежевал виноградники на «равнине» — ἀρπελεία ἀπὸ τοῦ πεδίου. Еще В. В. Латышев предположил, что πεδίου надписи в честь Агасикла, как и «равнина» херсонесской присяги [JOSPE, I², 401], локализуется в Северо-Западном Крыму. Это мнение разделял С. А. Жебелев; наиболее вероятным считает его и В. Д. Блаватский. А. Л. Бертье-Делагард, резко возражая В. В. Латышеву, отождествил πεδίου надписи на базе статуи Агасикла с Гераклейским полуостровом. Его точка зрения была поддержана Г. Л. Беловым и С. Ф. Стржелецким [Латышев, 1892; Бертье-Делагард, 1907; Жебелев, 1953; Белов, 1948; Блаватский, 1953; Стржелецкий, 1961].

В свете последних широких исследований в Северо-Западном Крыму, изложенных выше (гл. IV), предположение В. В. Латышева представляется более справедливым. Причем под «равниной», на которой Агасикл произвел размежевание виноградников, надо скорее всего предполагать территорию, расположенную за пределами земледельческих округ Керкинитиды и Калос Лимена. На ней, как указывалось, также открыты следы виноградных плантаций.

Надпись в честь Агасикла относится всеми исследователями к первой половине III в. до н.э. Землеустроительная деятельность Агасикла отмечена в числе его заслуг на втором месте. Если допустить, что перечисление в надписи шло в порядке исполняемых Агасиклом должностей, то мы вправе предположить, что размежевание виноградников на «равнине» произошло в начале карьеры, т.е. либо в конце IV, либо в начале III в. до н.э. (если верна датировка декрета по данным палеографии). А это в свою очередь должно свидетельствовать о размежевании территорий, лежащих в Северо-Западном Крыму, а не на Гераклейском полуострове, ибо, как говорилось выше, размежевание ближайшей округи Херсонеса вряд ли могло произойти позже освоения земель в Северо-Западном Крыму, что, кстати, находит подтверждение в археологическом материале.

В результате подчинения обширной территории Северо-Западного Крыма Херсонес из города с прилегающей к нему непосредственно хорой, на которой находилось укрепленное поселение — «старый» Херсонес Страбона, превра-

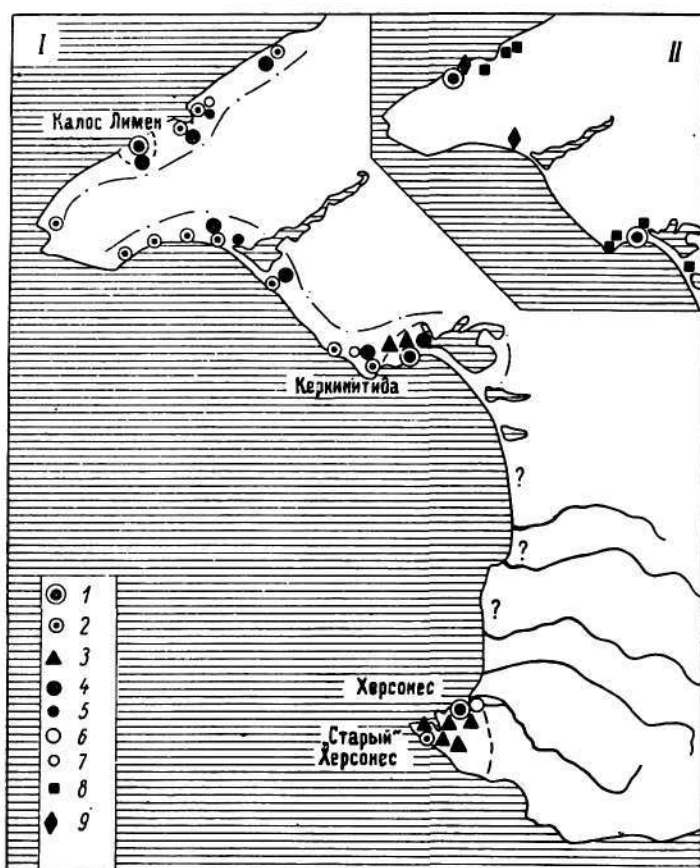

Рис. 65. Херсонес Таврический на рубеже IV—III вв. до н. э.

I — территория Херсонеса; II — находки изображений Геракла и его атрибутов в Северо-Западном Крыму. 1 — города; 2 — наиболее крупные поселения; 3 — клады херсонесских монет; 4—5 — отдельные находки херсонесских монет (4 — до 5 экз., 5 — более 5 экз.); 6—7 — отдельные находки монет Керчинитиды (6 — до 5 экз., 7 — более 5 экз.); 8 — рельефы и круглая скульптура; 9 — терракота.

тился в довольно крупное государство. Если следовать тексту херсонесской присяги, сопоставленному с археологическими наблюдениями, то мы на современном уровне знаний можем представить в общих чертах его границы, сложившиеся к концу IV в. (рис. 65). Херсонесу принадлежали Гераклеийский (с Маячным) полуостров в Юго-Западном Крыму и прибрежная зона Северо-Западного Крыма примерно от Сакского озера на юге до Бакальской косы на севере. Подчинено ли было ему западное побережье между Северной косой (Севастополь) и Саками, неизвестно (см. с. 18). В состав полиса входили Херсонес, «старый» Херсонес, Керчинитида, Калос Лимен, с собственными земледельческими округами (общая площадь ~12—15 тыс. га), а также значительной протяженности прибрежная плодородная полоса в Северо-Западном Крыму, которую, вероятно, можно отождествить с «равниной» присяги и надписи в честь Агасикла. Здесь и находились другие «укрепления» (τὰ τεῖχη) херсонесцев (видимо, военно-хозяйственные укрепленные поселения и укрепленные усадьбы), а также неукрепленные земледельческие поселения, по-видимому бывшие под контролем укрепленных (см. с. 32 сл.). Площадь возделываемых земель на «равнине» поддается пока лишь приближенной оценке, но, по-видимому, она значительно превышала суммарную площадь земледельческих территорий городов. Таковым сейчас представляется в общих чертах Херсонесский полис в период максимального расширения его территории за счет земель Северо-Западного Крыма.

Хлынувшие из Северо-Западного Крыма на Херсонес хлеб и другие продукты земледелия, скотоводства и промыслов в значительной мере обусловили общий подъем экономики Херсонесского государства, вывели его в число наиболее крупных центров Причерноморья и, очевидно, позволили вести ему независимую хлебную политику. Не случайно присяга содержит обязательство весь хлеб, получаемый на «равнине», не вывозить, не продавать ни в какое иное место (очевидно, такие попытки были), а только в Херсонес. В свете новых данных, прав оказывается С. А. Жебелев, который видел в упомянутом пункте присяги стремление Херсонеса монополизировать хлебную торговлю в руках государства [Жебелев, 1953], а не А. И. Тюменев, предполагавший, что Херсонес «никогда не был центром хлебного вывоза и, напротив, жители его сами нуждались в привозном хлебе» [Тюменев, 1955]. Последнее верно только для определенных периодов. Нехватка хлеба в Херсонесе действительно послужила важнейшим стимулом освоения новой области в Северо-Западном Крыму. Но в дальнейшем положение, по-видимому, изменилось. Приток хлеба из Северо-Западного Крыма, очевидно, не только покрыл его дефицит в Херсонесе, но позволил иметь излишки, которые можно было реализовать путем вывоза. До тех пор пока Херсонес владел своей хлебной житницей — Северо-Западным Крымом — можно предполагать и существование херсонесского хлебного экспорта.

И в территориальном, и в экономическом отношении Херсонесское государство, несомненно, уступало Боспору. Но что касается Ольвии, то с последних десятилетий IV и в III в. до н.э. ее экономический потенциал вряд ли превышал херсонесский. По-видимому, оба государства держались примерно на одном уровне. Можно даже предполагать, что около середины III в. до н.э., когда Ольвия вступила в полосу затяжного экономического и политического кризиса, экономика Херсонеса оказалась значительно более сильной. Два обломка почетных декретов (или декрета), найденные на ольвийской агоре, восхваляют какого-то богатого херсонесского гражданина Аполлония и его сыновей за то, что он в трудное для города время одолжил Ольвию 3000 золотых (НО, 28, 29), а сыновья его, может быть, согласились на отсрочку или какие-то другие уступки в погашении ссуды.

Путь из Херсонеса в Ольвию лежал вдоль берегов Северо-Западного Крыма и поэтому можно предполагать, что корабли, следовавшие в обоих направлениях, постоянно заходили в порты этой области. Очевидно, можно говорить и о непосредственных экономических контактах между городами Северо-Западного Крыма и Ольвией (между Ольвией и Керкинитидой они существовали и раньше). Так, на усадьбе у бухты Ветреной близ Калос Лимена обнаружена кровельная черепица, по-видимому, ольвийского производства. Ольвийские монеты IV—II вв. до н.э. находили в Керкинитиде, Калос Лимене, на городищах «Чайка» и Кульчукском, а монеты Керкинитиды встречены в Ольвии и Очакове [Карышковский, 1963].

Однако вряд ли было бы правильным, исходя из признания факта прямых контактов между Северо-Западным Крымом и Ольвией, предполагать экономическую самостоятельность первого в рассматриваемое время. Кроме прямого свидетельства херсонесской присяги, сумма полученного археологического материала, безусловно, свидетельствует о полном подчинении экономики и культуры этой области Херсонесу. На всей территории Северо-Западного Крыма обращается почти исключительно херсонесская монета (рис. 65, 1). Заполнение денежного рынка Северо-Западного Крыма херсонесскими монетами соответствует заполнению его продукцией херсонесских мастерских. Выше (гл. II) отмечалось, что ввоз херсонесской керамической продукции составлял на поселениях до 90% от всей привозной керамики. Херсонес поставлял в указанный район также некоторые изделия каменотесного ремесла (надгробные стелы, детали архитектурного декора, мелкую пластику, терракотовые статуэтки) и, вероятно, значительную, если не большую, часть изделий из металла.

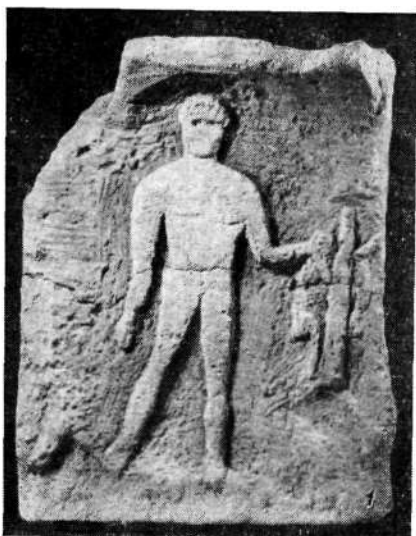

Рис. 66. Рельефы с изображением Геракла из находок в Северо-Западном Крыму. Известняк.

1 — Панское I; 2 — Саки; 3 — Мойнаки; 4 — «Чайка».

На приведенных выше примерах (гл. II—IV) было показано, что на всей территории Северо-Западного Крыма с конца IV в. до н.э. доминировали типично херсонесские принципы строительства и архитектуры, существовала аналогичная херсонесской система размежевания земель, применялась та же, что и в Херсонесе, линейно-площадная система мер. Единство духовной культуры этой области и Херсонеса подчеркивается широким распространением здесь одного из наиболее популярных в Херсонесе культов — культа Геракла (рис. 65, II). В настоящее время известно шесть известняковых рельефов с изображением Геракла (рис. 66), найденных в разное время в Северо-Западном Крыму (два в окрестностях Керкинитиды, по одному — близ Сак, на «Чайке» и поселениях Межводное и Панское I). Сюда же следует добавить находки двух крупных терракотовых изваяний: палипы Геракла из усадьбы у бухты Ветреной близ Калос Лимена и фрагмента торса стоящей фигуры героя [Наливкина, 1940; Карасев, 1965; Высотская, 1968а; Дашевская, 1966; Щеглов, 1967], а также герму Геракла из с. Межводного.

Какова же была структура значительной части этого организма, — той части хоры Херсонесского государства, которая находилась в рассматриваемом районе? Вопрос этот имеет принципиально важное значение для понимания структуры Херсонесского государства в целом в период его максимального расцвета. Если исходить из суммы данных, полученных раскопками в самом Херсонесе и его ближайших окрестностях, то мы неизбежно приходим к выводу, что Херсонес был типичным полисом с демократической формой правления, с типично полисной системой организации сельскохозяйственной территории. Такая точка зрения и господствует в трудах современных исследователей. Однако посмотрим, что дают в этом отношении материалы Северо-Западного Крыма.

Полисную организацию имеют собственные сельскохозяйственные территории Керкинитиды и Калос Лимена, размежеванные по тому же принципу, что и ближайшая округа Херсонеса на Гераклеийском полуострове. На них находились наделы примерно одинаковой величины и усадьбы граждан городской общины. При этом, вероятно, существовала определенная зависимость между величиной отдельного надела на хоре городов и площадью последних (см. с. 89 сл.). На остальной территории хоры картина представляется гораздо более сложной. С одной стороны, прослеживается единая система размежевания, которая, по-видимому, говорит о значительной централизации власти в руках Херсонеса. Последнее подтверждается как присягой херсонесцев, так, очевидно, и декретом в честь Агасикла. С другой стороны, наблюдаются значительное разнообразие в типах и величине поселений (см. гл. II, с. 53 сл.), среди которых есть и греческие, и туземные, и, очевидно, смешанные населенные пункты — крепости, укрепленные и неукрепленные усадьбы, селения, комплекс усадеб — разнообразие погребального обряда, а также разная величина земельных наделов.

Предположения о процессе концентрации земельных владений в Херсонесе в III—II вв. до н.э. в литературе высказывались [Блаватский, 1953]. В свете исследований в Северо-Западном Крыму мы вправе в настоящее время считать, что появление крупных имений произошло раньше. Вероятно, они возникли в ходе освоения новых территорий. В III в. до н.э. дифференциация частных земельных владений, видимо, усугубилась и коснулась сельскохозяйственных территорий городов. О последнем может косвенно свидетельствовать факт перестройки и укрупнения загородных усадеб на городских землях Херсонеса и Керкинитиды. Сосредоточение значительных богатств в руках отдельных граждан видно хотя бы из уже упоминавшегося ольвийского декрета в честь Аполлония и его семьи, которая была в состоянии одолжить весьма крупную сумму денег другому полису.

Появление крупного землевладения неизбежно должно было повлечь за собой качественные структурные изменения в Херсонесском государстве. Подтверждает это группа других фактов. Так, единая система размежевания на всей территории государства, надпись на базе статуи Агасикла, текст

херсонесской присяги и, наконец, акт о продаже земель говорят о значительной централизации власти в руках Херсонеса. Именно херсонесская община владела и управляла всей территорией государства с расположенными на ней угодьями и населенными пунктами. Вместе с тем на херсонесской хоре представлены все те виды поселений, которые характерны для малоазийских эллинистических государств и для соседнего Боспорского царства: города с ближайшей земледельческой округой и системами наделов, пользующиеся временами даже некоторой автономией (Керкинитида), крепости (возможно, военно-хозяйственные поселения), крупные и мелкие поместья, туземные сельские поселения, образовавшиеся возле греческих укрепленных усадеб, наконец, такое уникальное для античного мира в рассматриваемое время явление, как комплекс крупных усадеб (Панское I). Отсюда, видимо, можно предполагать и свойственный эллинистическим государствам сложный этнический и социальный состав населения хоры, среди которого была, вероятно, и крупная землевладельческая знать, и мелкие и средние свободные общинники, и различные категории зависимого и полузависимого варварского земледельческого населения.

На неоднородный этнический состав жителей херсонесских поселений в Северо-Западном Крыму указывает разнообразие погребального обряда (см. гл. II). Херсонесская колонизация сыграла значительную роль в изменении общественного уклада у определенной части туземного населения. Втянутое в экономическую и культурную сферу, оно, очевидно, подвергалось сильной эллинизации. Надо думать, что варварское зависимое или полузависимое население являлось основным производителем, занятым в обработке земель херсонесской «равнины» и получении продуктов земледелия, скотоводства и промыслов. Степень и характер зависимости нельзя установить на основании только археологических данных, письменных же источников нет. Но по аналогии с другими государствами той же эпохи можно предполагать, что зависимое земледельческое население могло иметь статус тех категорий сельского населения, которые известны в Малой Азии.

Вполне возможно, что близкие формы зависимости мы найдем на Боспоре, с той только разницей, что политическая структура этого государства была иной. Письменные источники сообщают нам о *ἐργάται, γεωργοί* (Demosth.) adv. Lacr. 31) и для более позднего времени — *κλήματα* [КБН, 976=IOSPE, II, 353], а категории археологических памятников на боспорской хоре те же, что и на территории земельных владений Херсонеса: города с собственными округами и расположенными на них загородными усадьбами, отдельно стоящие усадьбы (например, у с. Михайловка и Андреевка), различные типы поселений, вероятно туземных; можно также провести некоторые параллели и в погребальных обрядах, отражающих состав населения хоры.

Может быть, еще более близкие параллели обнаружатся при сопоставлении Херсонесского государства с государствами, расположенными на южном берегу Понта: в первую очередь, с херсонесской метрополией — Гераклеей, а также, вероятно, с Синопой. Последняя задолго до Херсонеса проводила колонизационную деятельность по юго-восточному побережью Черного моря; развитие этого государства, возможно, сопоставимо с тем путем, который позднее проделал Херсонес (разумеется, с поправкой на иные условия и время). Что же касается Гераклеи Понтийской, то и она расширяла территорию своей хоры, подчинив себе земли, населенные мариандинами [ср.: Мемн., IV, 7; Ps.—Scyl., 92]. О своеобразном зависимом положении мариандинов на хоре Гераклеи, которые занимали, по выражению Поллукса, среднее положение между рабами и свободными [Poll., III, 83], писали античные авторы [Plat., Leg., IV, 776 cd; Strabo, XII, 3, 4; Athen., VI, 263d; ср.: Давнов, 1955; Lotze, 1959; Свенцицкая, 1967; Нейхардт, 1968].

Предположение о зависимом положении части тавров, живших в окрестностях Херсонеса, высказал Д. М. Пиппиди на основании анализа той части декрета в честь Диофанта, где речь идет о подчинении понтийским полководцем окрестных тавров [Pippidi, 1959]. По находкам на поселениях Северо-

Западного Крыма лепной керамики с гребенчатым орнаментом, характерной для таврских поселений Юго-Западного Крыма [Дашевская, 1963], можно заключить, что на территории херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму какую-то часть населения составляли тавры. Скорее всего, это было зависимое земледельческое население, переселенное сюда Херсонесом из Юго-Западного Крыма для обработки вновь приобретенных земель [Щеглов, 1966]. Не исключено, что среди них были и рабы. Таврская керамика встречается на усадьбах и других поселениях в слоях первого стратиграфического горизонта и может быть связана только с херсонесскими населенными пунктами. Аналогичная керамика известна среди находок на усадьбах Гераклейского полуострова, а также в эллинистических слоях самого Херсонеса.

Резюмируя все изложенное, мы неизбежно должны подойти к выводу, что со времени расширения своей территории и вторичной колонизации Херсонес фактически превратился в типичное эллинистическое централизованное государство, несмотря на то что политическая структура сохранила институты, свойственные полисам. В этом отношении Херсонес пошел по иному пути, чем соседнее Боспорское государство; иное течение исторического процесса особенно отчетливо отражено в присяге и совокупности археологических данных по Северо-Западному Крыму. Близкую картину, вероятно, можно ожидать в Ольвии, но в археологическом отношении хора Ольвии пока изучена крайне слабо.

По-видимому, сложение эллинизма шло в разных местах античного мира отличными друг от друга путями, обусловленными конкретно-историческими факторами, но в итоге приводило в общем-то к одним и тем же сходным результатам, несмотря на все многообразие начальных и конечных явлений.

Как уже говорилось выше, с овладением землями в Северо-Западном Крыму Херсонес вышел в число наиболее крупных центров северной и северо-западной части Причерноморья. Со второй половины—конца IV в. до н.э. начинается период наивысшего расцвета Херсонесского государства как в территориальном, так и в экономическом отношении. В самом Херсонесе бурно развиваются все виды производства, идет массовое строительство, увеличиваются монетные эмиссии, значительно расширяются торговые связи. Трудно не увидеть за всем этим звенья одного и того же процесса.

Однако такое положение продолжалось относительно недолго. Уже к моменту составления текста присяги [IOSPE, I², 401], т.е., вероятно, не позже первых двух-трех десятилетий III в. до н.э. [ср.: Леви, 1947], какая-то часть херсонесской территории была, очевидно, утрачена, что явствует из второго параграфа надписи. В это же время внутри государства происходят какие-то серьезные потрясения, посягавшие, по-видимому, на форму государственного устройства — и вызвавшие появление этого документа. У нас пока нет данных, чтобы окончательно узнать, что происходило на самом деле. Но что внутригосударственная борьба была связана с качественными социально-экономическими изменениями в Херсонесском государстве, о которых речь шла выше, представляется вероятным. По-видимому, такое явление можно охарактеризовать как «болезнь роста», попытку приспособления государственной машины к сложившимся новым историческим условиям. Можно предполагать также, что после обнародования присяги внутреннее положение в государстве на некоторое время стабилизировалось.

Но дальнейшее развитие внешнеполитической обстановки в Крыму и Причерноморских степях между Днепром и Доном, первоначально благоприятствовавшей Херсонесу (см. с. 110), обернулось теперь против него, и прежде всего его северо-западных владений. В III в. до н.э. в междуречье Дона и Днепра сарматы выступают уже как активная политическая сила, враждебная скифам и заметно влияющая на развитие международной обстановки в обширной зоне Причерноморья. Вероятно, формирование позднескифского государства после распада державы Атея происходило в постоян-

ной борьбе с продвигавшимися на запад сарматами, и последнее обстоятельство, очевидно, сыграло немаловажную роль в перенесении важнейших центров Скифии в Крым и предопределении дальнейшей политики скифов по отношению к греческим государствам.

Уже в конце IV в. до н.э. скифы принимают участие в междоусобной войне наследников боспорского царя Левкона, выступая на стороне Сатира [Diod., XX, 22—26]. Но они не были достаточно сильны, и вскоре Евмел присоединил к Боспору «значительную часть соседних варварских земель» [Diod., XX, 25].

Сложение позднескифского государства с центром в Крыму следует относить к рубежу IV—III или началу III в. до н.э. Именно с этого времени в предгорьях Крыма возникает большинство известных нам скифских городищ, в том числе и политический центр государства — Неаполь. Скифское государство быстро набирает силу и становится на политической арене соперником Ольвии, Херсонеса и Боспора.

По Страбону [VII, 4, 5], Малая Скифия включала в себя две области — Крымскую и Приднепровскую. Археологические материалы показывают, что это были локальные регионы со своеобразными чертами позднескифской культуры в каждом из них [Шульц, 1966]. Не исключено, что они обладали определенной самостоятельностью и в политическом отношении. Это допущение можно вывести из тенденции к объединению Скифии и упрочению государственной власти, отчетливо выраженной в деятельности Скилура и его сына Палака, когда это стремление получило свое завершение. Но это произошло позже. В рассматриваемое же время между двумя областями Скифии находились северо-западные земли Херсонеса. Они-то и привлекли в первую очередь внимание скифов, на которых к северу от Перекопа постепенно надвигались сарматы.

Таким образом, непосредственной причиной херсонесско-скифского конфликта явилось стремление скифов к овладению плодородными и хорошо освоенными землями Северо-Западного Крыма. Но за этой непосредственной причиной стояли другие, которые складывались как из внутреннего развития скифского государства, так и из расстановки сил на международной арене, прежде всего в подвижной среде кочевнических образований.

Обычно принято считать, что войны Херсонеса со скифами относятся ко второй половине II в. до н.э. Это проистекает из состояния письменных источников, освещающих фактические события последнего этапа войн и лишь очень отрывочно весь предшествующий период. Но если привлечь весь имеющийся сейчас в нашем распоряжении археологический материал и вновь сопоставить его с письменными документами, то выясняется, что скифо-херсонесские войны занимают почти полуторастолетний период в истории обоих государств.

Начальный этап скифо-херсонесских войн, связанный с херсонесской территорией в Северо-Западном Крыму, относится к III в. до н.э., вероятно, ближе к началу столетия (рис. 67). Уже в первых десятилетиях III в. были полностью разгромлены и сожжены поселения в окрестностях Ярыгачской бухты (Панское I, Межводное), погибла усадьба у бухты Ветреной близ Калос Лимена. Херсонес, очевидно, потерял часть земель [ср.: IOSPE, I^a, 401]. Вероятно, тогда же произошел первый большой пожар в укреплении «Чайка», после которого, по А. Н. Карасеву, внутренние помещения укрепления подверглись основательной перестройке. Не исключено, что перестройка и утолщение крепостной стены Керкинитиды произведены в близкое время.

Вероятно, с начальным этапом скифо-херсонесских войн можно связать новеллу Полиена об Амаге [Pol., VIII, 56], из которой следует, что кочевья сарматов в это время находились уже в Скифии, западнее Перекопского перешейка, ибо о них говорится как о «живущих на Понтийском побережье» (τῶν ἐπὶ τῇ Ποντικῇ παραλίῳ), но за пределами Крыма. Можно полагать, что Херсонес, используя враждебные отношения скифов с сарматами,

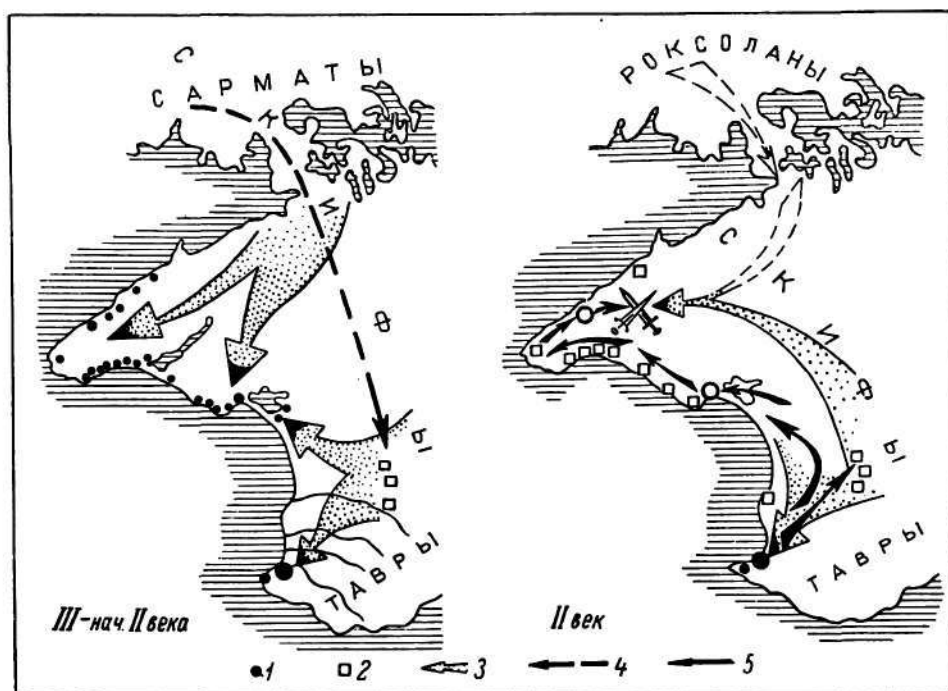

Рис. 67. Скифо-херсонесские войны в III—II вв. до н. э.

I—III — начало II в. до н. э.; II — II в. до н. э.

1 — города и другие поселения херсонесцев; 2 — позднескифские крепости; 3 — основные направления скифских ударов; 4 — поход воинов Амаги; 5 — походы Диофанта.

привлек последних на свою сторону вскоре после того, как начались набеги скифских отрядов. Полиен рассказывает, что когда херсонесцы, «обижаемые царем соседних (т.е. крымских, — А. Ш.) скифов», заключили союз с Амагой, то она сначала направила скифскому царю «приказание прекратить свои набеги на Херсонес», но не добилась желаемого результата в дипломатических переговорах и снарядила военную экспедицию, завершившуюся полным успехом. Конный отряд воинов Амаги, покрыв расстояние в 1200 стадий (т.е. около 200—250 км), неожиданно появился в центре Крыма, у ставки скифского царя. Победа была обеспечена.

М. И. Ростовцев отнес события, отраженные в легенде об Амаге, ко второй половине III или к началу II в. до н.э. [Ростовцев, 1915]. Б. Н. Граков, отмечая, что «на рубеже III и II вв. до н.э. Херсонес, по-видимому, подвергался постоянным нападениям скифов», связал деятельность Амаги с этим временем [Граков, 1954]. Попытка Я. Харматты дать новую датировку событиям рассказа Полиена (I в. до н.э.) [Harmatta, 1950] не может быть признана успешной, особенно в свете новых данных, добытых археологией, исходя из которых, с моей точки зрения, нужно удревнить даже предложенную М. И. Ростовцевым дату и связать описанные в новелле Полиена события с первоначальной попыткой скифов захватить северо-западные владения Херсонеса.

Дальнейший ход событий носит для Херсонесского государства все более угрожающий характер. Опасность идет преимущественно со стороны приднепровских скифов, хотя мы не имеем оснований отрицать и какое-то участие крымских скифов в борьбе против Херсонеса. Но на первом этапе основной удар по Северо-Западному Крыму, очевидно, шел из Приднепровья.

По данным раскопок и разведок хорошо прослеживается направление постепенного наступления скифов на херсонесскую хору со стороны Перекоп-

ского перешейка. Раньше всего, как говорилось, были разрушены и заброшены поселения на северной окраине херсонесской хоры (Панское I, Межводное и др.). С северо-востока ожидалось наступление и на окрестности Калос Лимена, так как именно с этой стороны была построена стена «Баркан», предназначенная для защиты земледельческой округи города (гл. IV, с. 86). На направление удара с северо-востока указывает также создание скифской обороны на усадьбе у бухты Ветреной, которая предусматривала в первую очередь отражение контрударов со стороны Калос Лимена (гл. III, с. 68). Не исключено, что к концу III в. или на рубеже III—II вв. до н. э. Калос Лимен уже оказался в руках скифов. Вполне вероятно, что к этому времени относится гибель усадеб у мыса Ойрат Западно-Донузлавской и поселения в Чоротайской балке, а также перед лицом надвигавшейся опасности спешное укрепление башни Беляуса мощным противотаранным поясом.

Набеги скифов достигали окрестностей Керкинитиды. По данным раскопок А. Н. Карасева и И. В. Яценко, во второй половине-конце III в. до н.э. окончательно гибнет укрепление на городище «Чайка». Но оно не перешло еще после этого в руки скифов, так как на руинах укрепления вновь строится укрепленная усадьба. В то же время, возможно, погибает усадьба близ с. Гаршино, с восточной стороны Сасык-Сивашского озера. Очевидно, только с военной опасностью можно связать сокрытие монетных кладов во второй половине III в. до н.э. в окрестностях Керкинитиды, на земледельческой территории города [ср.: Гилевич, 1973].

Таким образом, к концу III — началу II в. до н.э. Херсонес, очевидно, лишился значительной части своих владений в Северо-Западном Крыму (рис. 67). Но есть все основания думать, что и сам Херсонес не находился в безопасности. На рубеже III—II вв. до н.э. происходит выдвижение крымских скифов вдоль течения рек Булганака и Альмы в западную часть Крыма. На морском берегу, в устье р. Альмы, возникает скифская крепость, которую, вероятно, можно отождествлять с Дандакой Птолемея (другая точка зрения: Высотская, 1972). Материалы раскопок 50—60-х годов в Херсонесе и его округе позволяют предполагать, что на рубеже III—II или в самом начале II в. до н. э. город подвергался нападению и, возможно, осаде скифов. Уже начиная с середины III в. появляются монетные клады, известные по находкам как в самом Херсонесе, так и его окрестностях. А. М. Гилевич, на мой взгляд, правильно связывает сокрытие большей части кладов с надвигавшейся военной опасностью. По С. Ф. Стржелецкому, в сильном пожаре гибнет усадьба III в. до н. э. на клере 25; на ее месте во II в. до н. э. строится новая, меньшая по площади, но гораздо сильнее укрепленная. Башня последней, обнесенная дополнительным противотаранным поясом, имеет толщину стен в основании 2.25 м. По-видимому, в конце III—начале II в. до н. э. создаются мощные противотаранные пояса на башнях многих других усадеб, расположенных на наделах Гераклеяского полуострова.

Об одном из набегов «соседних варваров» на ближайшие окрестности Херсонеса во время торжественной загородной процессии херсонесцев в честь Диониса повествует фрагмент надписи III в. до н. э. [IOSPE, I², 343]. Были ли это скифы [Соломоник, 1954] или тавры [Тюменев, 1949; Лесков, 1965], неизвестно, но вероятнее первые. О том, что такие набеги совершались неоднократно, по-видимому, свидетельствует обломок еще одного плохо сохранившегося декрета III в. [IOSPE, I², 346], в котором тоже шла речь о «спасении народа» (как и в IOSPE, I², 343).

Вероятно, в самом конце III в. или начале II в. до н.э. гибнут гончарные мастерские Херсонеса, расположенные непосредственно за юго-восточной линией крепостных стен города. К тому же времени, может быть, относится гибель поселка виноделов и прекращение захоронений на его некрополе (поселок и некрополь находились в 700 м к юго-западу от города). Но самым важным свидетельством угрожавшей городу опасности служат

замечательные находки, сделанные в XVII юго-восточной фланговой башне крепостных стен Херсонеса, так называемой башне Зенона. По-видимому, отрезанные от своих каменоломен, располагая очень сжатыми сроками, херсонесцы вынуждены были спешно перестраивать и укреплять значительные участки городских крепостных стен (а может быть, и восстанавливать разрушенные), используя в качестве строительного материала надгробные памятники, снятые с собственного некрополя. Башня XVII оказалась целиком сложенной из надгробий IV—III вв. до н.э. [СХМ, 4, 1969].

Характерно, что среди надгробий нет памятников II в. до н.э., а наиболее позднюю дату дает находка фрагмента ручки синопской амфоры с клеймом астинома Гестиэя, относящегося в классификации Б. Н. Гракова ко II хронологической группе (около 220—183 гг. по И. Б. Брашинскому). Таким образом, строительство башни XVII, а также прилегающих к ней 19 и 20 куртин и башни XVII¹ (кстати тоже, вероятно, сложенных из надгробий) произошло не позже первых двух десятилетий II в. до н.э. Причем к этому времени упомянутые выше гончарные мастерские, видимо, были уже разрушены: в забутовке башни обнаружено большое количество керамического брака и шлаков.

Все перечисленные материалы неумолимо свидетельствуют о том, что во II в. до н.э. Херсонес вступил значительно ослабленным как в политическом, так и в экономическом отношении. В настоящее время нет оснований включать II в. до н.э. в период максимального расцвета Херсонеса, как это принято в современной историографии. Все столетие прошло под знаком сильнейших политических и экономических потрясений; это была эпоха общего затяжного кризиса Херсонесского полиса.

Позднее скифское царство, напротив, вошло во II век значительно окрепшим. Судя по тому, что скифы могли нанести концентрированный удар по херсонесским владениям, направленный с двух сторон — из Приднепровья на земли Северо-Западного Крыма и из Центрального Крыма на Херсонес, — скифское государство координировалось крепкой центральной властью. И если для Херсонеса второй век оказался веком упадка, то для позднескифского царства он стал временем наивысшего расцвета, когда отдельные области Скифии слились в единое централизованное государство.

Вероятно, к концу второго десятилетия II в. до н.э. в херсонесско-скифских войнах наступила на какое-то время передышка. Обе стороны набирали новые силы. Ослабленный Херсонес, потерявший часть своих владений в Северо-Западном Крыму, ищет себе союзников и находит их в лице тех же сарматов, очевидно, по-прежнему враждебных скифам, а также в лице Фарнака I. До нас дошли сообщения Полибия о созданной в 179 г. до н.э. Фарнаком I коалиции, в которую входили в числе других Херсонес и сарматский царь Гатал [Polyb., XXXI, 6] и договор о дружбе, заключенный, вероятно, в том же году между Херсонесом и царем Понта [IOSPE, I², 402]. Оба документа неоднократно комментировались исследователями с разных позиций. Для нас в данном случае важно отметить, что каждая союзная сторона исходила прежде всего из собственных интересов. Херсонесу был выгоден союз с сарматами против скифов, надеялся он и на поддержку со стороны Фарнака.

Из договора с Фарнаком известно, что к моменту его составления война между Херсонесом и скифами не велась, и у Херсонеса оставалась еще «подвластная страна». Последнее, в отношении к Северо-Западному Крыму, подкреплено археологическими фактами, изложенными во II и III главах.

Следующий этап не освещен письменными источниками. Неизвестно, получил ли Херсонес в дальнейшем какую-либо помощь от Гатала и Понтийского царства. Но данные раскопок и разведок показывают, что примерно к середине II в. до н.э. весь Северо-Западный Крым оказывается в руках скифов. Херсонесские поселения разрушаются, на месте некоторых из них воздвигаются скифские крепости. Разгрому и разрушению подвергалась Керкивтида и ее округа, а также Калос Лимен. Этим завершается террито-

риальное объединение позднескифского государства, земли которого протянулись вдоль Днепра и заняли Западный и Центральный Крым. Вместе с объединением территориальным, очевидно, завершилась централизация государственной власти и позднескифское государство достигло расцвета как в политическом, так и в экономическом отношении. Надо думать, что свидетельство Арриана о Керкинитиде и Калос Лимене как о «скифских портах» [Агг., РРЕух, 30; ср.: Аноним., РРЕух, 82, 83] почерпнуто из источника именно этого времени.

Вероятно, вскоре после захвата скифами Северо-Западного Крыма в зависимости от скифского царя или, вероятнее, в союзе с ним оказалась Ольвия, в которой чеканились монеты Скилура. Между Ольвией и Неаполем скифским устанавливаются тесные связи, что хорошо прослеживается по данным керамической и лапидарной эпиграфики. К этому времени относится деятельность Посидея, сына Посидея, тесно связанная с обоими городами, а также, очевидно, с Северо-Западным Крымом. В числе других надписей Посидей поставил в Неаполе скифском посвящение Ахиллу за победу над «пиратствующими сатархеями» [IOSPE, I², 672]. Из этого можно вывести предположение, что между скифами и сатархами в период деятельности Посидея существовали враждебные отношения. Союзная скифам Ольвия также была заинтересована в безопасности морских путей.

Предполагается, что Посидей одержал победу над сатархами на море. Б. Н. Граков, исходя из этого, а также из свидетельства Страбона о морской победе Неоптолема над варварами в Керченском проливе [Strabo, II, 1, 16, VII, 3, 18], высказал гипотезу, что у скифов мог быть свой морской флот начиная со времени Скилура [Граков, 1947]. Такая гипотеза представляется весьма вероятной. Но победа над сатархами, если они жили на побережье Северо-Западного Крыма, могла быть одержана и не обязательно в морском сражении, а в процессе овладения скифами прибрежной территорией.

Со времени захвата скифами Северо-Западного Крыма начинается новый период его истории, характеризующийся прежде всего качественными изменениями в составе самого населения рассматриваемой области. Данные археологии, анализу которых посвящены предшествующие главы, показывают, что основу населения Северо-Западного Крыма теперь составляло население, пришедшее из Приднепровья. Об этом прежде всего говорит совокупность важнейших признаков сходства позднескифской культуры Северо-Западного Крыма с нижнеднепровской. Они выражаются в сходной топографии городищ, устройстве оборонительных систем, планировке домов, приемах и технике кладки, формах лепной керамики, типе подкурганых катакомб. Вместе с тем, вероятно, здесь сохранилась и какая-то часть прежнего населения, на что косвенно может указывать возобновление некоторых неукрепленных поселений.

Скифские крепости Северо-Западного Крыма представляли собой, видимо, военно-хозяйственные поселения. Основное занятие их жителей (как показывают материалы раскопок) — земледелие. Поэтому мы можем рассматривать переселение днепровских скифов-земледельцев в Северо-Западный Крым как стремление скифского царства расширить свою земледельческую базу за счет Херсонеса. Не исключено также, что новые *γεωργοί*, как называет крымских скифов Страбон [VII, 4, 6], направили свой удар на земли Северо-Западного Крыма в результате нового натиска сарматов в Приднепровье.

Во второй половине II в. до н.э. скифы, имея хорошо обеспеченный тыл, усиливают нажим на Херсонес. Опорными пунктами им служили крупные крепости, возведенные в Юго-Западном Крыму в течение II в.: городища Алма-Тамак (оно же Усть-Альминское, вероятно, Дандака), Булганакское и Алма-Кермен у с. Заветное [Высотская, 1970]. Но и Херсонес в свою очередь, очевидно, лелеял надежду вернуть себе свои северо-западные владения.

Заключительный этап периода скифо-херсонесских войн (рис. 84) лучше других освещен письменными источниками. Кроме сообщения Страбона [VII, 3, 17; 4, 2—7], известного декрета в честь Диофанта [IOSPE, 1^a, 352] и надписи об осаде Калос Лимена [IOSPE, 1^a, 353] теперь введены в научный оборот еще два эпиграфических документа из Херсонеса, прочитанные и детально прокомментированные Э. И. Соломоник. Один из них (НЭПХ, 1) представляет собой фрагмент декрета в честь неизвестного лица, который за свой счет восстановил стены, когда «граждане были тесными врагами», и в том же году выступил против крепости Напит. Во втором (НЭПХ, 44) речь идет о ком-то, погибшем около Палакия [Соломоник, 1964], или о чем-то «палакиевом» (укреплении или войске).

Письменные источники и итоги археологических исследований позволяют примерно представить ход военных действий в конце II в. до н.э. Как это можно понять из надписи с возможным упоминанием Палакия, которую Э. И. Соломоник датирует временем несколько более ранним, чем в Херсонес прибыл Диофант, херсонесцы предпринимали контрудары против скифов. Возможно, что отряд херсонесцев действовал и в Северо-Западном Крыму; во всяком случае, можно говорить о том, что крепость на городище Тарпанчи по меньшей мере дважды подвергалась осаде (гл. III, с. 71).

Однако скифы были гораздо сильнее. Их союзниками стали тавры, ближайшие соседи Херсонеса [IOSPE, 1^a, 352], и, возможно, сатархи Северо-Западного Крыма [IOSPE, 1^a, 353 в дополнении С. А. Жебелева]. Кроме того, у скифов появился новый союзник — роксоланы, вероятно, враждебные сарматам, бывшим союзникам Херсонеса.

Над Херсонесом нависла грозная опасность. Земледельческая округа города на Гераклеюмском полуострове была полностью опустошена. В конце II в. до н.э. погибают в пожаре усадьбы на наделе 26 [Стржелецкий, 1961] и на окраине полуострова [Гилевич, 1973]. В то же время был разрушен «Страбонов» Херсонес и его усадьбы на Маячном полуострове.

В таком положении Херсонес вынужден был обратиться за помощью к Митридату VI, возможно, как полагал С. А. Жебелев, опираясь на договор 179 г. с Фарнаком I [Жебелев, 1953]. Действия понтийского полководца Диофанта хорошо известны из сочинения Страбона и херсонесского декрета. Остановимся, следуя указанным источникам, только на том, что связано с Северо-Западным Крымом.

Как известно, Диофант, прибыв в Херсонес со своим войском, переправился «на ту сторону», где разбил скифские войска Палака, «подчинил» окрестных тавров и на том месте основал город. Страбон [VIII, 4, 7] приводит название города — Евпаторий, а Птоломей [III, 6, 2] дает его координаты. Большинство исследователей локализуют Евпаторий в Юго-Западном Крыму, неподалеку от Херсонеса (Браун, Брандис, Миниз, Юргевич, Шульц). Д. М. Пиппиди в упоминавшейся выше статье вообще отрицает его существование. Наконец, П. О. Бурачков и Д. С. Раевский помещают Евпаторий в Северо-Западном Крыму: первый в районе современной Евпатории, второй на городище Кара-Тобе [Бурачков, 1875; Раевский, 1968]. Однако, несмотря на заманчивость такой локализации, вряд ли с ней можно безоговорочно согласиться. Основной источник — декрет в честь Диофанта — не дает оснований для такого заключения. Во-первых, в декрете речь идет, очевидно, о переправе войска через относительно неширокую водную преграду «на ту сторону» от города. Во-вторых, «окрестные тавры» могут быть локализованы только в Юго-Западном Крыму. В третьих, в описании первого похода нет ничего, что говорило бы о продвижении Диофанта в Северо-Западный Крым.

Победа над скифами, «считавшимися непобедимыми», фактически спасла Херсонес от разгрома. Однако после отъезда войска понтийского полководца скифы вновь активизировались, обнаружив «враждебное им вероломство», и «изменили положение дел». Вероятно, с этим «изменением положения дел» можно связать декрет в честь неизвестного лица, который дал деньги на

восстановление стен, когда скифы вновь теснили херсонесцев, и, видимо, вскоре с отрядом херсонесского войска отправился против крепости Напит. Локализовать последнюю пока невозможно. Время экспедиции против Напита, возможно, совпадает со вторым прибытием в Херсонес войск Диофанта, либо (что вероятнее) несколько предшествует началу второго похода Диофанта.

Как повествует декрет в честь понтийского полководца, Диофант появился в Херсонесе во второй раз с войском осенью, «когда время склонялось к зиме». Войско Диофанта, в состав которого вошел отряд «сильнейших из граждан» Херсонеса, отправилось, очевидно, внутрь Крыма, «против самых крепостей скифов». Но «будучи задержан непогодами», понтийский полководец, видимо, неожиданно для скифов повернул в приморские местности Северо-Западного Крыма. Внезапное изменение маршрута похода, очевидно, обусловило неожиданность нападения. Диофант взял Керкинитиду, укрепления и приступил к осаде Калос Лимена.

Тем временем Палак не только собрал скифское войско, но и заключил союз с роксоланами, которые, очевидно, кочевали в это время неподалеку, к северу от Перекопа. Роксоланы, по Страбону [VII, 3, 17], выставили в помощь Палаку войско численностью около 50 000 человек под предводительством Тасия. Объединенные силы роксолан и скифов выступили против Диофанта. Но понтийский полководец, сделав «разумную диспозицию», одержал полную победу над войсками Палака и Тасия.

Из сопоставления декретов в честь Диофанта и взятия Калос Лимена можно понять, что разумная диспозиция полководца Митридата заключалась в том, что он, вероятно, оставив отряд херсонесцев у Калос Лимена, основные силы вывел навстречу войскам Палака и Тасия. По Страбону, у Диофанта было 6000 человек. Решающая битва, скорее всего, произошла неподалеку от Калос Лимена, но вряд ли под его стенами. Осаду последнего, очевидно, завершил в отсутствие Диофанта отряд херсонесского войска.

После второй экспедиции Диофанта Северо-Западный Крым, вероятно, номинально вновь отошел к Херсонесу. Во всяком случае, Страбон (если его источник не относится к более раннему времени) называет некоторые поселения и заливы в Северо-Западном Крыму херсонесскими [Strabo, VII, 4. 2]. Кроме того, можно предполагать, что власть боспорских царей, под опекой которых находился Херсонес в I в. до н.э. — первой половине I в. н.э., распространилась и на Северо-Западный Крым. Однако в источниках нет никаких сведений о политическом статусе изучаемой области в это время. Археологические же факты говорят о том, что Херсонес, видимо, окончательно обескровленный длительными войнами, не смог провести новую колонизацию и освоение этого региона. Керкинитиды и Калос Лимен не были восстановлены в прежнем объеме. И хотя какое-то строительство там велось, нет уверенности, что его надо относить к деятельности Херсонеса. Облик всех других поселений на побережье остается варварским до их окончательной гибели. Несмотря на то, что, судя по керамическим материалам, экономические связи между Херсонесом и поселениями Северо-Западного Крыма продолжали осуществляться и в I—II вв. н.э., можно предположить, что Херсонес все-таки не смог удержать эту территорию в своих руках.

Основу экономики Северо-Западного Крыма в последидиофантово время и в первых веках н.э., как и прежде, составляло земледелие, в первую очередь производство зерновых культур. Сохранилось возделывание винограда. Продолжал развиваться рыбный промысел. Таким образом, в основных направлениях экономики наблюдается определенная преемственность, может быть, обусловленная в значительной мере тем, что на данной территории сохранилась какая-то часть прежнего населения; кроме того, переселившиеся скифы были земледельцами. Вместе с тем гораздо более широкое развитие по сравнению с тем временем, когда эти земли входили в состав Херсонеса, получило скотоводство, по-видимому, кочевое или полукочевое, и, в частности, разведение коней. Культура поселений имеет сосуществующие эле-

менты оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого быта, отчетливо выраженные в одновременном строительстве каменных домов и постройке юрт, что характерно для позднескифской культуры Приднепровья и Центрального Крыма.

Начиная с I в. до н.э. в культуре поселений Северо-Западного Крыма, как и в Приднепровье, а также в Центральном Крыму появляется все больше элементов сарматской культуры (керамика, знак, юрты, надгробные изваяния). Особенно усиливаются черты сарматизации в первые века н.э. Вместе с тем, образуя локальный вариант позднескифской культуры, культура поселений Северо-Западного Крыма и в первых веках н.э., по-видимому, стоит ближе к Нижнему Приднепровью, нежели к Центральному Крыму.

Во второй половине I в.н.э. скифы вновь активизируются и усиливают свой нажим на Херсонес. Поход Плавтия Сильвана [CIL, XIV, 3608] в 63 г. был вызван осадой города скифами. Вполне вероятно и экспедиции римских отрядов в Северо-Западный Крым в связи с обострением обстановки в этом районе. Доказательством сказанному служит клад римских монет, явно легионного происхождения, найденный неподалеку от городища Кара-Тобе, южнее Евпатории [Гилевич, 1965]. Возможно, с походами отрядов римского войска из Херсонеса (не исключено, что в них участвовали и херсонесцы) можно связать пожары и разрушения, выявленные на укрепленных поселениях, и окончательную гибель некоторых из них в начале II в. или, может быть, в самом конце I в.

Однако ряд населенных пунктов продолжает существовать и дальше. Тарпанчи, например, превращается из крепости в обширное неукрепленное земледельческое поселение. Во II—III вв.н.э. оставшиеся поселения приходят к значительному экономическому подъему. Не приходится сомневаться, что в это время Северо-Западный Крым входит в состав позднескифского царства.

Примерно около середины III в. жизнь на поселениях региона обрывается. С чем это можно связать? Раскопки городища Тарпанчи показали, что жители его покинули дома свои поспешно перед лицом какой-то грозной опасности. Такой опасностью, на наш взгляд, в это время могло быть скорее всего готское нашествие, прошедшее по Северо-Западному Крыму сокрушительным валом.

С этого времени поселения Северо-Западного Крыма оказались заброшенными. Вероятно, население области было оттеснено в юго-западную часть полуострова. Об этом, пожалуй, говорит появление большого числа поселений II—III вв. в предгорьях Юго-Западного Крыма.

В IV в. через Северо-Западный Крым прокатывается волна гуннов. На этом, собственно, античный период истории рассматриваемой области заканчивается, хотя отдельные следы жизни обнаруживаются здесь и в V, и даже VI вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н. В.* Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. — МИА, 1951, № 23.
- Артамонов М. И.* Скифское царство в Крыму. — ВЛУ, 1948, вып. 8.
- Артамонов М. И.* Этногеография Скифии. — УЗ ЛГУ, 1949, 13.
- Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, 1966.
- Атжеров Р. В.* Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1949, № 4.
- Бабков И. И.* Климат Крыма. Л., 1961.
- Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. Симферополь, 1938.
- Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Ист.-археол. очерк. Л., 1948.
- Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической эпохи. — СА, 1950, т. XIII.
- Белов Г. Д.* Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. — СА, 1955, т. XXIV.
- Белов Г. Д.* Эллинистический квартал в Херсонесе. — ВДИ, 1956, № 2.
- Белов Г. Д.* и *Стржемецкий С. Ф.* Кварталы XV и XVI [Херсонес]. (Раскопки 1937 г.). — МИА, 1953, № 34.
- Бертье-Делазард А. Л.* Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. — ЗООИД, 1906, т. XXVI.
- Бертье-Делазард А. Л.* О Херсонесе — ИАК, 1907, вып. 21.
- Бертье-Делазард А. Л.* Монетные новости древних городов Тавриды. — ЗООИД, 1912, т. XXX.
- Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I веках до н. э. М., 1952.
- Блаватский В. Д.* Северопонтийские города в конце II—I вв. до н. э. — ВМУ, 1949, № 7.
- Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
- Блаватский В. Д.* Строительное дело Пантикапея. — МИА, 1957, № 56.
- Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.
- Блаватский В. Д.*, *Петерс Б. Г.* Подводные археологические работы в районе Евпатории. — КСИА, 1967, вып. 109.
- Блаватский В. Д.*, *Петерс Б. Г.* Кораблекрушение конца IV—начала III в. до н. э. около Догузлава. — СА, 1969, № 3.
- Блазоволин Н. С.*, *Щеглов А. Н.* Колебания уровня Черного моря по данным археолого-геоморфологических исследований в Юго-Западном Крыму. — ИАН СССР, сер. географ., 1968, № 2.
- Блазоволин Н. С.*, *Щеглов А. Н.* Применение археолого-геоморфологического метода для анализа современных деформаций земной поверхности и колебаний уровня моря. — В кн.: Проблемы современных движений земной коры. Третий Международный симпозиум. М., 1969.
- Борисов А. А.* О колебаниях климата Крыма за историческое время. — ИВГО, 1956, т. 88, вып. 6.
- Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — НЭ, 1974, т. XI.
- Бородин И. Н.* Новейшие археологические открытия в Крыму. (Раскопки на Геракльском полуострове). М., 1925.
- Брашинский И. В.* Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э. — В кн.: Античный город. М., 1963.
- Брашинский И. В.* Керамические клейма Гераклеи Понтийской. — НЭ, 1965, т. V.
- Брашинский И. В.* Значение Черноморских проливов в развитии экономических связей Причерноморья в VI—IV вв. до н. э. — In: Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968.

- Брашинский И. Б.** Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары.— СА, 1976, № 3.
- Браун Ф.** Разыскания в области гото-славянских отношений, ч. I. СПб., 1899.
- Брун Ф.** Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях.— В кн.: Древности Геродотовой Скифии, вып. II. СПб., 1872.
- Брун Ф.** К вопросу о древней топографии Ираклийского полуострова.— В кн.: Брун Ф. Черноморье, ч. I. Одесса, 1879 (Зап. Новороссийского ун-та, т. 28).
- Брун Ф.** Черноморье, ч. II. Одесса, 1880 (Зап. Новороссийского ун-та, т. 30).
- Бурачков П. О.** О местоположении древнего города Керкинитиса и монетах, ему принадлежащих.— ЗООИД, 1875, т. IX.
- Бурачков П. О.** Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Днофанта, полководца Митридата, со скифами.— ЗООИД, 1881, т. XII.
- Бурдак В. Д.** Об изменении темпа роста черноморских кефалей в историческое время.— ДАН СССР, 1966, т. 167, № 5.
- Бурдак В. Д.** и **Щеглов А. Н.** О темпе роста, возрастном составе стад и миграциях некоторых черноморских рыб в античную эпоху.— В кн.: Эколого-морфологические исследования некоторых животных. Киев, 1966.
- Бутомо С. В.** Применение радиоуглеродного метода в археологии.— В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.—Л., 1963.
- Бучинский И. Е.** Изменился ли климат Украины за историческое время.— ИВГО, 1953, т. 85, вып. I.
- Василов Н. И.** Избранные произведения в 2-х тт., [т.] 1. Л., 1967.
- Восникновение и развитие земледелия.** М., 1967.
- Высотская Т. Н.** Некоторые данные о сельском хозяйстве позднескифского городища Алма-Кермен.— КСИА АН УССР, 1961, вып. 11.
- Высотская Т. Н.** Новая находка рельефа с изображением Геракла.— АО 1967 года. М., 1968.
- Высотская Т. Н.** Позднескифские городища и селища Юго-Западного Крыма.— СА, 1968а, № 1.
- Высотская Т. Н.** Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
- Высотская Т. М.** Давньогрецьке поселення хори Херсонеса.— Археологія, 1975, вип. 15.
- Вязьмитина М. I.** Золота Балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі. Київ, 1962.
- Гайдукевич В. Ф.** Раскопки Мирмекия и Тиритак, археологические разведки на Керченском полуострове.— ВДИ, 1940, № 3—4.
- Гайдукевич В. Ф.** Виноделие на Боспоре.— МИА, 1958, № 85.
- Гайдукевич В. Ф.** О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском.— КСИА, 1969, вып. 116.
- Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О.** Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г.— МИА, 1941, № 4.
- Гилевич А. М.** Прибрежинский клад римских монет.— НЭ, 1965, т. V.
- Гилевич А. М.** Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. НС, 1968, т. III.
- Гилевич А. М.** Клад херсонесских монет IV—II вв. до н. э.— В кн.: АО 1968 года. М., 1969.
- Гилевич А. М.** Кучук-Мойвакский клад херсонесских монет IV—III вв. до н. э.— НЭ, 1970, т. VIII.
- Гилевич А. М.** Хронология и топография кладов херсонесских монет IV—II вв. до н. э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений.— Кратк. тез. докл. к науч. конф. «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973.
- Голенко К. В., Щеглов А. Н.** Три позднеэллинистические тетрадрахмы из Северо-Западного Крыма.— ВДИ, 1971, № 1.
- Голенцов А. С.** Раскопки Западно-Донузлавского городища.— АО 1972 г., М., 1973.
- Гошкевич В. И.** Древние городища по берегам низового Днепра.— ИАК, 1913, т. 47.
- Граков Б. Н.** Термин *Σχόδα* и его производные в надписях Северного Причерноморья.— КСИИМК, 1947, вып. XVI.
- Граков Б. Н.** Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.
- Гриневич К. Э.** Что такое Херсонес? Общие предварительные сведения. Изд. 2-е. Севастополь, 1926.
- Гриневич К. Э.** Стены Херсонеса Таврического, [ч.] 1. Севастополь, 1926а (ХС, вып. 1).
- Гриневич К. Э.** Городище «Прекрасная Гавань» в свете новейших данных.— ВДИ, 1949, № 1.
- Губанов И. Г., Подгородецкий П. Д.** Богатства недр. Геол. очерк и полезные ископаемые Крыма. Симферополь, 1966.
- Даниленко В. Н.** Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э. (по эпигр. и нумизмат. данным Северного Причерноморья).— АДСВ, 1966, вып. 4.
- Данов Х. М.** Към историята на полусвободните селяни през античната епоха.— В кн.: Г. И. Кацаров, т. II. София, 1953 (ИАИ, т. XIX).
- Дашевская О. Д.** Скифские городища Крыма. Автореф. канд. дис. М., 1954.
- Дашевская О. Д.** Раскопки Южного Донузлавского городища в 1960 году.— КСОГАМ, 1960 (1961).

- Дашевская О. Д.* О таврской керамике с гребенчатым орнаментом.— СА, 1963, № 4.
- Дашевская О. Д.* Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг.— КСОГАМ, 1962 (1964а).
- Дашевская О. Д.* ТЕΙΧΗ декрета в честь Диофанта.— ВДИ, 1964б, № 3.
- Дашевская О. Д.* Разведки в Северо-Западном Крыму в 1961—1963 гг.— КСИА, 1965, вып. 103.
- Дашевская О. Д.* Вопрос о скифах на северо-западном побережье Крыма в свете новых данных.— Теа. докл. и сообщ. на Конф. по вопросам скифо-сарматской археологии. Москва, 1967. М., 1966а.
- Дашевская О. Д.* Раскопки в Северо-Западном Крыму.— АО 1965 г. М., 1966б.
- Дашевская О. Д.* Античная башня Беляус в Северо-Западном Крыму.— Пленум Института археологии 1966 г. Теа. докл. [8] Секция «Античная археология». М., 1966а.
- Дашевская О. Д.* Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг.— КСИА, 1967а, вып. 109.
- Дашевская О. Д.* Археологические исследования близ оз. Донузлав.— АО 1966 года. М., 1967б.
- Дашевская О. Д.* Работы Донузлавской экспедиции.— АО 1967 года. М., 1968.
- Дашевская О. Д.* Античная башня на городище Беляус.— КСИА, 1969а, вып. 116.
- Дашевская О. Д.* Курган эпохи бронзы у с. Поповка близ Евпатории.— КСИА, 1969б, вып. 115.
- Дашевская О. Д.* Два силепа Беляусского могильника.— КСИА, 1969в, вып. 119.
- Дашевская О. Д.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969г.
- Дашевская О. Д.* Исследование в Северо-Западном Крыму.— АО 1968 года. М., 1969д.
- Дашевская О. Д.* Донузлавская экспедиция.— АО 1969 года. М., 1970а.
- Дашевская О. Д.* О происхождении названия города Керкинатиды.— ВДИ, 1970б, № 2.
- Дашевская О. Д.* Раскопки памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму.— АО 1970 года. М., 1971а.
- Дашевская О. Д.* Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971б.
- Дашевская О. Д.* Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966—1969 гг.— КСИА, 1972, вып. 130.
- Дашевская О. Д.* Раскопки городища и могильника Беляус.— АО 1972 года. М., 1973.
- Дашевская О. Д., Голенцов А. С.* Раскопки городища Беляус и его некрополя.— АО 1974 года. М., 1975.
- Дашевская О. Д., Голенцов А. С., Мизлин В. Ю.* Исследование памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму.— АО 1973 года. М., 1974.
- Дашевская О. Д.* и др. Раскопки на Беляусе.— АО 1975 года. М., 1976.
- Дашевская О. Д., Мизлин В. Ю., Голенцов А. С.* Экспедиция Евпаторийского музея.— АО 1971 года. М., 1972.
- Дашевская О. Д., Щеглов А. Н.* Херсонесское укрепление на городище Беляус.— СА, 1965, № 2.
- Дзюнс-Литовская Н. Н.* Почвы Евпаторийского побережья Черного моря в Крыму.— В кн.: Очерки по физической географии Крыма, вып. 2. Л., 1938 (Тр. ГЭНИИ по физ.-геогр. отд., т. 17).
- Дзюнс-Литовская Н. Н.* Почвы и растительность Тарханкутского полуострова в Крыму. Теа. к канд. дис. Л., [1941].
- Дзюнс-Литовская Н. Н.* Природные географические ландшафты степного Крыма.— ВЛУ, 1951, № 2.
- Дзюнс-Литовская Н. Н.* Почвы и растительность степного Крыма. Л., 1970.
- Дзюнс-Литовский А. И.* Пересыпи и косы Крымских соляных озер.— ИРГО, 1933, т. 65, вып. 6.
- Дзюнс-Литовский А. И.* Оползни Джангульского побережья.— Природа, 1936, № 6.
- Дзюнс-Литовский А. И.* Геологический возраст дольных солевых отложений минеральных озер.— Природа, 1936а, № 12.
- Дзюнс-Литовский А. И.* Тарханкутский полуостров.— В кн.: Очерки по физической географии Крыма, вып. 2. Л., 1938 (Тр. ГЭНИИ по физ.-геогр. отд., т. 17).
- Дзюнс-Литовский А. И.* Пересыпи и лиманы Азово-Черноморского побережья и степного Крыма.— Природа, 1938а, № 6.
- Дзюнс-Литовский А. И.* Штормовые каменные валы. Природа, 1948, № 10.
- Димитров Д. П.* За укрепленные вилы и резиденции у тракте предпринимката эпоха.— В кн.: Исследования в честь на акад. Димитър Дечев по случай 80-годишнината му. София, 1953.
- Долузанов П. М.* Геолого-геоморфологическая характеристика городища Чайка.— КСИА, 1970, вып. 124.
- Доманский Я. В.* О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья.— АСГЭ, 1965, вып. 7.
- Доманский Я. В.* К предыстории Херсонеса Таврического.— АМА, 1974, вып. 2.
- Дорст Ж.* До того как умрет природа. Пер. с франц. М., 1968.
- Евляницкий Л. А.* О малоизученных или утраченных надписях Северного Причерноморья.— ВДИ, 1964, № 1.

- Ельницкий Л. А. Из истории древнегреческой виноторговли и керамического производства.— ВДИ, 1969, № 3.
- Ена В. Г. Физико-географическое районирование Крымского полуострова.— ВМУ, сер. V, 1960, вып. 2.
- Есипенко А. Л. Петуховская оборонительная система.— КСИИМК, 1951, № 39.
- Жебелев С. А. Херсонесская присяга.— ИАН, ООН, 1935, № 10.
- Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953.
- Живаго А. В. О формах растворения и разрушения известняков на побережье Западного Крыма.— ИВГО, 1950, № 6.
- Зенкович В. П. Стронеие берега Западного Крыма у Евпатории.— ВГ, 1948, № 7.
- Зенкович В. П. Караджинская бухта.— Сб. работ Ин-та океанологии АН СССР, 1955, № 4.
- Зенкович В. П. Берега Черного и Азовского морей. М., 1958.
- Зенкович В. П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря, т. 1. М., 1958а.
- Зенкович В. П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря, т. 2. М., 1960.
- Зограф А. Н. Предварительный отчет о поездке 1926 г. по музеям юга России для соби- рания нумизматических материалов.— СГАИМК, 1926, № 1.
- Зограф А. Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами.— ИРАИМК, 1927, № 5.
- Зограф А. Н. Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
- Иванов Э. И. Херсонес Таврический. Симферополь, 1912.
- Кадеев В. И. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя.— ВДИ, 1973, № 4.
- Калмыкова В. А., Коновалов А. А., Павлов В. А. Курганный могильник у дер. Заозер- ное.— АО 1974 года. М., 1975.
- Калмыкова В. А., Коновалов А. А., Маслов С. П. Курганы и грунтовой могильник у дер. За- озерное.— АО 1975 года. М., 1976.
- Карасев А. Н. Раскопки Неополя Скифского в 1948 г.— ВДИ, 1950, № 4.
- Карасев А. Н. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории.— КСИА, 1963, вып. 95.
- Карасев А. Н. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г.— КСИА, 1965, вып. 103.
- Карасев А. Н. Результаты раскопок у санатория «Чайка» близ Евпатории.— В кн.: Ма- териалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических иссле- дований 1964 г. в СССР (тез. докл.). Баку, 1965а.
- Карасев А. Н. Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории.— АО 1965 г., М., 1966.
- Карасев А. Н. Раскопки на городище Чайка.— Пленум Ин-та археологии АН СССР 1966 г. Секция «Античная археология» (тез. докл.). М., 1966а.
- Карасев А. Н. Раскопки городища Чайка в Евпатории.— АО 1966 года, М., 1967.
- Карышковский П. О. Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты».— ВДИ, 1953, № 1.
- Карышковский П. О. Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным.— КСОГАМ, 1963 (1965).
- Кац В. И. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклеийском полуострове.— АМА, 1972, вып. 1.
- Кеппен П. Крымский сборник. СПб., 1837.
- Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. М., 1966. (САИ, [вып.] Г1—20).
- Кирьянов А. В. Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Босфора.— КСИА, 1962, № 91.
- Клейн Л. С. Территория и способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным.— АСГЭ, 1961, вып. 2.
- Клепинин Н. Н. Почвы Крыма. Симферополь, 1927.
- Клепинин Н. Н. Почвы Крыма. [Симферополь], 1935.
- Коваловский Д. А. О геоморфологических признаках современных вертикальных движе- ний на морских берегах.— ИВГО, 1968, т. 100, вып. 4.
- Коваловский Д. А. О ритме вековых колебаний земной коры.— В кн.: Современные дви- жения земной коры, вып. 2. Тарту, 1965.
- Колосов Ю. Г. Археологические исследования в степном Крыму в 1952 г.— ИКОГО, 1957, вып. 4.
- Коновалов А. А. Раскопки некрополя у дер. Заозерное.— АО 1969 года. М., 1970.
- Коновалов А. А. Раскопки некрополя у дер. Заозерная.— АО 1970 года. М., 1971.
- Коновалов А. А. Раскопки некрополя у дер. Заозерная.— АО 1971 года. М., 1972.
- Коновалов А. А. Раскопки некрополя близ дер. Заозерное.— АО 1972 года. М., 1973.
- Коновалов А. А. Раскопки некрополя у дер. Заозерное.— АО 1973 года. М., 1974.
- Копейкина Л. В. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период.— СА, 1975, № 2.
- Копцевалов А. Торговля хлебом греческих колоний Северного Причерноморья.— Научн. зап. научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры, 1927, т. II. История і литература.
- Кречетов П. Н. О реке Гипакирисе и местоположении города Каркиниты.— ЗООИД, 1889, т. XV.

- Кругликова И. Т.* Исследование сельской территории европейского Боспора.— СА, 1957, № 1.
- Кругликова И. Т.* Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг.— МИА, 1958, № 85.
- Кругликова И. Т.* Сельская территория Боспора.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Кулаковский Ю.* Карта Европейской Сарматии по Птоломею. Киев, 1899.
- Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. Изд. 2. Киев, 1914.
- Курнаков Н. С.* и др. Соляные озера Крыма. М.—Л., 1936.
- Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
- Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1888—1891 гг.— МАР, 1892, № 9.
- Латышев В. В.* Заметки по древней географии северного побережья Черного моря и Крыма. I. К Страб. VII, 4, 2.— ЖМНП, 1892а, № 4.
- Латышев В. В.* PONTIKA. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909.
- Латышева В. А.* Раскопки поселения Маслины в Северо-Западном Крыму.— АО 1972 года. М., 1973.
- Латышева В. А.* Раскопки в Северо-Западном Крыму.— АО 1973 года. М., 1974.
- Латышева В. А.* Раскопки поселений в Северо-Западном Крыму.— АО 1974 года. М., 1975.
- Лев Е. И.* К вопросу о датировке Херсонесской присяги.— СА, 1947, № 9.
- Левкозская Г. М.* Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным спорово-пыльцевого анализа.— КСИА, 1970, вып. 124.
- Леское А. М.* Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965.
- Либеров П. Д.* К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа.— МИА, 1960, № 53.
- Лилиенберг Д. А.* Основные черты геоморфологии и палеогеографии юго-западного побережья Черного моря.— В кн.: Комплексные исследования Черноморской впадины. М., 1970.
- Лонгинов В. В.* Бухта Ярылгач.— Сб. работ Ин-та океанологии АН СССР, 1955, № 4.
- Лочия Черного моря.* Изд. 2. Николаев, 1867.
- Лычагин Г. А.* Современные тектонические движения на западном побережье Крыма.— Бюлл. МОИП, Нов. сер., 1958, т. 63, отд. геол., т. 33, вып. 3.
- Львова Е. В.* Неотектонические движения и характер Тарханкута (Крым).— В кн.: Развитие морских берегов. Тарту, 1966.
- Максимова М. И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами.— МИА, 1954, № 33.
- Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956.
- Максимова М. И., Наливкина М. А.* Скульптура.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья, т. 1. М.—Л., 1955.
- Марков К. К., Лагунов Г. И., Николаев В. А.* Четвертичный период, т. 2. М., 1965.
- Маслов С. П., Филин В. Р.* К вопросу о природных условиях окрестностей городища Чайка (евпаторийское побережье Крыма).— В кн.: История биогеоценозов СССР в голоцене. М., 1976.
- Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников.— АСГЭ, 1971, вып. 13.
- Менабде В. Л.* Пшеницы Грузии. Тбилиси, 1948.
- Моисеев Л. А.* Из истории западного побережья Тавриды. I. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории.— ИТУАК, 1916, вып. 54.
- Надписи Ольвии.* (1917—1965). Л., 1968.
- Наливкина М. А.* Северо-Западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации.— ПИДО, 1934, № 9—10.
- Наливкина М. А.* О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма.— СА, 1940, № 6.
- Наливкина М. А.* Основные итоги работ Евпаторийского отряда.— КСИИМК, 1952, вып. 45.
- Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории.— КСИИМК, 1953, вып. 51.
- Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории (предварительные итоги).— КСИИМК, 1955, вып. 58.
- Наливкина М. А.* Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948—1952).— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
- Наливкина М. А.* Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Наливкина М. А.* Херсонес и Керкинитиды в «Херсонесских этюдах» А. И. Тюменева.— В кн.: Проблемы социально-экономической истории Древнего мира. Сб. памяти А. И. Тюменева. М.—Л., 1963.
- Наливкина М. А.* Керкинитиды и Калос Лимен (некоторые итоги изучения).— В кн.: Античный город. М.—Л., 1963а.

- Наливкина М. А.* Терракоты из Прекрасной Гавани. Статуэтки из Керкинитиды. — В кн.: Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970 (САИ, [вып.] Г1—11).
- Невесский Е. Н.* Процесс осадкообразования в прибрежной зоне моря. М., 1967.
- Невесский Е. Н., Невеская Л. А.* К вопросу о строении и истории формирования толщ прибрежных морских отложений в голоцене. — Тр. Ин-та геологии АН ЭССР, 1961, т. 8.
- Негряль А. М.* Археологические находки семян винограда. — СА, 1960, № 1.
- Нейгардт А. А.* Рабство в малоазийских торговых греческих городах. — В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968.
- Никишин И. И.* Находка зерен в Керчи. — КСИИМК, 1948, вып. 23.
- Николаев Н. И.* Новейшая тектоника СССР. — ТКИЧП, 1949, т. 8.
- Николаенко Г. М.* Метки на античных пифосах. — В кн.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
- Орешиников А. В.* Монеты Керкинитиды или Керкинитиды. Материалы по древней нумизматике черноморского побережья. М., 1892.
- Орешиников А. В.* Об изображении скифа на монетах Керкинитиды. — НС, 1911, № 1.
- Орешиников А. В.* Дополнения к нумизматике Керкинитиды. — НС, 1915, № 3.
- Островский А. В.* Регрессивные уровни Черного моря и их связь с переуглублением речных долин кавказского побережья. — ИАН СССР, сер. географ., 1967, № 1.
- Островский А. В.* Стратиграфия, неотектоника и геологическая история плейстоцена Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа. Автореф. канд. дис. [Ростов н/Д], 1968.
- Откупщиков Ю. В.* Греческая колонизация Причерноморья и карийцы. — Всесоюз. науч. конф. «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Черноморья». Май 1975 г. Тез. докл. Тбилиси, 1975.
- Павлов В. А.* Раскопки усадьбы на территории пионерского лагеря «Маяк». — АО 1973 года. М., 1974.
- Павлова Н. Н.* Схема ландшафтного районирования степного Крыма. — ВЛУ, 1960, № 6, вып. 1.
- Павлова Н. Н.* Физическая география Крыма. Л., 1964.
- Перволюф Ю. В.* О процессе образования ила Мойнакского озера. — Тр. Соляной лаборатории АН СССР, 1937, вып. 14.
- Перволюф Ю. В.* Илы и условия их образования в соляных озерах Крыма. — Тр. лаборатории озерадения АН СССР, 1953, т. II.
- Подгородецкий П. Д.* Тарханкутское складчатое степное поднятие (физико-географ. характеристика). — Изв. Крымского гос. пед. ин-та, 1959, т. XXXIV.
- Подгородецкий П. Д.* До современных тектоничных рух в на Тарханкутському півострову. — Географічний збірник УГТ, 1960, № 4.
- Подгородецкий П. Д.* Физико-географические районы и типы местности Тарханкутского поднятия. — ИКОГО, 1961а, вып. 7.
- Подгородецкий П. Д.* Находки раннечетвертичной фауны позвоночных на Тарханкутском полуострове и ее значение для палеогеографии Крыма. — ИКОГО, 1961б, вып. 6.
- Подгородецкий П. Д.* Северо-Западный Крым. Симферополь, 1974.
- Подгородецкий П. Д., Вишиков Ф. Н.* Джангульское оползневое побережье в Крыму и его природа. — В кн.: Охрана и развитие природных богатств Крыма. Симферополь, 1960.
- Правоторов И. А.* К вопросу о трансгрессивном ходе уровня за последние тысячелетия на северном лагуновом побережье северо-западной части Черного моря. — В кн.: Геология побережья и дна Черного и Азовского морей в пределах УССР, вып. I. [Киев], 1967.
- Пятмишева Н. В.* Тавры и Херсонес Таврический. — КИИСМК, 1949, № 29.
- Пятмишева Н. Ф.* Скифы и Херсонес. — В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
- Раевский Д. С.* Некоторые вопросы истории Малой Скифии в свете изучения подднесьской фортификации. — Сб. докл. на IX и X Всесоюз. археол. студенческих конференциях. М., 1968.
- Раевский Д. С.* О местоположении древнего Евпатория. — ВДИ, 1968а, № 3.
- Ранович А. В.* Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.
- Романченко Н. Ф.* К вопросу о древних поселениях вблизи Евпатории. — АИЗ, 1894, вып. II.
- Романченко Н. Ф.* Материалы по археологии Евпаторийского уезда. — ЗРАО, нов. сер., 1896, т. VIII, вып. 1—2.
- Романченко Н. Ф.* Раскопки в окрестностях Евпатории. — ИАК, 1907, вып. 25.
- Ростовцев М. И.* Амага и Тиргатао. — ЗООИД, 1915, т. 32.
- Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Савеля О. Я.* О таврской керамике с гребенчатым орнаментом из Херсонеса. — КСИА, 1970, вып. 124.
- Савеля О. Я.* Раскопки и разведки в окрестностях Севастополя. — АО 1973 года, М., 1964.
- Свенцицкая И. С.* Положение зависимого поселения в Малой Азии V—IV вв. до н. э. — ВДИ, 1967, № 4.

- Сергеенко М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958.
- Синицын М. С.* Городище у хутора Петуховки Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг.— ВДИ, 1952, № 2.
- Славин Л. М.* Некоторые итоги изучения ольвийской хоры.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
- Слободин В. М.* К вопросу о развитии и смене систем земледелия.— В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сб. 1. М., 1952.
- Слудский А. Ф.* Древние долины реки Салгир.— ИКОГО, 1953, № 12.
- Смирнов Г. Д.* Раскопки скифского кургана близ городища Калос Лимен.— ВДИ, 1952, № 4.
- Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию.— В кн.: Памятники скифской археологии. М., 1971.
- Соболевский А. И.* Топонимические заметки.— ИТОИАЭ, 1928, т. III.
- Соколовский Н. И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху.— In: Acta antiqua philippopolitana. Studia archaeologica. София, 1963.
- Соколовский Н. И.* Крепость на городище у хутора Батарейка. I.— СА, 1963а, № 1.
- Соколовский Н. И.* Крепость на поселении Батарейка II.— КСИА, 1967, вып. 109.
- Соломонович Э. И.* О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья.— В кн.: Археология и история Боспора, вып. 1. Симферополь, 1952.
- Соломонович Э. И.* Надписи на стеле из с. Марьино.— СХМ, 1963, вып. 3.
- Соломонович Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964.
- Соломонович Э. И.* Памятники с надписями.— СХМ, 1963, вып. 4.
- Соломонович Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лапидарные надписи. Киев, 1973.
- Спасский Г.* О местоположении древнего города Каркиниты и об его монетах.— ЗООИД, 1848, № 2.
- Стржелецкий С. Ф.* Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году.— ХС, 1948, вып. 4.
- Стржелецкий С. Ф.* Клер Херсонеса Таврического.— ВДИ, 1951, № 3.
- Стржелецкий С. Ф.* Основные этапы эконолического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму.— Симферополь, 1961 (ХС, вып. 6).
- Сумароков П.* Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду, ч. I. СПб., 1803.
- Тахтай А. К.* Античные клейменные пифосы из Херсонеса.— КСИИМК, 1940, вып. 5.
- Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968.
- Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953.
- Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства, ч. II. СПб., 1884.
- Троицкая Т. Н.* Скифские курганы Крыма.— ИКОГО, 1951, вып. 1.
- Троицкая Т. Н.* Скифские погребения в курганах Крыма. Автореф. канд. дис. Симферополь, 1954.
- Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. I. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса.— ВДИ, 1938, № 2.
- Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. II. Херсонес и Делос.— ВДИ, 1938а, № 2.
- Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население (тавры).— ВДИ, 1949, № 4.
- Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население (скифы).— ВДИ, 1950, № 2.
- Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. V. Херсонесские проксении.— ВДИ, 1950а, № 4.
- Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. VI. Херсонес и Керкиниты.— ВДИ, 1955, № 3.
- Украина и Молдавия. М., 1972.
- Федоров П. В.* О современной эпохе в геологической истории Черного моря.— ДАН, 1956, т. 110, вып. 5.
- Федоров П. В.* О колебаниях уровня Черного моря в послеледниковое время.— ДАН, 1959, т. 124, вып. 5.
- Федоров П. В.* Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья и некоторые основные вопросы геологической истории Черного моря. М., 1963.
- Федосеев П. Н.* Философская интерпретация научно-технической революции.— ВФ, 1976, № 10.
- Феофраст.* Исследование о растениях. Перев. с древнегреч. и примеч. М. Е. Сергеенко. [М.], 1951.
- Фирсов Л. В.* Средневековое укрепленное поселение на Крестовой горе близ Алушки.— ЗОАО, 1967, № 2 (35).
- Фирсов Л. В.* Этюды по радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976.
- Фляксбергер К.* Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю.— КСИИМК, 1940, вып. 8.

- Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.
- Харко А. П. Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг.— В кн.: Ольвия. Темеос и агора. М.—Л., 1964.
- Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Шелов Д. В. Царь Атей.— НС., 1963, т. 2.
- Шелов Д. В. Танаис и Нижний Дов в первые века нашей эры. М., 1972.
- Шелов Д. В. Керамические клейма из Танаиса III—I веков до н. э. М., 1975.
- Шилик К. К. Реконструкция топографии античной Ольвии.— КСИА, 1970, вып. 124.
- Шилик К. К. К реконструкции топографии археологических памятников прибрежной зоны Черного моря.— Тез. докл., посвящ. итогам полевых археол. исслед. в 1970 г. в СССР (дополнит. вып.). Тбилиси, 1971.
- Шилик К. К. Определение высоты и абсолютного возраста новочерноморской террасы в Ольвии.— ДАН СССР, т. 203, № 5, 1972.
- Шилик К. К. К палеогеографии Ольвии.— В кн.: Ольвия. Киев, 1975.
- Шилик К. К. Подводная археология помогает восстанавливать прошлое океана.— Природа, 1976, № 12.
- Шишкин К. В. Применение аэрофотосъемки для исследования археологических памятников.— СА, 1966, № 3.
- Шмаков А. И. О пирамидках из глины, найденных при Ак-Мечетской бухте.— ЗООИД, 1844, т. 1.
- Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария.— Зап. Географич. об-ва СССР, Нов. сер., 1958, т. 16.
- Шостакович В. Б. Иловые отложения озер и периодические колебания в явлениях природы.— ЗГГи, 1934, вып. 13.
- Шостакович В. Б. Иловые отложения Сакского озера как летописи климата.— В кн.: Саки — курорт, вып. 1. Симферополь, 1935.
- Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- Штительман Ф. М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, 1956, № 50.
- Штифтар В. Ф. Археологические находки в Евпатории.— Гермес, 1911, № 11.
- Штифтар В. Ф. Две надписи на черепицах, найденных в Евпатории.— ИТУАК, 1913, вып. 50.
- Штифтар В. Ф. Эпиграфические находки.— ИТУАК, 1914, вып. 51.
- Штифтар В. Ф. Археологические находки.— Гермес, 1917, № 9—10.
- Штифтар В. Ф. Неизданные стемпеля на ручках греческих амфор, найденные в Евпатории.— ИТОИАЭ, 1927, № 1 (58).
- Штифтар В. Ф. Евпатория — Керкинтита как часть Херсонесского округа.— В кн.: Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. 10—13 сентября 1927 г. Севастополь, 1927а.
- Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции.— СА, 1937, № 3.
- Шульц П. Н. Евпаторийский район, 1933—1934 гг.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941.
- Шульц П. Н. Тавро-скифская экспедиция.— КСИИМК, 1949, вып. 27.
- Шульц П. Н. Работы Северо-Крымской экспедиции.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 4.
- Шульц П. Н. Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму.— КСИА АН УССР, 1957, вып. 7.
- Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Шульц П. Н. Надгробный рельеф из с. Марьяно.— СХМ, 1963, вып. 3.
- Шульц П. Н. Надгробный рельеф сарматского круга.— В кн.: Культура античного мира. М., 1966.
- Шульц П. Н. Скифские изваяния Причерноморья.— В кн.: Античное общество. М., 1967.
- Шульц П. Н. Скифское изваяние, найденное у городища Чайка.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму.— В кн.: Памятники скифской археологии. М., 1971.
- Шустов Е. С. Географические наблюдения в районе Тарханкутского полуострова и по западным берегам Крыма летом 1927 г.— Крым, 1928, № 2 (7).
- Щеглов А. Н. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма.— СХМ, 1961, вып. 2.
- Щеглов А. Н. К истории древнего виноградарства в Крыму.— Виноградарство и садоводство Крыма, 1961а, № 12.
- Щеглов А. Н. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г.— СХМ, 1963, вып. 3.
- Щеглов А. Н. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг.— КСИА, 1963, вып. 103.
- Щеглов А. Н. Хора Херсонеса Таврического в IV—II вв. до н. э.— Материалы сессии, посвящ. итогам археологич. и этнографич. исследований 1964 г. в СССР (тез. докл.). Баку, 1965а.
- Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды.— ВДИ, 1965б, № 2.
- Щеглов А. Н. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху.— ВДИ, 1966, № 4.
- Щеглов А. Н. Исследование сельской округи Калос Лимена.— СА, 1967, № 3.

- Щеглов А. Н. Раскопки в Северо-Западном Крыму.— АО 1966 года. М., 1967а.
- Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Щеглов А. Н. Исследования в Северо-Западном Крыму.— АО 1967 года. М., 1968а.
- Щеглов А. Н. Новый метод определения величины рыбы по ее чешуе и некоторые данные о промысле кефали в Северо-Западном Крыму в I в. до н. э.— КСИА, 1969, вып. 119.
- Щеглов А. Н. Охранные раскопки и зачистки на Гераклеийском полуострове.— АО 1968 года. М., 1969а.
- Щеглов А. Н. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху.— КСИА, 1970, вып. 124.
- Щеглов А. Н. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма.— СА, 1970а, № 1.
- Щеглов А. Н. Раскопки на территории хоры Херсонеса.— АО 1969 года. М., 1970б.
- Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Автореф. канд. дис. Л., 1971.
- Щеглов А. Н. Работы Тарханкутской экспедиции в 1972 г.— Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых археологич. исслед. 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
- Щеглов А. Н. О структуре населения хоры Херсонеса и Боспора в IV—II вв. до н. э.— Кратк. тез. докл. к науч. конф. «Античные города Северного Причерноморья и Варварский мир». Л., 1973а.
- Щеглов А. Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса.— КСИА, 1975, вып. 143.
- Щеглов А. Н. Попис и хора. Симферополь, 1976.
- Щеглов А. Н. Жилой дом эллинистического Калос Лимена (опыт реконструкции).— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976а.
- Щеглов А. Н. Земельный надел у мыса Ойрат.— В кн.: История и культура античного мира.— М., 1977.
- Щеглов А. Н., Бурдак В. Д. О промысле рыбы у берегов Тарханкута в античную эпоху.— Рыбное хозяйство, 1965, № 3.
- Щеглов А. Н. и др. Тарханкутская экспедиция.— АО 1971 года. М., 1972.
- Щеглов А. Н. и др. Исследования на хоре Херсонеса.— АО 1972 года. М., 1973.
- Щеглов А. Н. и др. Исследования Тарханкутской экспедиции.— АО 1973 года. М., 1974.
- Щеглов А. Н. и др. Изучение поселения и некрополя Панское I на хоре Херсонеса.— АО 1974 года. М., 1975.
- Щеглов А. Н. и др. Работы на Тарханкутском полуострове.— АО 1975 года. М., 1976.
- Щеглов А. Н., Маликов В. М. Новые памятники античного виноградарства на Тарханкутском полуострове.— Виноградарство и виноделие СССР, 1963, № 7.
- Щеглов А. Н., Саверкина И. И., Глазунов В. В. Исследования близ Ярылгачской бухты в Северо-Западном Крыму.— АО 1970 года. М., 1971.
- Щепинский А. А. Некоторые новые археологические находки в Симферополе и Черноморском районе Крымской области.— ИКОГО, 1951, вып. 1.
- Щепинский А. А. Культура энеолита и бронзы в Крыму.— СА, 1966, № 2.
- Щепинский А. А. Исследования в степном Крыму.— АО 1971 года. М., 1972.
- Щепинский А. А. Исследования в зоне строительства Северо-Крымского канала.— АО 1975 года. М., 1976.
- Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V—I тыс. до н. э. Симферополь, 1969.
- Щепинский А. А., Черепанова О. М. Пам'ятки античного часу на березі Каркінітської затоки.— Археологія, 1974, № 13.
- Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930).— ИТОИАЭ, 1931, т. 4.
- Юргевич В. Псифизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Мифрадата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов.— ЗОИД, 1881, т. 12.
- Янушевич З. В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976.
- Яценко И. В. Раскопки скифских строительных остатков на городище Чайка в Евпатории.— АО 1967 года. М., 1968.
- Яценко И. В. Полевые исследования Крымской экспедиции.— АО 1968 года. М., 1969.
- Яценко И. В. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967 гг.).— КСИА, 1970, вып. 124.
- Яценко И. В. Исследование городища у санатория «Чайка» в Евпатории.— АО 1969 года. М., 1970а.
- Яценко И. В. Исследования на городище у санатория «Чайка» близ Евпатории.— АО 1970 года. М., 1971.
- Яценко И. В. Раскопки на поселении у санатория «Чайка».— АО 1971 года. М., 1972.
- Яценко И. В. Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена.— В кн.: Новое в археологии. Изд. МГУ, 1972а.
- Яценко И. В. Исследование скифского поселения у санатория «Чайка» в Евпатории.— АО 1972 года. М., 1973.
- Яценко И. В. Новые сведения о планировке скифского поселения у санатория «Чайка» в Евпатории.— АО 1973 года. М., 1974.
- Яценко И. В. Археологические раскопки в предместье Евпатории.— ВИ, 1974а, № 4.

- Яценко И. В. Раскопки скифского поселения в Евпатории.— АО 1974 года. М., 1975.
- Яценко И. В., Попова Е. А. Исследование западных кварталов скифского поселения в Евпатории.— АО 1975 года. М., 1976.
- Adamesteanu D. Problèmes de la zone archéologique de Métaponte.— RA, 1967, N 1.
- Akurgal E. Die Kunst Anatoliens. Berlin, 1961.
- Alexandrescu P. Peisajul histrian în Antichitate.— Pontica, 1970, 3.
- Bernhard M.-L. Kalos Limen, fouilles polonaises en Crimée, URSS, 1959.— Bulletin du Musée National de Varsovie, 1961, v. II, N 1.
- Billard R. L'agriculture dans l'antiquité d'après les Géorgiques de Virgile. Paris, 1928.
- Bon A. Les ruines antiques dans l'île de Thasos et en particulier les tours helléniques.— BCH, 1930, t. LIV.
- Canarache V. Observații noi cu privire la topografia Histriei.— SCIV, 1956, t. VII.
- Castagnoli Ippodamo di Mileto e l'urbanistica a pianta ortogonale.— Roma, 1956.
- Chandler L. The North-West Frontier of Attica.— JHS, 1926, XLVI, 1.
- Cook J. M. Old Smyrna.— BSA, 1959, 53—55 (1958—59).
- Cotte Ch., Cotte J. Etude sur les blés de l'antiquité classique. Paris, 1912.
- Daux G. Nouvelles inscriptions de Thasos.— BCH, 1926, 50.
- Dörpfeld W. Alt-Ithaka. München, 1927.
- Dufkova M., Pečírka J. Excavations of farms in the chora of Chersonesos in the Crimea.— Eirene, 1970, t. VIII.
- Friedlaender G. Kerkine citta del Chersoneso Taurica.— Bulletin del Istituto di corrisp. archeologica, 1844, fasc. XIV.
- Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin—Amsterdam, 1971.
- Gerkan A. Griechische Städtanlagen. Berlin—Leipzig, 1924.
- Gow A. S. F. The ancient plough.— JHS, 1914, t. XXXIV.
- Grimal P. Les maisons à tour hellénistiques et romaines.— MAH, 1939, t. LVI.
- Guiraud P. La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine. Paris, 1893.
- Harmatta J. Studien on the history of the Sarmatians. Budapest, 1950.
- Jardé A. Les céréales dans l'antiquité grecque.— Paris, 1925.
- Jashemsky W. F. University of Maryland excavations at Pompeii, 1968.— AJA, 1970, t. 74, N 1.
- Jashemsky W. F. The discovery of a Large Vineyard at Pompeii: University of Maryland excavations, 1970.— AJA, 1973, t. 77, N 1.
- Jashemsky W. F. Large Vineyard discovered in ancient Pompeii.— Science, 1973a, t. 180, N 4088.
- Keil J., Premerstein A. Bericht eine über dritte Reise in Lydien und den angrenzenden Gebieten Joniens, ausgeführt 1911 im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien.— DWA, 1915, LVII.
- Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland.— Berlin, 1909.
- Knoblauch P. Neuere Untersuchungen an den Häfen von Ägina.— BJ, 1969, t. 169.
- La città e il suo territorio. Atti del Settimo convegno di studi sulla Magna Grecia, Taranto, 8—12 ottobre 1967. Napoli, 1968.
- Lang M. A New inscription from Thasos: specifications for a measure.— BCH, 1952, t. 76.
- Lord L. E. The «Pyramids» of Argolis.— Hesperia, 1933, t. VII, N 4.
- Lord L. E. Blockhouses in the Argolis.— Hesperia, 1941, X.
- Lotze D. Μεταξύ κλειστέρων και δούλιον.— In: Studien zur rechtstellung infreier landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4 Jh. v. Chr. Berlin, 1959.
- Michel Ch. Recueil des inscriptions grecques. Bruxelles, 1900.
- Minns E. H. Scythians and Greeks.— Cambridge, 1913.
- Mörner N.-A. Late quaternary isostatic, eustatic and climatic changes.— Quaternaria, 1971a, t. XIV.
- Mörner N.-A. Eustatic changes during the last 20 000 years and a method of separating the isostatic and eustatic factors in an uplifted area.— In: Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology, 1971a, t. 9.
- Neumann K. Die Hellenen in Skythenland. Berlin, 1855.
- Nordenskiöld A. E. Facsimile-atlas to the Early history of cartography. Stockholm, 1889.
- Nordenskiöld A. E. Periplus, an essay of the history of charts and sailing directions. Stockholm, 1897.
- Nowicka M. Les maisons à tour dans le monde grec. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975.
- Pečírka J. Antické zemedelské uzdelosti v okolí mesta Chersonesu na Krymu.— Listy filologické, 1968, rocn. 91, sv. 3.
- Pečírka J. Country estates of the polis of Chersonesos in the Crimea.— In: Ricerche storiche ed economiche in memoria di C. Barbagallo, v. I. Napoli, 1970.
- Pečírka J. Homestead farms in classical and hellenistic Hellas.— In: Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Paris—La Haye, 1973.
- Peisker J. Zur socialgeschichte Böhmens.— Zeitschrift für Social und Wirtschaftsgeschichte, 1897, V.
- Pippidi D. M. Sur un passage obscur du decret en l'honneur de Diophante, fils d'Asclepiodore.— Archeologia, 1959, IX.
- Pippidi D. M. Le problème de la main-d'oeuvre agricole dans les colonies grecques de la Mer Noire.— In: Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Paris—La Haye, 1973.

- Reinach Th.* Mithradate Eupator, König von Pontos. Leipzig, 1895.
- Reinach Th.* Mithradate Eupatore re del Ponto. Milano, 1960.
- Robinson D. M., Graham I. W.* The Hellenic House.— Excavations at Olyntus, 1938, VIII.
- Rostowzew M.* Hellenistisch-römische Architekturlandschaft.— RM, 1911, XXVI.
- Rostovtzeff M.* Notes on the economic policy of the Pergamens kings.— In: Anatolian studies presented to Sir W. M. Ramsay. Manchester, 1923.
- Rostovtzeff M. I.* Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931.
- Rostovtzeff M.* The social and economic history of the Hellenistic World. Oxford, 1941.
- Schmiedt G.* Metodi dell'impegno e dell'utilizzazione della fotografia aerea nella ricerca archeologica.— In: Atti del Settimo congresso internazionale di archeologia classica, v. I. Roma, 1961.
- Schmiedt G., Chevallier R.* Photographie aérienne et urbanisme antique en Grande Grèce: Caulonia, Metaponte.— RA, 1960, I.
- Schnebel M.* Die Landwirtschaft im hellenistischen Aegypten, t. I. Berlin, 1925.
- Short G. A.* The siting of greek colonies on the Black sea coasts of Boulgaria and Romania.— Annales of archaeology and anthropology, Liverpool, 1937, december.
- Tillyard H. J. W.* Two wath towers in the Megarid.— BSA, 1905—06, XII.
- Uggeri G.* Κληροί arcaici e bonifica classica nella χώρα di Metaponto.— In: La parole del passata. Roma, 1969 (Rivista di studi antichi, fasc. 124).
- Wąsowicz A.* La campagne et les villes du littoral septentrional du Pont-Euxin (Nouveaux temoignages archeologiques). — Dacia, 1969, v. XIII.
- Wąsowicz A.* 1972. Traces de lotissements anciens en Crimée. MEFRA, 1972, t. 84, N 1.
- Wąsowicz A.* Zagospodarowanie przestrzenne państw greckich: Olbia Pontyjska, Chersonesz Taurydzki, Królestwo Bosporańskie.— Archeologia, 1974, XXV.
- Wąsowicz A.* Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace.— Annales littéraires de l'Université de Besançon, 1975. v. 168. (Centre de recherches d'histoire ancienne, v. 13).
- Wąsowicz A.* L'Aménagement de l'espace de l'état Grec: Olbia Pontique, Chersonese Taurique, Royaume du Bosphore.— Rendiconti classe di lettere, 1975a, v. 109.
- Young J. H.* Studies in South Attica, country estates at Sounion.— Hesperia, 1956, t. XXV, N 2.
- Δραγάτος 'Ι X.* Οι πόργοι τῶν νήσων καὶ ἰδιὰ τῆς Σίφνου. ΠΑΕ, 1920.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГ	— Античный город. М., 1963.
АГСП	— Античные города Северного Причерноморья. I. М.—Л., 1955.
АДСВ	— Античная древность и средние века.
АИБ	— Археология и история Босфора.
АИЗ	— Археологические известия и заметки.
АИКСП	— Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья Л., 1968.
АМА	— Античный мир и археология.
АО	— Археологические открытия.
АИР	— Археологические исследования на территории РСФСР. М.—Л., 1941.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БМОИП	— Бюллетень Московского общества испытателей природы.
ВГ	— Вопросы географии.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вопросы истории.
ВЛГУ	— Вестник Ленинградского государственного университета.
ВМУ	— Вестник Московского государственного университета.
ВФ	— Вопросы философии.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ДАН	— Доклады Академии наук СССР.
ДВЕ	— Древности Восточной Европы. М., 1969.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗГГИ	— Записки Государственного геологического института.
ЗООО	— Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ИАДК	— История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИАН	— Известия Академии наук СССР.
ИБГО	— Известия Всесоюзного географического общества.
ИКАМ	— История и культура античного мира. М., 1977.
ИКОГО	— Известия Крымского отдела Географического общества СССР.
ИОН	— Известия АН СССР. Отделение общественных наук.
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры.
ИРГО	— Известия Русского географического общества.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КАМ	— Культура античного мира. М., 1966.
КВН	— Корпус боспорских надписей.
КСИА	— Краткие сообщения института археологии АН СССР.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея.
КСОГУ и ОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного университета и Одесского государственного археологического музея.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАР	— Материалы по археологии России.

- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 НО — Надписи Ольвии. Л., 1968.
 НС — Нумизматический сборник.
 НСФр — Нумизматика и сфрагистика.
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика.
 ОАК — Отчет Археологической комиссии.
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
 ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
 ПСА — Проблемы скифской археологии. М., 1971.
 СА — Советская археология.
 САИ — Свод археологических источников.
 СГАИМК — Сообщения государственной академии истории материальной культуры.
 СХМ — Сообщения Херсонесского музея.
 Тр. ГЭНИИ — Труды Государственного экономического научно-исследовательского института.
 ТКИЧП — Труды комиссии по изучению четвертичного периода.
 УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета.
 ХС — Херсонесский сборник.
 АJA — American Journal of Archaeology.
 BCH — Bulletin de Correspondance hellénique.
 BJ — Bonner Jahrbücher.
 BMNV — Bulletin du Musée National de Varsovie.
 BSA — Annual of the British School at Athens.
 CAH — Cambridge Ancient History.
 DWA — Denkschriftliche Weiner Akademie.
 IOSPE — Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini.
 JHS — Journal of Hellenic Studies.
 Liddell — Scott — A Greek-English Lexicon. Oxford.
 MAH — Mélanges d'archéologie et d'histoire.
 MEFRA — Mélanges de l'Ecole Française de Rome.
 PAE — Πρακτικά τῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας.
 RA — Revue archéologique.
 RE — Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
 RM — Rheinische Mitteilungen.
 SCIV — Studii si cercetari de istorie veche.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Агаскил 7—9, 121, 122, 125
 Алексеев Ю. Г. 12, 26
 Амага 128, 129
 Амбатия 6, 44, 45
 Анфимов Н. В. 105, 108, 136
 Аполлоний (херс. гражд.) 123, 125
 — (херс. агораном) 93
 Арриан 76, 132
 Артамонов М. И. 9, 22, 29, 136
 Атей 10, 119, 127
 Ахилл 132
 Ахмеров Р. Б. 39, 44, 136
- Бабков И. И. 27, 136
 Бежов Г. Д. 10, 12, 31, 49, 79, 119, 121, 136
 Бернхард М.-Л. 36, 79, 145
 Бертъе-Делагард А. Л. 6, 7, 64, 108, 120, 121, 136
 Блаватская Т. В. 31, 136
 Блаватский В. Д. 3, 4, 10, 11, 16, 49, 64, 72, 78, 79, 101, 106—108, 112, 118, 119, 121, 125, 136
 Благоволин Н. С. 12, 15, 16, 20, 136
 Борисов А. А. 25, 27, 136
 Борисова В. В. 136
 Боровдин И. Н. 63, 119, 136
 Брандис 133
 Браун Ф. 22, 133, 137
 Брашинский И. Б. 12, 39, 93, 117, 131, 136, 137
 Брун Ф. 4, 5, 22, 137
 Буратков П. О. 4, 5, 22, 23, 35, 94, 95, 133, 137
 Бурдак В. Д. 12, 26, 114, 137, 144
 Бутомо С. В. 103, 137
 Бучинский И. Е. 27, 137
- Вавилов Н. И. 106, 137
 Веселовский Н. И. 50
 Вшивков В. Н. 19, 24, 141
 Висотская Т. Н. 11, 41, 74, 106, 125, 130, 132, 137
 Вязьмитина М. И. 75, 137
- Гайдукевич В. Ф. 11, 64, 78, 112, 117, 137, 145
- Гатал 131
 Гекатей 10, 42, 116
 Геракл 82, 122, 124, 125
 Гераклид 93
 Герон 93
 Геродот 4, 22
 — (имя на стене) 44, 45
 Гестий 93, 131
 Гилевич А. М. 12, 20, 95, 108, 118, 120, 130, 133, 135, 137
 Глазунов В. В. 20
 Голенко К. В. 41, 137
 Голенцов А. С. 31, 41, 137, 138
 Гошкевич В. И. 55, 74, 137
 Граков Б. Н. 9, 10, 39, 75, 129, 131, 132, 137
 Грейс В. 41
 Гриневич К. Э. 5—8, 36, 64, 137
 Губанов И. Г. 16, 137
- Даниленко В. Н. 44, 137
 Данов Х. М. 128, 137
 Дашевская О. Д. 8—12, 22, 29—31, 35, 37, 38, 41, 44, 46, 50, 52, 54, 55, 62, 64, 66, 67, 74, 76, 82, 85, 97, 103, 104, 108, 112, 116, 125, 127, 137, 138
 Дева 120
 Деметра 82, 116
 Десмони 4
 Даэнс-Литовская Н. Н. 13, 23, 24, 138
 Даэнс-Литовский А. И. 14, 19, 20, 22, 27, 138
 Димитров Д. П. 77, 138
 Диодор 118
 Дион Хрисостом 76
 Дионис 130
 Диофант 4, 7, 57, 71, 75, 76, 119, 126, 129, 133, 134
 — (синопск. астином) 93
 Долуханов П. М. 15, 138
 Доманский Я. В. 117, 138
 Дорст Ж. 28, 138
- Евмел 128
 Евмен 77
 Ельницкий Л. А. 10, 138
 Ена В. Г. 13, 139
 Есипенко А. Л. 75, 139

* Указатели составлены А. М. Гилевич и Т. В. Швецовою.

Жарде А. 106, 145
Жебелев С. А. 6, 8, 9, 76, 121, 123, 133, 139
Живаго А. В. 19, 139

Зенкович В. П. 13—15, 17—19, 22, 139
Зенон 131
Зограф А. Н. 8, 30, 120, 139
Зопприон 119

Иванов Н. Р. 104
Иванов Э. И. 7, 139

Кадеев В. И. 49, 139
Калмыкова В. А. 139
Карасев А. Н. 11, 12, 37, 54, 58, 60, 67,
75, 112, 125, 128, 130, 139
Карышковский П. О. 8, 123, 139
Кац В. И. 12, 20, 39, 119, 139
Кешпен П. 139
Кибела 116
Кирьянов А. В. 105, 139
Кирьянова Н. А. 104
Клейн Л. С. 8, 22, 139
Клепник Н. Н. 23, 24, 139
Клуге Н. Н. 57
Кноблаух П. 17, 145
Коздовский Д. А. 16, 139
Колосов Ю. Г. 139
Кондаков Н. П. 6, 29, 142
Коновалов А. А. 34, 44, 46, 49, 139
Копейкина Л. В. 78, 139
Кора 82
Кощевалов А. С. 8, 139
Кречетов П. Н. 4, 22, 139
Кругликова И. Т. 3, 105, 106, 108, 112,
140
Ксенофонт 56
Кузнецов В. Г. 20
Кулаковский Ю. 7, 22, 140
Курнаков И. С. 13, 19, 20, 22, 140

Лазуков Т. И. 16, 140
Лапин В. В. 31, 49, 140
Латышев В. В. 4—10, 22, 44, 121, 140
Латышева В. А. 38, 54, 103, 140
Левн Е. И. 64, 127, 137, 140
Левковская Г. М. 25, 140
Левкон 128
Лесков А. М. 72, 130, 140
Либеров П. Д. 114, 140
Лидиенберг Д. А. 15, 16, 17, 140
Лисимах 118
Лисицына Г. Н. 24
Логгинов В. В. 19, 140
Лорд Л. Е. 61, 72, 145
Лузина З. А. 104
Лысов В. К. 104
Лычагин Г. А. 16, 140
Львова Е. В. 16, 140
Лэнг М. 94, 145

Мак-Гру Дж. Р. 112
Максимова М. И. 8, 31, 117, 140
Маликов В. М. 53, 100, 112, 144
Марков К. К. 16, 140
Марк К. 28
Маслов С. П. 25, 26, 28, 139, 140

Мачинский Д. А. 119, 140
Менабде В. Л. 106, 140
Минна Е. 6, 7, 46, 116, 133, 145
Митридат VI 7, 119, 133, 134
Михаловский К. 11
Михлин Б. Ю. 138
Моисеев Л. А. 5—10, 20, 29, 31, 35, 36,
40, 44, 46, 47, 57, 58, 60, 78, 96, 97, 98,
120, 140

Наливкина М. А. 8, 10, 30, 31, 35—37, 44,
57, 61, 62, 78—79, 98, 116, 117, 125,
140—141
Невесская Л. А. 15, 141
Невесский Е. Н. 15, 16, 140
Негруль А. М. 109, 110, 141
Нейманн К. 4, 145
Нейхардт А. А. 126, 141
Неоптолем 132
Ника 120
Никишин И. И. 105, 141
Николаев В. А. 16, 140
Николаев Н. И. 16, 141
Николаенко Г. М. 93, 141
Новицкая М. 61, 145
Норденшельд А. Е. 14, 22, 145

Омфалик 93
Орехова Т. А. 104
Орешников А. В. 6, 30, 141
Островский А. Б. 15, 16, 141
Откупщиков Ю. В. 49, 141

Павлов В. А. 34, 41, 139, 141
Павлова Н. Н. 13, 141
Палак 128, 133, 134
Первольф Ю. В. 20, 27, 141
Петерс Б. Г. 11, 16, 118, 136
Печенкин Н. М. 62, 108
Пишпиди Д. М. 3, 119, 126, 133, 145
Плавтий Сильван 135
Плиний 106
Плутарх 77, 118
Подгородецкий П. Д. 13—16, 19, 24, 28,
137, 141
Подольский Н. Л. 20
Полибий 131
Поллен 118, 119, 128, 129
Поллукс 126
Попов А. В. 5
Попова Е. А. 84
Посейдоний 93
Посидей 132
Правоторов И. А. 15, 141
Прушевская Е. О. 64, 137
Псевдо-Скилак 117
Псевдо-Скимн 117
Птоломей 4, 22, 130, 133
Пятышева Н. В. 10, 49, 120, 141

Равич М. И. 20
Раевский Д. С. 74, 75, 133, 141
Ранович А. Б. 77, 141
Ромаченко Н. Ф. 5, 22, 31, 36, 44, 95—
97, 141
Ростовцев М. И. 5, 6, 8, 12, 54, 77, 129,
141, 145
Руденко М. И. 104

- Сабазий 82
 Савеля О. Я. 30, 119, 141
 Сатир 128
 Свенцицкая И. С. 126, 141
 Сергеевко М. Е. 108, 109, 142
 Сивницын М. С. 75, 142
 Скилур 76, 128, 132
 Славин Л. М. 3, 142
 Слободин В. М. 142
 Слудский А. Ф. 22, 142
 Смирнов Г. Д. 8, 43, 48, 142
 Смирнов К. Ф. 119, 141
 Соболевский А. И. 142
 Соколовский Н. И. 74, 75, 105, 142
 Соломоник Э. И. 9, 10, 43, 44, 52, 76, 130, 133, 142
 Спасский Г. 4, 142
 Страбон 4, 6, 7, 35, 43, 76, 112, 128, 132—134
 Стржелецкий С. Ф. 3, 4, 10, 12, 49, 72, 74, 77, 79, 80, 82, 89, 90, 92, 107, 108, 110, 112, 117, 119, 121, 130, 133, 136, 142
 Сумароков П. 95, 142
- Тасий 134
 Тахтай А. К. 94, 142
 Теофраст 105, 106, 109
 Толстой И. И. 6, 44, 142
 Топачевский В. О. 25
 Трог Помпей 119
 Троицкая Т. Н. 8, 29, 30, 43, 46, 50, 142
 Тюменев А. И. 4, 6, 8—10, 35, 116, 117, 123, 130, 142
- Уварова П. С. 5
 Уманская А. С. 25
- Фармаковский Б. В. 5
 Фарнак I 131, 133
 Фаустина Старшая 36
 Федоров П. В. 15—18, 142
 Федосеев П. Н. 28, 142
 Фейрбридж Р. 15—17
 Филипп В. Р. 25, 26, 28, 140
 Филипп II Македонский 118, 119
 Филонович П. 61, 62, 98
 Фирсов Л. В. 72, 103, 104, 142
 Фляксберггер К. А. 105, 142
 Фридендер Г. 4, 145
 Фронтин 119
- Хазанов А. М. 30, 143
 Харко Л. П. 116, 143
 Харон 50
 Харматта Я. 129, 145
- Черепанова Е. Н. 29, 31, 40, 144
 Черненко Е. В. 50, 143
- Шелов Д. Б. 39, 106, 119, 143
 Шилк К. К. 15, 16, 143
 Шишкин К. В. 12, 53, 56, 66, 99, 102, 143
 Шмаков А. И. 4, 86, 94, 143
 Шнитников А. В. 27, 143
 Шостакович В. Б. 20, 27, 143
 Шрамко Б. А. 75, 143
- Штительман Ф. М. 110, 143
 Штифтар В. Ф. 5, 8, 143
 Шульц П. Н. 6, 8—12, 15, 20, 22, 29—31, 34—37, 50—52, 55, 72, 74, 85, 128, 133, 143
 Шустов Б. С. 19, 23, 143
- Щепянский А. А. 29, 30, 31, 38, 40, 144
 Щербак Н. Н. 12, 25
- Энгельс Ф. 28
 Эрнст Н. Л. 8, 144
 Эсхин 93
- Юргевич В. 4, 133, 144
 Юстин 119
- Якубцинер М. М. 104
 Янушевич З. В. 103—107, 110, 144
 Янышев Н. М. 63
 Яценко И. В. 11, 12, 31, 37, 41, 58, 60, 67, 84, 103, 104, 130, 144—145
 Яшемски В. 110, 112, 145
- Adamesteanu D. 78, 87, 145
 Akurgal E. 31, 145
 Alexandrescu P. 31, 145
- Bernhard M.-L. см. Беркхард М.-Л.
 Billard R. 112, 145
 Bloom A. 17
 Bon A. 61, 62, 77, 145
- Canarache V. 31, 145
 Castagnoli F. 78, 145
 Chandler L. 60, 145
 Chevallier R. 98, 146
 Cook J. M. 31, 145
 Cotte Ch. 105, 145
 Cotte J. 105, 145
- Daux G. 94, 145
 Dörpfeld W. 61, 62, 145
 Δραγάτος I. X. 61, 146
 Dufková M. 3, 80, 145
- Fairbridge R. W. см. Фейрбридж Р.
 Friedlender G. см. Фридендер Г.
- Gaidukevič V. F. см. Гайдукевич В. Ф.
 Gerkan A. 78, 145
 Gow A. 107, 145
 Grace V. см. Грейс В.
 Graham I. W. 78, 145
 Grimal P. 77, 145
 Guiraud P. 112, 145
- Harmatta J. см. Харматта Я.
- Jarde A. см. Жарде А.
 Jashemsky W. F. см. Яшемски В. Ф.
 Jelgersma S. 17

Keil J. 61, 145
Kieseritzky G. 6, 145
Knoblauch P. см. Кноблаух П.

Lang M. см. Лэнг М.
Lord L. E. см. Лорд Л. Е.
Lotze D. 126, 145

Michel Ch. 7, 145
Minns E. H. см. Миннс Е.
Mörner N.-A. 15, 17, 145

Neumann A. C. 17, 145
Neumann K. см. Нейманн К.
Nordenskiöld A. E. см. Норденшельд А. Е.
Nowicka M. см. Новицкая М.

Pešírka J. 3, 77, 80, 92, 145
Peisker J. 108, 145
Pippidi D. M. см. Пиппиди Д. М.
Premerstein A. 61, 145

Reinach Th. 7, 146
Robinson D. M. 73, 146
Rostovtzeff M. I. см. Ростовцев М. И.

Schmiedt G. 87, 98, 146
Schnebel M. 98, 146
Scholl D. W. 17
Shepard F. R. 17
Short G. 31, 146

Tillyard H. J. 57, 61, 146

Uggeri G. 87, 146

Wąsowicz A. 3, 86, 92, 100, 146
Watzinger C. 6, 145

Young J. H. 61, 77, 146

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

- Абузлар балка 19
 Аврчи, оз. 20
 Ак-Мечетская бухта см. Черноморская бухта
 Ак-Мечеть см. Черноморское
 Алма-Кермен городище 106, 132
 Алма-Гатак городище 132
 Альма, р. 18, 130
 Андреевка 126
 Андрос, о. 61
 Арголида 61, 72
 Арцецо 107
 Армения Великая 76
 Аттика 60, 61, 116
 Афины (Греция) 42, 116, 117
 — (М. Азия) 76
- Бакальская коса 4, 5, 19, 42, 118, 122
 Бакальское поднятие 14
 Батарейка I, городище 75, 105
 Батарейка II, городище 74
 Беотия 60
 Березань, о. 78
 Березовка 30
 Бююк-Мойнакское, оз. 5, 94—97
 Веспор, Веспорское царство 44, 55, 64, 74, 93, 105, 108, 112, 118, 119, 123, 126, 128
 Булганак, р. 130
 Булганакское городище 132
- Варненский лиман 16
 Ветреная бухта 24, 31, 66—68, 90, 91, 94, 103, 104, 108, 110, 113, 123, 125, 128
 Византий 118
 Витино 37, 99
- Гавриловское городище 102
 Галлия 106
 Гаршино 35, 150
 Гераклейский полуостров 3, 7, 9, 12, 37, 53, 54, 62—65, 72—74, 79, 80, 87, 89, 91, 92, 95, 98, 100, 105, 108, 110, 112, 119, 121, 122, 125, 130
 Гераклея Понтийская 36, 117, 118, 126
 Гилея 25
 Гипакирис, р. 22
 греки 5, 9, 10, 12, 30, 35, 50, 68, 125
 Греция 77, 121
- готы 135
 гунны 50, 135
- Дандака 130, 132
 Джангуль, урочище 19, 23, 24, 53, 98
 Джангульский увал 14
 Джангульское побережье 19
 Джарылгач, оз. 30
 Джарылгачская котловина 14
 Днепр, р. 119, 127, 132
 — Нижний 65, 74, 102, см. также Поднепровье Нижнее
 Добруджа 119
 Дон, р. 106, 119, 127
 Донулав, Донулавское, оз. 4, 11, 13, 18, 19, 22, 28, 31, 118
- Евпаторий 133
 Евпаторийская бухта 13, 30, 44
 Евпаторийские соляные озера 13, 20
 Евпаторийский мыс 13
 — район 13, 14, 16, 23, 98, 108
 Евпаторийское побережье 18, 25
 Евпаторийско-Сакский прибрежный район 3, 18, 38, 40
 Евпатория 4, 5, 8, 11, 12, 16, 20, 25, 31, 94, 95, 133, 135
 Европа Восточная 106
 Египет 98
 Елизаветинская станция 108
- Заветное 132
 Закисова балка, поселение 110
 Заозерная 11, 32, 34, 44, 46, 49
 Знаменское, городище 75
- Иберия 76
 Имнатское болото 16
 Инкерманское поселение 74
 истриане 119
 Итака, о. 61, 62
 Италия 112
- Кавказ 105, 106
 Казацкое, городище 65, 74
 Каллатия 118

Кальпа бухта 31
Каменское городище 39
Камышевая бухта 17
Караджа см. Оленевка
Караджинская бухта 14, 19
Кара-Меркит, с. см. Каштановка
Кара-Мрун, мыс 14, 19
Карамыш, балка 19
Карантинный, мыс 13, 19, 20, 31
Карань 108
Каркинит р. 22
Каркинитский залив 13, 22, 38
Кастель Большой 19
— Малый 19
Каштановка 29
Керменчак, городище 12
Керченский пролив 132
Кизил-Яр, оз. 13, 17—19
Киммерик 108
Книд 36
Колхида 16, 17, 76
Коврат, оз.
Кошка, гора 74
Крит, о. 17
Крыловка 99
Крым 3—5, 7—10, 14, 18, 27, 29, 30, 72,
105, 106, 112, 117, 119, 120, 122, 127,
128, 134
— Западный 6, 8, 9, 117—119, 130, 132
— Равнинный степной 13, 29, 109, 112,
113
— Центральный 74, 131, 132, 135
— Юго-Западный 74, 106, 116, 122, 127,
132, 133
Кубань 108
Кульчук Верхний см. Чистополье

Лаазурное 99, 101
Ленинград 12
Лидия 61
Лукания 53, 87, 98, 116

Македонская держава 118
марнандины 126
Марьино 60
Маячный полуостров 62, 89, 98, 101, 108,
122, 133
Мегарида 61
Мегары 57
Межводное 11, 86, 125
Меловое 15
Меловой увал см. Тарханкутский увал
Метапонт 53, 87, 98, 116
Мирмекий 64, 105, 112
Михайловка 126
Мойнаки 124
Мойнакские озера 5, 20, 31, 42, 95
Молдавия 13

Наксос, о. 61
Напят 76, 133, 134
Неаполь (скифский) 6, 12, 39, 65, 75, 76,
128, 132
Николаевка 18

Одесса 19
Ойбурское, оз. 20

Ойли 15
Ойрат, мыс 19, 55, 98—100, 110, 111, 113
Окуевка 27, 61, 99, 101
Оленевка 5, 38
Ольвия 6, 16, 31, 44, 64, 78, 93, 110, 116—
119, 123, 127, 128, 132
Очаков 123

Палакий 76, 133
Панское, оз. 16, 22, 34
Пантикапей 6, 64, 78
Перекоп, Перекопский перешеек 3, 5, 128,
129, 134
Песочная бухта 44
Петуховка городище 75
Поворотное поселение 74
Поднепровье Нижнее 35, 68, 74, 129, 132,
135
Помпей 110, 112
Понт см. Черное море
— Западный 148
— Понтийское царство 131
Поповка 11, 37, 51, 66, 99
Причерноморье 4, 7, 16, 75, 80, 107, 117, 123
— Северное 64, 105, 106, 108, 112, 114,
119
Прибрежная станция 35

Рим 106
Родниковое 27
Родос 36
роксоланы 50, 133, 134
Русская равнина 13

Саки 24, 25, 122, 124, 125
Сакское, оз. 20, 25, 42, 118, 122
Сарапаны 76
сарматы 3, 85, 119, 127, 128, 131—133
Сары-Булатская коса см. Бакальская коса
Сасык-Сиваш, оз. 16, 20, 35, 130
сатархи 30, 50, 132, 133
Севастополь 12, 18, 26, 122
Северная коса 17, 18, 122
Семеновка, поселение 105
Сиваш 7
Синопа 31, 36, 94, 117, 126
Синория 76
Сифнос, о. 61
Скиаф, о. 61
Скифия 116, 128, 131

— Крымская 7, 11, 43, 128
— Малая 74, 128
— Нижнеднепровская 43, 128
— позднескифское государство 3, 4, 7,
10, 85, 113, 127, 128, 131, 132, 135
— царство Атея 119
скифы 3—7, 9, 10, 29, 30, 35, 39, 42, 49,
52, 53, 57, 66, 71, 74—76, 98, 101, 106—
107, 109, 110, 116, 119, 120, 127—
134
— земледельцы 9, 10, 132
— крымские 9, 12, 52, 129, 130
— нижнеднепровские 10, 52
Смирна 31
Средиземное море 17
Средиземноморье 16, 80, 107
Стомполо залив 16
Суннон мыс 61

- Таврида 7
тавры 30, 50, 72, 74, 117, 119, 121, 126,
127, 130, 133
Таманский полуостров 74
Танаис 106
Тарханкут, мыс 14, 19
Тарханкут, Тарханкутский полуостров 13,
14, 16, 19, 22, 24—30, 38—40, 51, 66,
80, 82, 86, 98, 103, 108, 110, 113, 120
Тарханкутский район 23
— увал 14, 24
Тарханкутское поднятие 14, 16, 22, 28
Трапезунт 76
трибаллы 119
Тунис 98
- Украина 27
Усть-Альминское городище см. Алма-Та-
ман
- Фасис 76
Фасос, о. 36, 42, 61, 62, 94
Феодосия 6
- Хабен 76
Херсонес Страбонов «старый» 6, 62, 77,
89, 90, 99, 101, 116, 121, 122, 133
- Херсонес (Таврический) 3—12, 18, 24, 28,
30, 35, 36, 39, 42, 44, 46, 49, 50, 53,
55, 57, 58, 60, 63, 64, 71, 72, 74, 75,
77—80, 82, 85—87, 89, 90, 95, 98, 99,
101, 105, 106, 108, 110, 113, 117—123,
125—135
Херсонес Фракийский 106
херсонесцы 4, 6, 7, 9, 10, 42, 54, 72, 76,
110, 122, 125, 129, 133—135
Холм А, поселение 108
- Чеголгай, урочище 19, 35, 38, 82, 103
Черное море 3, 15—17, 27, 117, 126
Черноморская бухта 4, 5, 14, 19, 20, 29,
31, 51, 62, 86, 94, 98
Черноморские проливы 117
Черноморское 9, 29, 66, 86
Чякур 29
Чистополье 50
Чокрак см. Родняковое
Чоротайская балка 19, 30, 130
- Эгейское море 17
Эгина 17
эллины 10
Эврея крепость 60
Эски-Форос 14
Ярылгачская бухта 11, 14, 17, 19—22, 30,
38, 80, 98, 128

**УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА**

- Абузлар, поселение 32
 Айрчи городище, херсонесское поселение и скифская крепость 14, 16, 18, 32, 35, 37, 38, 55, 66, 99, 103, 108, 114
 — следы размежевания 53, 99, 101, 102
 Ак-Мечетский городище см. Калос Лимен
 Ак-Мечетский курган см. Кара-Меркитский курган
 Агчи-Сарай, поселение 32, 41, 55
 — следы размежевания 53, 99
- «Баркан» вал, стена 86—89, 130
 Беляус городище, херсонесское укрепление и скифская крепость 4, 11, 14, 16, 32, 33, 35, 38, 42, 44, 51, 54, 55, 61—65, 73, 74, 103, 106, 108, 112, 114, 115, 120, 130
 — Восточное поселение 32, 41
 — некрополь 11, 44, 46, 50, 52, 56
 Береговое поселение 18, 32, 41, 43, 114
 Бурнелъ (Бурун-Эля), поселение 32
- Ветреная бухта, сельская усадьба 11, 24, 42, 66—68, 90—94, 103, 104, 108, 110, 113, 123, 125, 128, 130
 — земельный надел 90, 91
 Владимировское поселение, Владимировка 14, 19, 32, 35, 38, 40, 54, 82, 83, 103, 105, 114, 120
- Гаршино, поселение см. Сасык-Сивашское поселение
 Гроты, поселение 32, 55
- Джан-Баба городище, херсонесское поселение и скифская крепость 14, 32—35, 38—40, 53—55, 60, 66, 108, 114
 — некрополь 46, 52
 — следы размежевания и дорог 53, 100, 102
 Джан-Баба I, поселение 32, 33, 40
 Джавгуль I, поселение 14, 32, 41
 — II, поселение 32
 — следы размежевания 53, 99
 Джарылгачское поселение 31, 32
- Заозерная, некрополь и каменоломни 32, 34, 44, 46, 49
- Западно-Донузлавское поселение 31, 32, 35, 41, 55, 130
- Калос Лимен, городище 4—11, 14, 19, 20, 24, 29, 31, 32, 36, 37, 40, 42, 43, 53, 54, 58—63, 67, 68, 75—80, 86—95, 98, 99, 101, 103, 109, 110, 114, 118, 120—123, 125, 128, 130, 132—134
 — земельные наделы 53, 86—92, 100, 110, 113
 — некрополь 8, 29, 43, 46, 47, 49—51
 — сельские усадьбы 92—94
 Караджинское городище, херсонесское укрепление и скифская крепость 5, 14, 32, 35, 38—40, 50, 54, 55, 60, 66, 114, 120
 — некрополь 5, 46, 50
 Кара-Меркит, курган 6, 29
 Кара-Тобе, городище 14, 32, 34, 35, 37, 38, 85, 114, 133, 135
 Кара-Тобе I, поселение 32, 35, 41
 Кафель, поселение 14, 32, 41
 Керкинитяда, городище 4—8, 10, 13, 14, 16, 20, 21, 30—32, 35—37, 40, 42—44, 46, 53—55, 57, 58, 61, 62, 74—80, 96, 98, 101, 113, 116—118, 120—123, 125, 126, 128, 130, 131, 134
 — некрополь 43, 44, 46
 — сельские усадьбы 95—98
 — следы размежевания 94, 95
 Красный Курган см. Кульчукское городище
 Кульчукское городище, херсонесское укрепление и скифская крепость 8, 14, 32, 33, 35, 38, 39, 54, 60, 66, 67, 99, 108, 114, 120, 123
 — некрополь 46, 38, 51
 — следы размежевания 99, 100
- Лазурное, поселение 32, 41, 100, 114
 — некрополь 46
 — следы размежевания 99—101
- Марьино I, поселение, сельская усадьба 32, 35, 41, 100
 Маслины см. Владимировское поселение
 Маяк, поселение 32, 34, 41, 42, 55
 Межводное, поселение 11, 32, 41, 55, 125, 128, 130
 Мурачок, поселение 18, 32, 41, 55

- Ойбурская курганная группа 32, 50
 Ойрат, сельская усадьба и земельный надел 14, 32, 53, 55, 80, 99—101, 110, 111, 113, 130
 Окузевка I. поселение 32, 35, 41, 55
 — следы размежевания 100, 101
- Панское I, поселение, группа укрепленных и неукрепленных усадеб 11, 14, 16, 20, 21, 24, 26, 32, 34, 39, 41, 42, 47, 49, 53, 55, 80—82, 84, 100, 103—108, 112, 114, 120, 124—126, 128, 130
 — некрополь 11, 21, 44, 46—50
 — следы дорог 53
- Панское II, поселение, херсонесское укрепление (усадьба?) 21, 32, 34, 38, 53, 64, 120
 — III, поселение, сельская усадьба 21, 32, 34, 41, 42, 55, 80
 — IV, поселение 16, 21, 22, 32, 34
- Сасык-Сивашское (Гаршино), поселение 31, 32, 35, 41, 130
- Тарпанчи, городище, херсонесское поселение и скифская крепость 11, 14, 16, 19, 24—27, 32—35, 38—40, 42, 54—56, 61—63, 65—71, 73—75, 83—85, 99, 100, 103—106, 108—110, 113, 114, 133, 135
- Восточное поселение 11, 19, 32, 33, 39—41, 69, 82, 83
 — Западное поселение 32, 33, 40, 41
 — некрополь 46
 — следы размежевания 53, 99, 100, 102
- Тереклы-Конрат, поселение 18, 32, 41, 42, 55
- «Чайка», городище, херсонесское укрепление и скифская крепость 11, 14, 16, 25, 26, 31, 32, 34, 37, 38, 42, 44, 46, 49, 51, 54, 55, 58, 60, 64, 66—68, 75, 83, 95, 98, 100, 103, 108, 112, 120, 123—125, 128, 130
- Черноморское городище см. Калос Лимен
 Чоротайское поселение 30, 32, 41, 55, 130
 Чистополье курган 50
- Южно-Донузлавское, городище, херсонесское поселение и скифская крепость 11, 14, 32, 35, 37, 38, 40—42, 50, 52, 55, 66—68, 71, 80, 82—85, 97, 100, 108, 112—114
 — некрополь 46, 52
 — следы размежевания 53, 100, 101
- Южно-Донузлавское I, поселение 32, 55
- Ярыгачское, поселение 32, 55

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Палеогеография Северо-Западного Крыма	13
Древние берега (15). Почвы (23). Растительность и животный мир. Фауна моря (24). Климат и гидрология (27). Роль человека в изменении природной среды Северо-Западного Крыма (27).	
Глава II. Топография, хронология и типология памятников	29
Топография поселений (30). Стратиграфия и хронология поселений (35). Некрополи (43). Поля и дороги (53). Типы поселений (53).	
Глава III. Города, укрепленные и неукрепленные поселения	57
Оборонительные системы греческих городов и укреплений (57). Оборонительные системы скифских крепостей (66). Некоторые вопросы греческого и скифского крепостного строительства и военного дела (72). К вопросу о херсонесских ТЕИХН (75). Планировка и застройка Керкинитиды и Калос Лимена (78). Неукрепленные поселения херсонесской хоры (80). Жилища позднескифских поселений (83).	
Глава IV. Организация земель. Земледелие. Промыслы	86
Организация сельскохозяйственной территории на хоре Херсонеса (86). Организация аграрной территории позднескифских поселений (101). Производство сельскохозяйственных культур (103). Животноводство (114). Рыбный промысел (114).	
Глава V. Очерк истории по данным археологических и письменных источников	116
Литература	136
Список сокращений	147
Указатель имен	149
Указатель географических названий и этнических терминов	153
Указатель археологических памятников Северо-Западного Крыма	156

Александр Николаевич Щеглов

**СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ**

*Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор издательства *А. Н. Романова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *С. В. Добрянская и Л. А. Привалова*

ИБ № 8547

Сдано в набор 26.06.78. Подписано к печати
04.12.78. М-08364. Формат 70×108^{1/16}. Бумага
типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Печ. л. 10—14 усл.; печ. л.
Уч.-изд. л. 14.43. Тираж 2150. Изд. № 6874.
Тип. зак. 521. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199184, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая
типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12